

Вестник
АЛЬЯНС-АРХЕО

Вестник АЛЬЯНС-АРХЕО

19

Москва
Санкт-Петербург
2017

Вестник «Альянс-Архео». Вып. 19. — М.; СПб.: Альянс-Архео, 2017. — 95 с.

ISBN 978-5-98874-136-7

Научно-исследовательское и издательское объединение «Альянс-Архео» осуществляет выпуск электронного издания, на страницах которого размещаются материалы, отражающие результаты исторических и историко-методических исследований, а также представляются публикации нарративных, документальных и изобразительных памятников.

Редактор С. Н. Кистерев

*Вестник «Альянс-Архео» издается научно-исследовательским
и издательским объединением «Альянс-Архео»
и распространяется исключительно в электронном виде*

*Журнал индексируется в научной библиотеке КиберЛенинка
и поддерживает современный стандарт научной коммуникации —
открытый доступ к науке и открытые лицензии*

ISSN 2415-3273

ISBN 978-5-98874-136-7

© ООО «Альянс-Архео», 2017

А. Л. Грязнов, Л. В. Мошкова

ПРИНЦИПЫ ЧТЕНИЯ ДЬЯЧЕСКИХ МОНОГРАММ НА АКТАХ XV — НАЧАЛА XVI в.

На русских актах XV в., изданных в княжеских канцеляриях, обнаружено более сотни специфических знаков,¹ которые принадлежали княжеским дьякам и получили в историографии название дьяческих монограмм.² Благодаря исследованиям Д. А. Морозова можно считать установленным, что часть дьяческих монограмм на актах XV в. выполнена с использованием уйгурской графики, а для пяти из них исследователем были предложены варианты прочтения.³ Интересный

¹ См.: Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998. С. 300–315; Грязнов А. Л. 1) Дьяческие монограммы на духовных и договорных грамотах московских князей XV в. // Вспомогательные и специальные науки истории в XX — начале XXI вв.: призвание, творчество, научное служение историка. Материалы XXVI Международной научной конференции. Москва, 14–15 апреля 2014 г. М., 2014. С. 152–155; 2) Дьяческие монограммы на актах из фонда ГКЭ // Вестник Альянс-Архео. Вып. 18. М.; СПб., 2017. С. 31–84.

² Монограммами дьяческие знаки называли издатели актов XIX–XX вв. (А. А. Федотов-Чеховской, Д. М. Мейчик, И. А. Голубцов), и это наименование утвердилось в историографии. С. М. Каштанов первоначально придерживался аналогичного мнения, хотя и высказывал сомнения в правильности применения термина, полагая, что к монограммам приближаются только единичные знаки (Каштанов С. М. Русская дипломатика. М., 1988. С. 160), однако в выступлении на конгрессе по дипломатике в 2006 г. утверждал, что дьяческие знаки неточно называют монограммами, и они являются парофами (Каштанов С. М. Актуальные проблемы дипломатики // Проблемы источниковедения. Вып. 1 (12). М., 2006. С. 470). Пока единственным примером удачной расшифровки кириллической монограммы является прочтение А. В. Антоновым монограммы ямского дьяка Василия Халтуры (Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. Т. 3. М., 2002. С. 145).

³ Морозов Д. А. Уйгурские автографы московских дьяков (дополнение к древнерусской дипломатике) // Памяти Лукичева. Сборник статей по истории и источниковедению. М., 2006. С. 173–199.

феномен использования русскими дьяками восточной письменности заставил обратить более пристальное внимание на другие дьяческие монограммы. По прорисовкам, данным в АСЭИ, было понятно, что уйгурская графика характерна далеко не для всех монограмм, а во многих случаях используется кириллица. Это давало надежду на их расшифровку или, хотя бы, на варианты интерпретации не специалистами в восточных языках. Непосредственное обращение к документам, на которых поставлены дьяческие монограммы, а также возможность их сопоставления позволили расшифровать некоторые из них.⁴ Как оказалось, они действительно несут в себе зашифрованные имена ставивших их дьяков.

В основе принципа чтения кириллических монограмм, оставленных дьяками как на лицевой, так и на обратной сторонах документа, лежит логическое рассуждение, базирующееся на следующих положениях.

1. Исследователи (и в первую очередь — Д. А. Морозов), выявившие и расшифровавшие монограммы, сделанные с помощью уйгурского алфавита, совершенно правы в своих выводах.

2. Однако пользоваться этим алфавитом осмысленно (то есть знать, как надо передавать ту или иную фонему) могло незначительное число людей. Поэтому первый возможный способ «создания своего фирменного знака» — подражание уйгурской графике. Из нее удобнее всего было заимствовать вертикальные завитки, напоминающие несколько раз повторенную букву «З». Вероятно, монограмма дьяка Федора Дубенского⁵ является как раз таким подражанием, и поэтому расшифровать ее пока не удалось.

3. Желающие обзавестись своей фирменной кириллической подписью меньше всего думали о том, чтобы она была понятна и легко читалась. Вероятно, эта подпись воспринималась как единый знак (типа бортного знамени, печати, тамги и т. п.), принадлежащий конкретному человеку, но, тем не менее, она должна была составляться из хорошо известных кириллических букв. Приемы оформления могли быть заимствованы из русской вязи — наиболее распространенного способа украшения заглавий в книге. Надо отметить, что это не было изобретением сотрудников княжеских канцелярий: в русской рукописной книге опыты шифровки писцом своего имени известны с конца

⁴ Решающее значение имело то, что авторы работали с цифровыми снимками, которые можно увеличивать на экране компьютера и анализировать мелкие особенности, плохо видимые как невооруженным глазом, так и с помощью лупы.

⁵ Узнаваемым элементом монограммы Федора Дубенского была волнистая горизонтальная линия, которая не характерна для уйгурской письменности.

XIV в. (но эта книга написана на Афоне).⁶ Появление собственно монограмм в русских рукописях относится к первой четверти XV в.⁷ Так, у монаха Каллиста она достаточно сложна и читается сверху вниз (с однократным возвратом на одну букву).⁸

Технология написания (и прочтения) кириллической монограммы была, полагаем, следующей. Рефлекторно человек начинал ее писать с первой буквы своего имени, которая или выделялась размером, или составляла вертикальную ось. Выбор того или иного алгоритма действия определялся первой графемой имени.⁹ Поэтому, приступая к прочтению монограммы, необходимо попытаться определить, какая буква написана сначала.¹⁰ Следующие буквы могли присоединяться к основной как по принципу соединения (буквы одного размера), так и подчинения: буквы имеют общие части, но по размеру меньше. Вероятно, возможен и смешанный вариант. Необходимо отметить, что одна и та же буква в монограмме может читаться не один раз. Сложность монограмм могла быть разной. Наиболее простые состоят только из нескольких букв имени.

Примером такой упрощенной монограммы может служить древнейшая сохранившаяся монограмма (1428–1432 гг.),¹¹ принадлежавшая белозерскому дьяку Захарии (тип 1).¹² Она выглядит довольно просто и состоит из вытянутой в высоту «З» с хвостом и буквы «Х» над ней.

⁶ Здесь имя писца написано крестообразно с исключением гласных (К/Н К/Л), (см.: Турилов А. А. Забытые русские святогорцы — Каллиник и «филадельф» (Страница истории русского книгописания на Афоне в конце XIV — начале XV в.) // МОСХОВИА. Проблемы византийской и новогреческой филологии. М., 2001. С. 434). Полагаем, эту запись можно считать «протомонограммой», так как буквы не соединены между собой. Известна также монограмма новгородского владыки Евфимия II (1429–1458 гг.) на серебряном ларце (см.: Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода. Художественный металл XI–XV века. М., 1996. С. 275) и «книжный знак» священноинока, игумена Соловецкого монастыря Досифея конца XV в. (см.: Розов Н. Н. Книга в России в XV веке. Л., 1981. С. 121).

⁷ См.: Турилов А. А. Забытые русские святогорцы. С. 434.

⁸ См.: Шибаев М. А. Рукописи Кирилло-Белозерского монастыря XV века. Историко-кодикологическое исследование. М.; СПб., 2013. С. 98–99, 101.

⁹ Очевидно, буквы с ярко выраженной штамбовой диктовали оформление монограммы по принципу соединения вокруг оси, округлые или сложного рисунка — по принципу подчинения.

¹⁰ К сожалению, и цифровая фотография, и оригинал не всегда позволяют определить это однозначно.

¹¹ АСЭИ. Т. 2. М., 1958. № 51 [ГКЭ. № 711. Л. 1 об.].

¹² Здесь и далее указывается тип монограмм по классификации Ю. Г. Алексеева (Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства) с дополнениями и уточнениями А. Л. Грязнова (Грязнов А. Л. Дьяческие монограммы на актах из фонда ГКЭ).

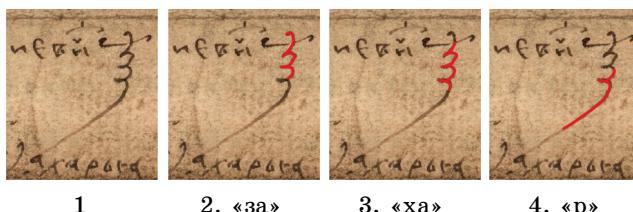
Рис. 1

1 2 3

Внешний вид этой монограммы — прямая отсылка к уйгурской графике и, при определенном желании, в монограмме Захарии можно увидеть уйгурские буквы, составляющие его имя (но только в том случае, если один и тот же «участок» монограммы использовался в нескольких буквах).¹³ Не настаивая на верности этого варианта расшифровки, все же полагаем, что он может стать предметом рассмотрения специалистов.

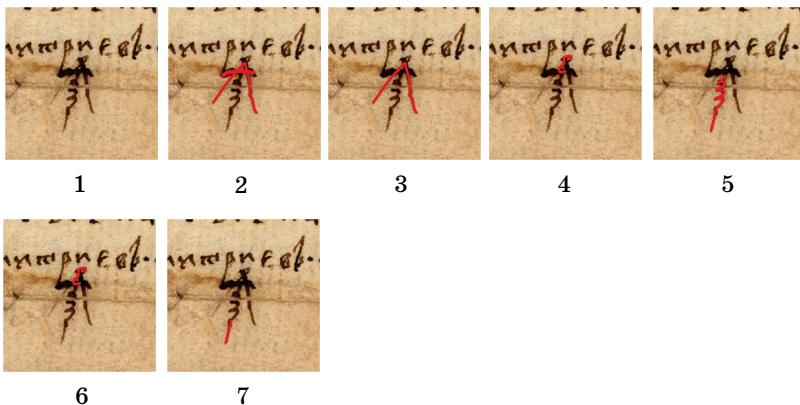
Рис. 2

1 2. «за» 3. «ха» 4. «р»

К числу ранних монограмм (1430-е гг.) принадлежит знак дьяка Дмитрия Шемяки Алексея (тип 8).¹⁴ В нем уверенно читается часть букв имени дьяка: «А», «л», «Э», а остальные («е» и «и») видны несколько хуже. Если предположить, что одна и та же графема («е») читается дважды, то можно говорить о том, что имя представлено полностью — «Алээеи».

Рис. 3

¹³ В качестве образца для написания букв старомонгольского алфавита использовалось пособие Л. Г. Скородумовой (*Скородумова Л. Г. Введение в старомонгольский язык*. М., 2000. С. 28, 19, 14).

¹⁴ АСЭИ. Т. 1. М., 1952. № 164 С. 120 [ГКЭ. № 1120]; ДДГ. М.; Л., 1950. № 35.П. С. 100 [РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 22-6].

Одним из наиболее известных дьяков середины XV в. был Кулудар (Иван Владимирович Ирежский), успевший поработать в канцеляриях нескольких князей. Его монограмму в уйгурской графике расшифровал Д. А. Морозов,¹⁵ но Кулудар, как оказалось, использовал еще и кириллическую монограмму (тип 42). Ее он поставил на договоре Василия II с Иваном Андреевичем Можайским 1448 г.¹⁶ Монограмма расположена в документе горизонтально, то есть «лежит» на строке, поэтому, чтобы ее прочитать, требуется повернуть документ на 90° по часовой стрелке.

Монограмма состоит из двух частей. Первая часть — отдельно стоящая буква «К». Остальные буквы монограммы соединены в почти симметричный знак. Зная имя дьяка, которому принадлежит монограмма, можно без особого труда их прочитать. Единственный нюанс (встречающийся и в других монограммах) — то, что буква «у», употребленная в имени два раза, в самой монограмме «скрыта» только один раз, то есть ее нужно читать дважды.¹⁷

Буква «У» повернута на 180° по отношению к отдельно стоящей «К», по размеру вполне сопоставима с ней и является той «конструкцией», к которой присоединяются остальные графемы (сходный прием известен: см. рис. 8). Читается она как «у», затем «л» и опять «у». Буква «д» (с длинными ножками) получается добавлением небольшой черты справа сверху. Справа к «у» прикреплена «а», слева — «р». Конечный «ъ» сделан просто: к низу правой ножки пририсован полукруг, чуть выше проведена отходящая влево черта.

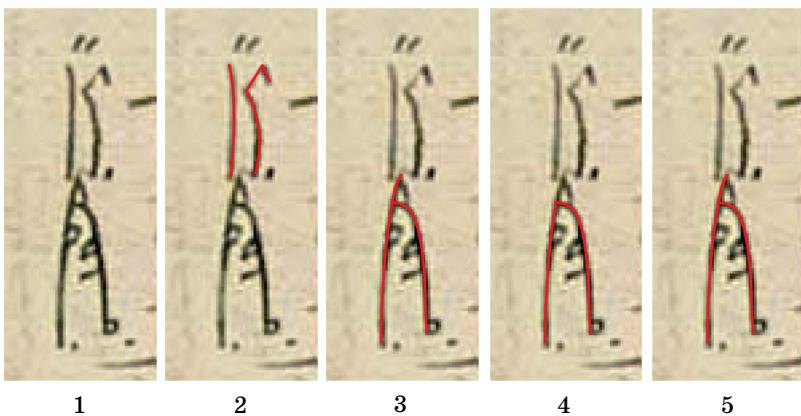
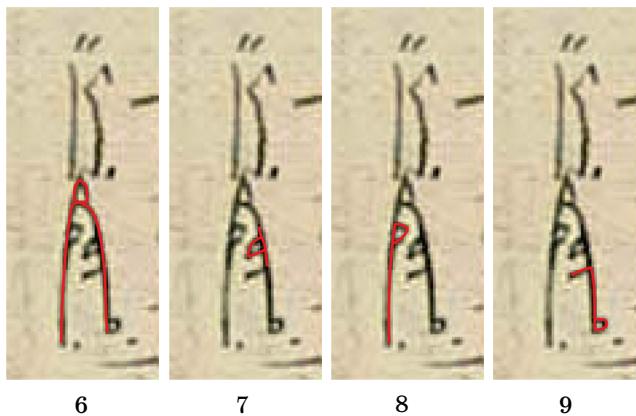

Рис. 4

¹⁵ Морозов Д. А. Уйгурские автографы московских дьяков. С. 189.

¹⁶ ДДГ. № 51. С. 155 [РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 33].

¹⁷ Довольно необычное имя дьяка, видимо, подразумевало некоторую вариативность в произношении и, следовательно, в написании. Сам он писал «Кулударь» (так в договорной грамоте и в подписи на его данной), но, например, писец данной Кулудара игумен Ефросин написал имя дьяка немного по-другому: «Кулодал». Значит, в имени, а следовательно, и в монограмме, могла употребляться еще и буква «о».

6

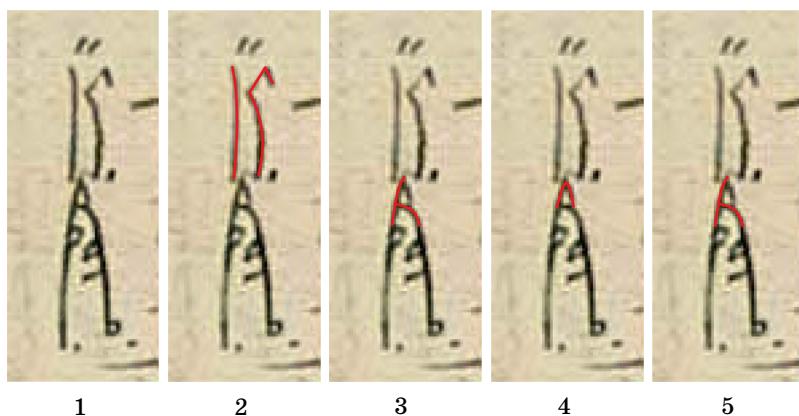
7

8

9

Возможен вариант и с несколько иной графикой, когда буквы присоединяются друг к другу, а не являются частями «большой» «у».

Рис. 4а

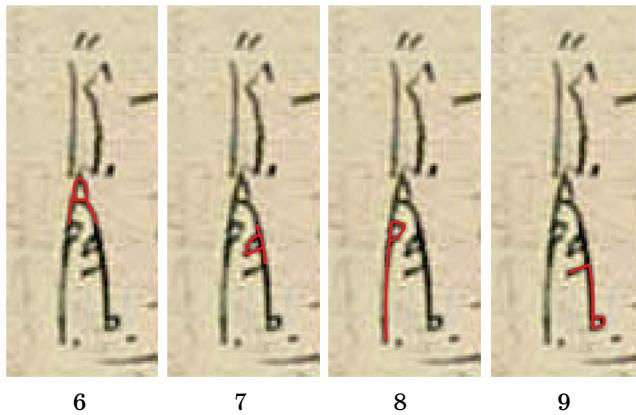
1

2

3

4

5

6

7

8

9

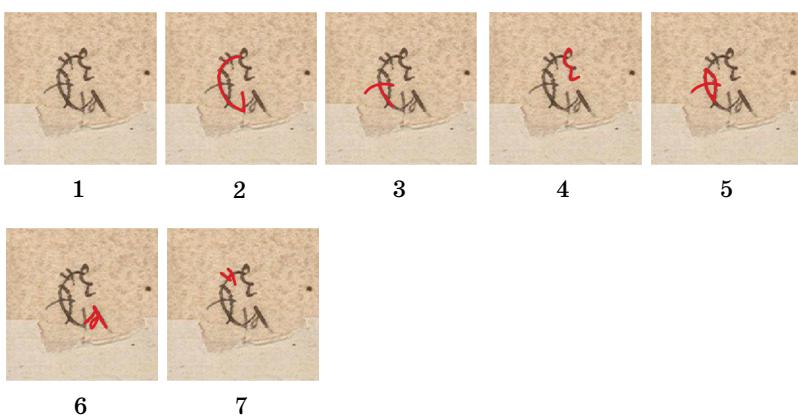
Гораздо более компактным, чем монограмма Кулударя, выглядит знак, поставленный на двух жалованных грамотах Василия II конца

1450-х — начала 1460-х гг. (тип 6).¹⁸ Поскольку свое имя рядом с монограммой дьяк не указал, его личность так и осталась неизвестной. Ю. Г. Алексеев предположил, что эта монограмма принадлежала дьяку Ивану Ростовцу,¹⁹ но тот подписал подтверждение одной из грамот, а монограмму оставил дьяк, участвовавший непосредственно в составлении грамоты, и его перу принадлежит княжеская подпись.

Ключ к расшифровке дает сама монограмма. Она построена по классическому для монограмм образцу, когда первая буква имени является основой монограммы. В данном случае — очевидно, что это «С». В центре монограммы выделяется «θ» (фита), а на концы «С» нанизаны «е» и «а». Этот набор букв характерен для имени Стефан. Остальные буквы имени (когда мы уже догадываемся, что нужно искать) также обнаруживаются в монограмме.

Судя по всему, эта монограмма принадлежала одному из самых известных и авторитетных дьяков Василия II и Ивана III — Стефану Бородатому.²⁰

Рис. 5

Внешне похожа на монограмму Стефана Бородатого монограмма одного из дьяков угличского князя Андрея Большого (тип 22).²¹ Она выявлена на трех грамотах.²² Основу монограммы составляет буква «С».

¹⁸ АСЭИ. Т. 1. № 280. С. 201 [ГКЭ. № 4970]; АСЭИ. Т. 3. М., 1964. № 49. С. 75 [РГАДА. Ф. 196. Оп. 1. Д. 1736].

¹⁹ Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. С. 162, 304.

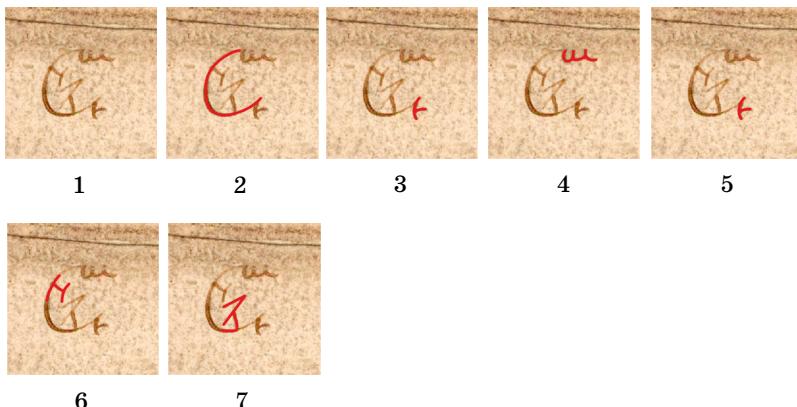
²⁰ Подлинник еще одной грамоты, подписанный «великого князя дьяком Степаном», заклеен с оборота (АСЭИ. Т. 1. № 271. С. 195–196 [ГКЭ. № 4988]).

²¹ Не очень удачная прорисовка монограмм этого типа, данная в АСЭИ, привела к тому, что в каталоге Ю. Г. Алексеева они были смешаны с монограммами Семена Бородатого и угличского дьяка Семена (Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. С. 310–311).

²² АСЭИ. Т. 1. № 363 [ГКЭ. № 1118], 366 [ГКЭ. № 15157]; АСЭИ. Т. 3. № 58 [ГКЭ. № 4676].

На ее концах угадываются буквы «м» и «е». Уверенно расшифровать монограмму позволяет анализ княжеской подписи, которая на всех трех грамотах выполнена одним почерком. Этот же почерк обнаруживается в подтверждении одной из грамот Василия II, которое «подписал дьяк княж Андреев Васильевича Семен». ²³ Следовательно, эта монограмма принадлежит дьяку Семену Васильевичу. ²⁴ Все буквы этого имени без труда отыскиваются в монограмме. Сначала Семен изображает большое, приближающееся к полукругу, «С», которое начинает сверху. В нижней точке к нему присоединяется маленькая буква «е». Затем к верху «С» добавляется также небольшая по размеру «м», то есть сверху вниз, затем опять наверх и вниз, так как уже имеющаяся буква «е» должна читаться дважды. Буква «н» небольшого размера присоединена левой штамбкой к спинке «С» (чуть выше середины), а завершающий «ъ» пририсован в нижней части («внутри»).

Рис. 6

Еще один дьяк князя Андрея Угличского поставил на обороте одной из жалованных грамот знак, похожий на татарскую тамгу (тип 29). ²⁵ Однако при внимательном рассмотрении оказывается, что он состоит из кириллических букв. В правой части знака можно выделить буквы «фор» и отдельно стоящую «и». Скорее всего, это окончание имени «Никифор». И действительно, в левой части знака определяются элементы, складывающиеся в «Н» и «к». Для монограммы характерны

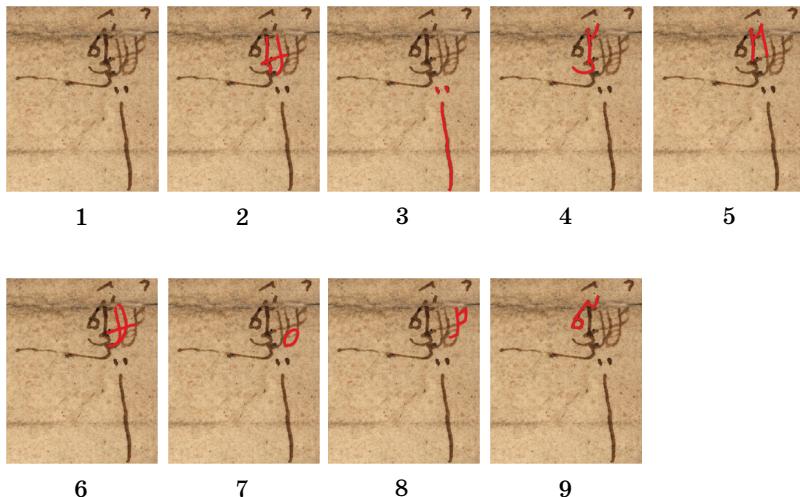
²³ АСЭИ. Т. 3. № 54а [ГКЭ. № 4675]. Этим же почерком сделана княжеская подпись еще на одной жалованной грамоте князя Андрея Васильевича, которая почти полностью заклеена с оборота, и монограммы не видно (АСЭИ. Т. 1. № 365 [ГКЭ. № 12835]).

²⁴ Отчество этого дьяка называется в двух судных грамотах, на докладе которых он присутствовал (АСЭИ. Т. 3. № 55, 56).

²⁵ АСЭИ. Т. 1. № 464. С. 350 [ГКЭ. 748. Л. 1 об.].

плавные линии, закругления и декоративные «закорючки». Это можно связать с индивидуальной манерой письма Никифора, поскольку и в княжеской подписи есть подобные элементы (например, в «д» и «ѣ»). Подтверждает правильность расшифровки и то, что в двух грамотах 1470–1480-х гг. фигурирует дьяк князя Андрея Васильевича Никифор.²⁶

Рис. 7

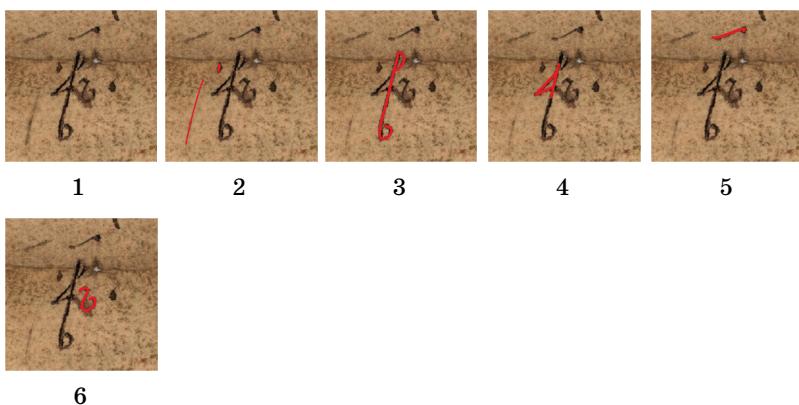
Более десятка раз на белозерских грамотах встречается довольно простая монограмма, которая, судя по подтверждению на одной из грамот, принадлежала дьяку Ивану (тип 15).²⁷ Это монограмма построена по тому же принципу, что и кириллическая монограмма Кулударя: первая буква имени стоит отдельно, а остальные буквы соединены в стоящий рядом знак. Первая буква этого знака — «І», а основой, на которую нанизаны остальные буквы имени дьяка в знаке, стала равная ей по размеру «в». Буква «н», по всей видимости, скрывается под титлом. Более точно личность дьяка, ставившего эту мо-

²⁶ К сожалению, обе грамоты сохранились только в списках (АСЭИ. Т. 1. № 408, 447), поэтому у нас пока нет образца для сравнения почерка Никифора и автора монограммы на грамоте ГКЭ. № 748. Примечательно, что почерк дьяка Никифора, служившего угличскому князю, отличается от почерка дьяка Никифора Демидовича, работавшего в канцелярии княгини Марии Ярославны (АСЭИ. Т. 1. № 385. С. 280 [ОР РГБ. АТСЛ. № 1008]).

²⁷ АСЭИ. Т. 1. № 467 [НИА СПБИИ. Кол. 12. Оп. 1. Д. 552], № 503 [ОР РГБ. Ф. 191. Д. 43]; Т. 2. № 106 [ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 1. Ед. хр. 43], № 107 [ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 1. Ед. хр. 44], № 109 [ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 1. Ед. хр. 46], № 112 [ГКЭ. № 708], № 113 [ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 1. Ед. хр. 47], № 172 [НИА СПБИИ. Кол. 12. Оп. 1. Д. 665], № 235 [ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 1. Ед. хр. 73], № 237 [ГКЭ. № 726], № 326 [НИА СПБИИ. Кол. 12. Оп. 1. Д. 544], № 391 (ГКЭ. № 706).

нограмму, выясняется по подписи на жалованной грамоте Троице-Сергиеву монастырю: «И яз подписан, деяк Иван Ципля».²⁸

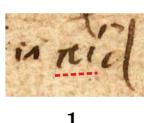
Рис. 8

Одновременно с Иваном Циплей в канцелярии князя Михаила Андреевича работало еще трое его тезок: Иван Шимонов, Иван Щербина и Иван Котов. Все они были вынуждены экспериментировать с шифрованием своего имени, состоящего всего из четырех букв. И надо сказать, что ни у одного из Иванов монограмма не была похожа на знаки коллег. Все они были выполнены в разных стилях, и спутать их было невозможно. Обратная сторона этого — сложность для расшифровки.

Например, довольно долго не удавалось прочитать монограмму Ивана Щербины (тип 14).²⁹ Во многом из-за внешнего вида монограммы, похожей на нагромождение вертикальных и горизонтальных черточек и явного отсутствия в монограмме буквы «в» в ее традиционном начертании. Из-за этого вариант, что в монограмме зашифровано имя Иван отпадал. Не удавалось обнаружить и буквы «щ» или «р», которые должны присутствовать в имени Щербина. Ключом стали два момента. На грамотах из собрания П. М. Строева, с которыми удалось ознакомиться, монограмма Ивана Щербины была прорисована аккуратнее, и ее отдельные составляющие стали более различимы. В первую очередь — «а» и «н». Второй момент — индивидуальное начертание буквы «в», которое Щербина использовал и в княжеской подписи, и в написании своего имени (см. рис. 9). Благодаря этому

Рис. 9

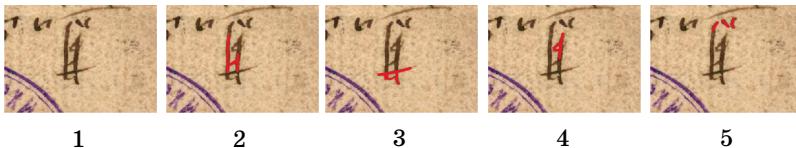
1

²⁸ АСЭИ. Т. 1. № 503 [ОР РГБ. Ф. 191. Д. 43].

²⁹ АСЭИ. Т. 2. № 121 [НИА СПБИИ. Кол. 12. Оп. 1. Д. 106], № 159 [ГКЭ. № 743], № 165 [НИА СПБИИ. Кол. 12. Оп. 1. Д. 309], № 167 [ГКЭ. № 723], № 171 [НИА СПБИИ. Кол. 12. Оп. 1. Д. 664].

в монограмме отыскалась и буква «в», а значит, зашифровано было все же слово «Иван». Выделить букву «И» уже не составляло труда. Она, как и в знаках Степана Бородатого и Семена Васильевича, составляла основу монограммы, и остальные буквы уже присоединялись к ней.

Рис. 10

1

2

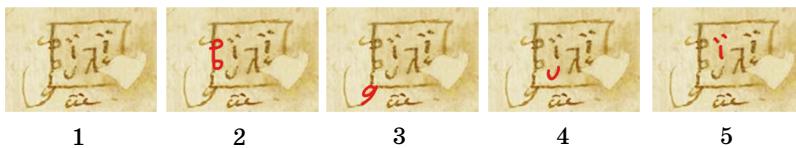
3

4

5

Одни из самых поздних монограмм стоят на кабале Никиты Козлова на холопа Ивана Павлова 1494 г. (типы 43–45)³⁰ Грамота была составлена ямским дьяком Василием Халтурой,³¹ который оставил на обороте грамоты три монограммы. Две из них похожи на уйгурографические монограммы первой половины XV в., а третья — прямоугольник с заключенными в нем буквами, для которой прямых аналогов среди дьяческих монограмм нет (тип 43). Перспективы для расшифровки имеет именно эта монограмма, поскольку в ней ясно различимы кириллические буквы.³² Внутри прямоугольника можно выделить пять из них: «и», «с», «л», «и», «е» (таков их порядок, если читать традиционным способом — сверху вниз и слева направо). Очевидно, что эти буквы — часть имени дьяка, написавшего грамоту — «силеи». Значит, где то спрятаны «В» и «а». Первую букву находим на левой стенке прямоугольника, которая образует вертикальную штамбу «В». Буква «а», вероятно, прикреплена к левому нижнему углу прямоугольника. Таким образом, получается, что Василий или не стремился сильно зашифровать свою монограмму, или же не обладал для этого должной квалификацией. Тем не менее, дополнительную сложность при прочтении монограммы мог создать порядок расположения букв. Его можно описать следующим образом: сверху вниз, снизу вверх, потом в центр и снизу вверх.

Рис. 11

1

2

3

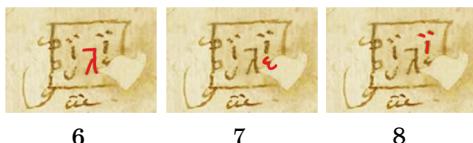
4

5

³⁰ Хорошкевич А. Л. Источники по истории полного холопства конца XV — начала XVI вв. // Советские архивы. 1974. № 1. С. 82 [РГАДА. Ф. 135. Приложение. Руб. VI. № 4. Л. 1 об.].

³¹ Позднее, в 1497/98 г. Василий Халтура упоминается уже как дворский (АСЭИ. Т. 2. № 491–493).

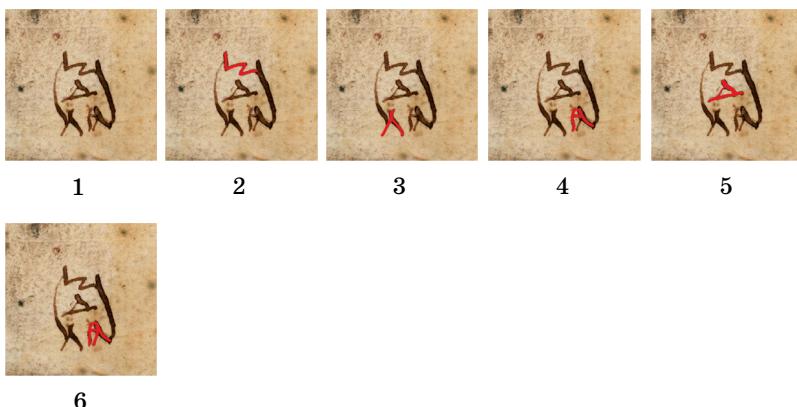
³² Расшифровку этой монограммы дал А. В. Антонов при повторной публикации грамоты (Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. Т. 3. С. 145).

6 7 8

Довольно незамысловатая монограмма была еще у одного удельного дьяка. Она дважды встречается на жалованных грамотах, составленных в 1498/99 г. в канцелярии волоцкого князя Федора Борисовича (тип 38).³³ Ни по прорисовкам в АСЭИ, ни по оригиналам из ГКЭ сходу прочитать имя дьяка, зашифрованное в монограмме, не удается. Однако почерк княжеской подписи на этих двух грамотах совпадает с почерком дьяка Оладьи, составлявшего духовную грамоту Бориса Васильевича Волоцкого в 1477 г.³⁴ И действительно, все буквы имени Оладьи обнаруживаются в этой монограмме. Образ первой буквы дьяческого имени создает весь контур монограммы, похожий на «О», но на самом деле, первая буква имени — «О» — зашифрована в верхней части монограммы. Именно ее Оладья использовал при написании своего имени в княжеской духовной. Следующие две буквы имени «л» и «а» расположены внизу, зеркально слева и справа, крепясь к контуру «О». Следующая буква — «д» — помещена в центре монограммы, а для написания «я» частично используются элементы «а».

Рис. 12

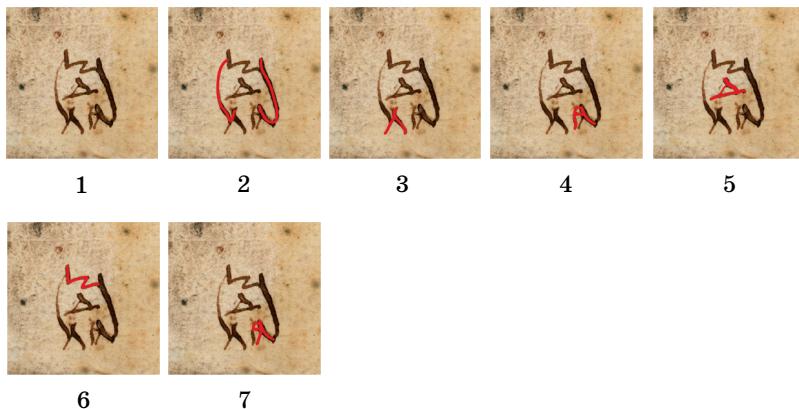

³³ АСЭИ. Т. 2. № 417 [ГКЭ. № 10172]; АФЗХ. Ч. 2. М., 1956. № 23 [ГКЭ. № 14554].

³⁴ ДДГ. № 71. С. 249–251 [РГАДА. Ф. 135. Отд. 1. Рубр. I. № 24]. Дьяк Оладья — это Максим Оладья Андреевич Климентьев из рода Плохово. Известна его купчая на земли на Волоке (АФЗХ. Ч. 2. № 2. С. 10). После смерти князя Бориса Васильевича Оладья остался служить его вдове Ульяне. В списке жалованной грамоты Бориса Васильевича указано, что у подтверждения этой грамоты, поставленном от лица княгини Ульяны, «рука дьяка Оладьи» (Там же. № 14. С. 18). В 1494 г. Оладья подписал грамоту, выданную от лица всех наследников Бориса Васильевича (Там же. № 18. С. 23).

Возможен и несколько иной вариант расшифровки монограммы Оладьи. Если основываться на сформулированных ранее принципах, то контур монограммы — это написанная первой, не замкнутая внизу «омега». К ней, как и указано выше, присоединены две буквы («л», «а»), «д» помещена в центре и заполняет внутреннее пространство «омеги». Зигзагообразный росчерк вверху — это скорописно написанный, «раскрытый ь». Завершающая имя «я» представлена, вероятно, в форме «юса малого» (хотя не исключен вариант, что написано «а йотированное»).

Рис. 12а

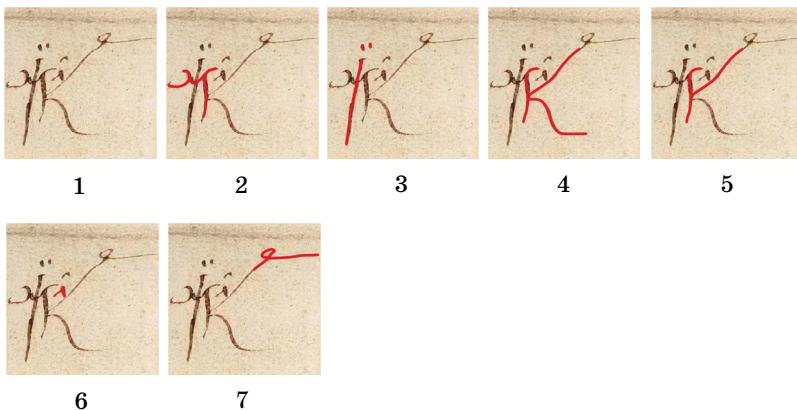

Довольно умело зашифровал свое имя дьяк, поставивший монограммы на оборотах жалованных грамот князя Ивана Борисовича Рузского (тип 39).³⁵ Буквы монограммы хорошо различимы («и», «к», «л») и вместе образуют знак, похожий на «Ж». Отсюда и первый вариант расшифровки, который приходит на ум при рассмотрении монограммы — «Жилка». Однако этот вариант ошибочен. В волоцко-рузском уделе не известно дьяка с таким именем, но упоминается коллега дьяка Оладьи — Микула Александрович Воронин.³⁶ Поэтому, то, что можно принять за «Ж», скорее всего, является первой буквой имени дьяка — «М». Далее монограмма строится по методу соподчинения, и каждая следующая буква расположена немного правее предыдущей. По центру расположена буква «и», к правой штамбе «М» присоединена «к». Верхняя часть «к» образует букву «у», над которой расположена «л», а завершает слово петелька, обозначающая «а».

³⁵ АСЭИ. Т. 2. № 415 [НИА СПБИИ. Кол. 41. Оп. 1. Д. № 38], № 426 [РГАДА. ГКЭ. № 10235].

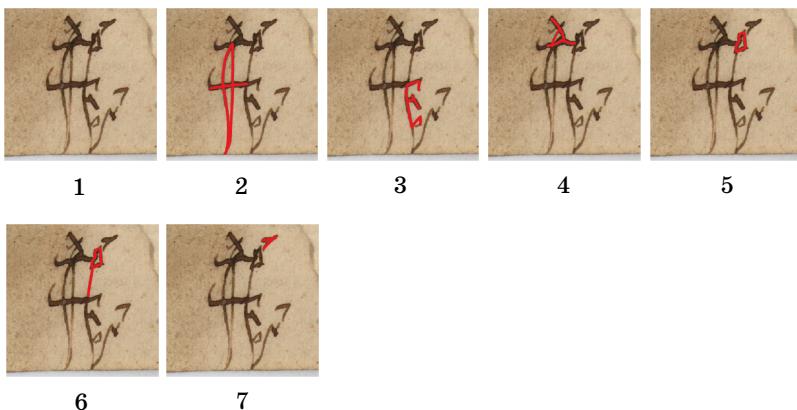
³⁶ Около 1511 г. он подписал меновную грамоту Федора Борисовича Волоцкого (АФЗХ. Ч. 2. № 49. С. 51 [НИА СПБИИ. Кол. 41. Оп. 1. Д. № 31]). Видимо, Микула перешел на службу к князю Федору после смерти в 1503 г. его брата Ивана Борисовича.

Рис. 13

Уверенно читается имя «Федоръ» на грамоте кн. Юрия Ивановича Дмитровского (тип 50).³⁷ Здесь хорошо видно, что начальная буква имени «Ф» мешала дьяку составить монограмму. Поэтому он написал две одинаковые по размеру и слабо связанные между собой буквы «Ф» и «Е», а остальные пытался добавить сверху и снизу. Возможно, это был его первый опыт, так как количество графем, которые можно прочитать, явно избыточно. Так, вверху, над уже написанным, добавлен слог «до», при этом «о» стало головкой «р». Это видно потому, что рядом помещен знак, обозначающий «ъ» («птичка» правее «р»).³⁸ Однако и в нижней части «е» можно найти те же буквы «р» и «ъ». Если монограмма расшифрована правильно, то, скорее всего, она принадлежала дьяку князя Юрия Ивановича Федору Остафьеву сыну Сытина.³⁹

Рис. 14

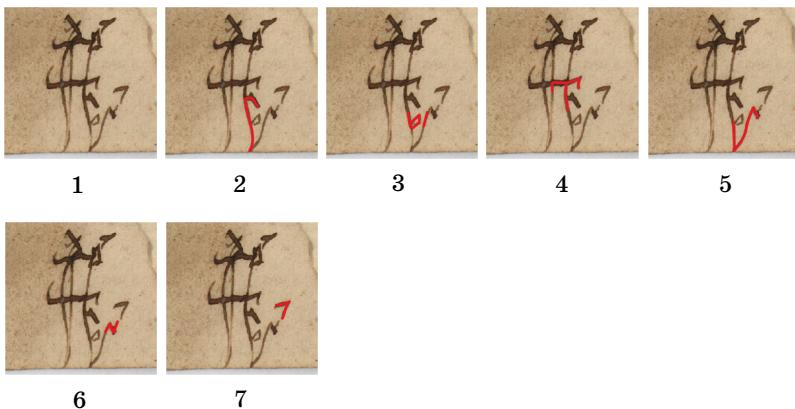
³⁷ АРГ. №14. С. 23 [ГКЭ. № 6698].

³⁸ Подобные «птички» в рукописях встречаются после конечных согласных (особенно в конце строки) и могут читаться: 1. как выносной «ъ»; 2. как лигатура «ръ».

³⁹ Упоминается в актах начала XVI в. (АРГ. № 77. С. 80; Акты Троицкого Калязина монастыря XVI в. М.; СПб., 2007. № 6. С. 12).

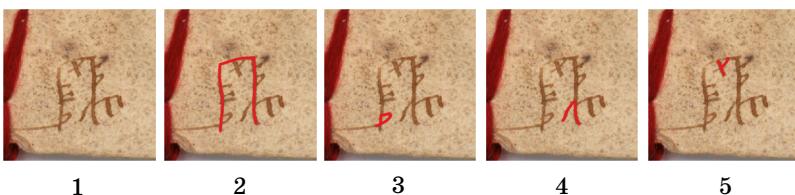
Возможно, обилие «лишних» элементов в монограмме Федора объясняется тем, что кроме имени дьяка в ней зашифрована и его фамилия.

Рис. 15

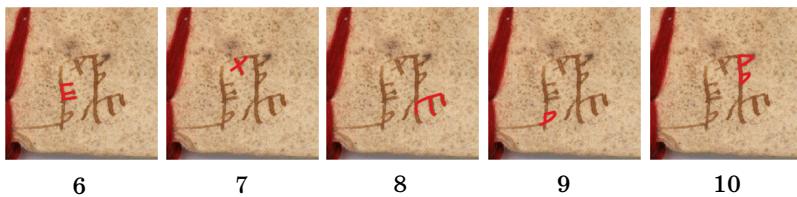
Нетвердый почерк характерен для автора довольно распространенной монограммы на великокняжеских грамотах 1450–1470-х гг. (тип 19).⁴⁰ По количеству элементов она чем-то напоминает детскую игру «виселица». Явно видны буквы «в», «т», «х». Этот набор букв не складывается во что-то осмысленное. Левая, самая большая по размеру, часть может быть угловатой буквой «е» с тремя язычками. Однако, если учесть используемый в большинстве монограмм принцип, по которому самая крупная буква, служащая каркасом для монограммы, является первой буквой слова, то получается, что имя дьяка должно начинаться на букву «П». К сожалению, в списке дьяков Ивана III никого с именем, начинающимся на букву «П», нет,⁴¹ зато есть дьяк Алексей Полуектов. И действительно, при ближайшем рассмотрении все буквы патронима Алексея обнаруживаются в монограмме. Из недостающих — это «о» на левой штамбе «П», «л» — на правой, а для построения «у» используется большая часть «х».

Рис. 16

⁴⁰ АСЭИ. Т. 1. № 260 [ГКЭ. № 7143], № 261 [НИА СПБИИ. Кол. 41. Оп. 1. Д. 22], № 319 [ГКЭ. № 8740], № 342 [ОР РГБ. Унд. 1], № 351 [ГКЭ. № 15149], № 360 [ГКЭ. № 8747], № 416 [ГКЭ. № 8745]; Т. 2. № 158 [ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 1. Ед. хр. 31], № 359 [ГКЭ. № 8739].

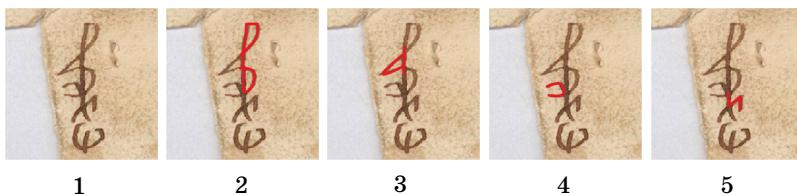
⁴¹ Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. С. 289–294.

Подтверждением корректности расшифровки этой монограммы является почерк княжеской подписи на одной из грамот с такой монограммой.⁴² Он абсолютно совпадает с почерком княжеской подписи на жалованной грамоте великоустюжскому собору, которую «подписал дьяк Олексей Полуехтов». ⁴³ Нетвердость почерка, которую можно было бы принять за неуверенность, вероятнее всего, объясняется возрастом Алексея Полуектовича, скончавшегося, судя по всему, около 1475 г.⁴⁴

Еще одна монограмма встречается на целом ряде грамот князя Юрия Васильевича Дмитровского (1460-х и 1470-х гг.), а затем Ивана III и Ивана Молодого (1470-х и 1480-х гг.) (тип 23).⁴⁵ Монограмма построена вокруг вертикали, образуемой буквой «В», по начертанию повторяющей «в» в монограмме Ивана Ципли (рис. 8). Из этой же монограммы взято и начертание буквы «а». Отдельно, под монограммой, «на спинке» лежит «е», а в самой монограмме можно выделить «л» и, вероятно, «и». Все эти буквы можно сложить в имя «Василеи». Единственная трудность возникает с буквой «с». В монограмме она оказывается повернута в обратную сторону. Прием с поворотом буквы используется и в этой монограмме («е» повернута на 90° против часовой стрелки), и, например, в монограмме Кулударя («у» повернута на 180°).

Рис. 17

⁴² АСЭИ. Т. 1. № 260 [ГКЭ. № 7143. Л. 1 об.]. На остальных грамотах оборот за-клеен, и есть только один образец почерка дьяка, ставившего монограммы типа 19.

⁴³ АСЭИ. Т. 3. № 281. С. 298 [ГКЭ. № 13129. Л. 1 об.].

⁴⁴ Примерно в 1467–1473 гг. Алексей Полуектов находился в опале (Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. С. 181).

⁴⁵ АСЭИ. Т. 1. № 325 [ГКЭ. № 3718], № 336 [ГКЭ. № 15155], № 400 [ГКЭ. № 3714], № 401 [ГКЭ. № 8749], № 419 [РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. IV. № 7], № 519 [ГКЭ. № 6696], Т. 2. № 271 [НИА СПБИИ. Кол. 12. Оп. 1. Д. 116], № 278 [НИА СПБИИ. Кол. 12. Оп. 1. Д. 117].

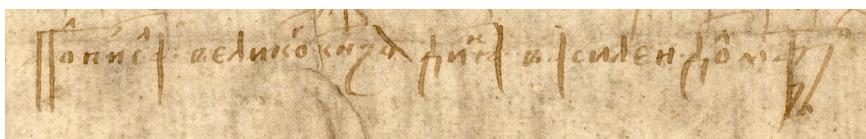
6

7

8

Личность дьяка, ставившего эту монограмму, нигде в источниках не раскрывается. Однако известен дьяк Василий Долматов, сначала служивший в канцелярии Юрия Васильевича Дмитровского, а затем перешедший на службу к великому князю. Сохранилось несколько образцов его почерка,⁴⁶ который похож на почерк дьяка, ставившего монограмму «Василеи». Поэтому, скорее всего, эта монограмма принадлежала именно Василию Долматову. Подтверждает это предположение и примечательная манера Василия Долматова сокращать некоторые слова своей подписи. Например, отдельную монограмму составляют последние буквы его фамилии («атовъ»). Этот значок прямо перекликается с монограммой, составленной из букв его имени.

Рис. 18

1

Монограммы, относимые к типу 41,⁴⁷ ставил дьяк, работавший в 1470-х гг. в канцелярии великой княгини Марии Ярославны. Известны четыре грамоты с подобным «знаком», три из которых сохранились в подлиннике,⁴⁸ а один воспроизведен копиистом XVIII в.⁴⁹ Именно запись копииста о том, что рядом с монограммой на обороте грамоты стояла подпись дьяка Майко, натолкнула Ю. Г. Алексеева на предположение о том, что это его монограмма.⁵⁰ Прорисовки, сделанные в АСЭИ, не дают возможности расшифровать монограмму, но позволяют усомниться в правильности такого отождествления. Маловероятно, что в таком знаке могло бы быть зашифровано одно из известных по источникам имен дьяка (Андрей или Майко). По монограмме на грамоте из ГКЭ проходит сгиб, и поэтому ее нижняя

⁴⁶ АСЭИ. Т. 1. № 430 [ОР РГБ. Ф. 28. № 18], № 446 [ОР РГБ. АТСЛ. № 226], № 522 [ОР РГБ. АТСЛ. № 1007]; Т. 2. № 388 [ГКЭ. № 3726], № 402 [ОР РГБ. Ф. 28. № 15], № 481 [ОР РГБ. Ф. 191. № 63].

⁴⁷ Грязнов А. Л. Дьяческие монограммы на актах из фонда ГКЭ. С. 82.

⁴⁸ АСЭИ. Т. 1. № 451 [ГКЭ. № 4971], АСЭИ. Т. 2. № 207 [НИА СПБИИ. Кол. 12. Оп. 1. Д. 112], № 249 [ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 1. Ед. хр. 75].

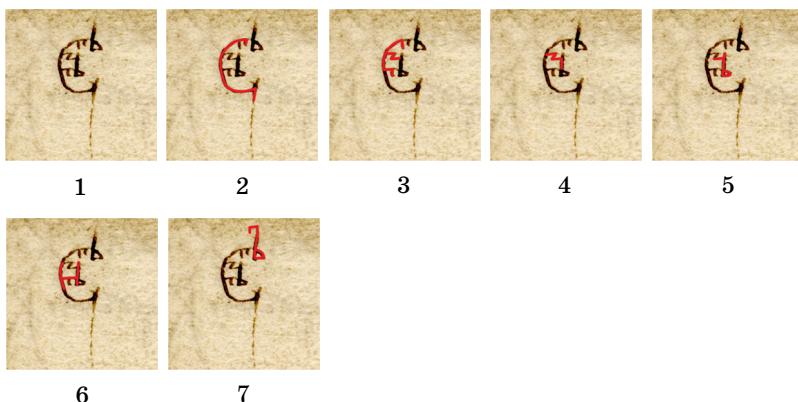
⁴⁹ АСЭИ. Т. 3. № 268 [НИА СПБИИ. Кол. 115. Д. 60. Л. 1 об.].

⁵⁰ Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. С. 170.

часть оказалась затерта. Более четко монограмма видна на грамоте из РНБ.

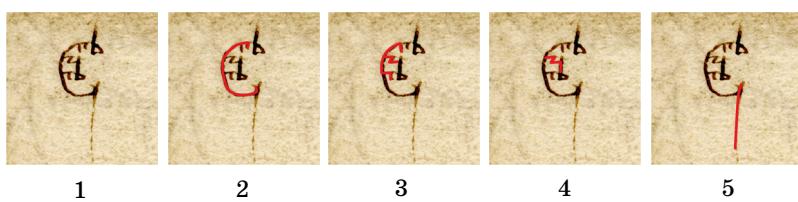
Учитывая графику обеих монограмм (на экземплярах из ГКЭ и РНБ) в них можно выделить несколько букв. Очевидно, основу монограммы составляет «С», что сближает ее по форме с монограммами Степана Бородатого и угличского дьяка Семена. Величина «С» говорит о том, что она является первой буквой имени. На верхнем кончике «С» четко видна «ъ»,⁵¹ а в центре монограммы можно выделить «н». К ее правой штамбе пририсован знак, который может быть как «ъ», так и «ъ». Учитывая набор выявленных букв, вероятнее всего, в этой монограмме зашифровано имя Семен. Недостающие буквы «м» и «е» можно обнаружить в центре монограммы. Если прочтение монограммы верно, то она принадлежала не Андрею Майко, а другому дьяку Марии Ярославны — Семену Бородатому.

Рис. 19

Некоторые сомнения в правильности предложенного прочтения этой монограммы вызывает то, что в имени Семен обычно не использовалась буква «ъ», а в монограмме четко видны два овала. Их наличие может быть объяснено тем, что в монограмме скрыто не «Семен», а «Семион» (именно такая форма более характерна для литературных текстов). Тогда овал, крепящийся к правой штамбе «н», скорее всего — «о», а буквой «і» можно считать вертикальную черту, идущую вниз от нижнего конца «С».

Рис. 20

⁵¹ На грамоте из РНБ верхний выносной элемент буквы «ъ» практически неразличим, но он четко прорисован в монограмме на грамоте из ГКЭ.

6

7

8

Довольно сложна для расшифровки монограмма дьяка, работавшего в белозерской, великоокняжеской и митрополичьей канцеляриях (тип 13).⁵² На одной из грамот рядом с этой монограммой указано, что грамоту подписал Иван Котов,⁵³ и, следовательно, проблем с атрибуцией дьяческого знака нет.⁵⁴

Монограмма состоит из двух частей. Первая — это некий набор простых элементов, сгруппированных в вертикальный знак, а вторая — горизонтальная линия с хвостиком вверх. Точки слева от этой горизонтальной линии свидетельствуют о том, что это, судя по всему, «І» — первая буква имени Иван. Эти же точки сигнализируют о том, что для чтения монограмму нужно повернуть на 90° по часовой стрелке. В этом случае мы видим, что первым элементом бывшего вертикального знака (ставшего теперь горизонтальным) является «в» — вторая буква имени «Иван». Оканчивается этот знак буквой «н». Таким образом, в монограмме обнаруживаются три из четырех букв, составляющих имя «Иван». Между «в» и «н» четко видна «ѡ».⁵⁵ Что она делает на том месте, где вроде бы должна быть «а», сказать трудно, однако это не ошибка Ивана Котова, поскольку такой вид имеют все его монограммы. Поэтому расшифровку этого знака считаем только предварительной. Но если она верна, необходимо отметить, что Иван Котов — человек с прекрасным почерком и твердой рукой — рисовал свою монограмму по принципам, отличным от вышеизложенных. Составив знак из букв своего имени, потом он изображал его как некий декоративный элемент, не обращая внимания на последовательность букв. Так, на снимке хорошо видно, что основная часть монограммы написана сверху вниз (то есть в обратном порядке).

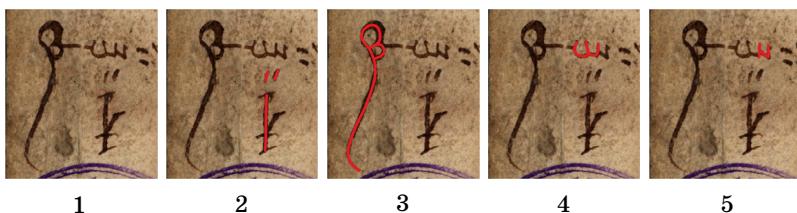
⁵² АСЭИ. Т. 2. № 122 [ГКЭ. № 733], № 188 [ГКЭ. № 717]; Т. 3. № 54а [ГКЭ. № 4675].

⁵³ АСЭИ. Т. 2. № 188 [ГКЭ. № 717].

⁵⁴ Вероятно, дьяк Иван Котов тождественен боярину Дмитрия Шемяки Ивану Котову, которому передал зелье для отравления князя Дмитрия Степан Бородатый (ПСРЛ. Т. 20. Первая половина. СПб., 1910. С. 262). Примечательно, что третий участник операции по отравлению — Василий Беда — также принадлежал к дьяческой среде.

⁵⁵ В пользу этого говорят и несколько скругленные во внутрь верхние концы «ѡ».

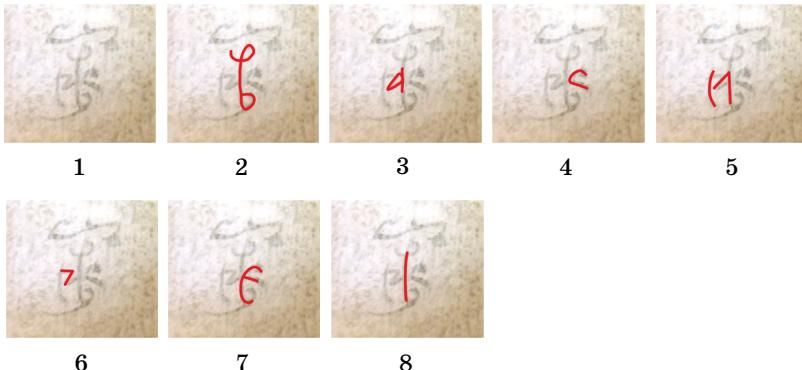
Рис. 21

На жалованных грамотах вологодского князя Андрея Васильевича Меньшого известен только один тип монограмм (тип 26),⁵⁶ которые, судя по всему, принадлежали кому-то из его дьяков (Андрею Майко, Федору Мячкову, Василию Ухтомскому или Никифору).

Монограмма строится на основе буквы «В», к которой присоединяется еще несколько знаков. Довольно уверенно можно выделить буквы «с», «а». На «л» похож верхний завиток, а один из значков в правой части монограммы можно принять за скорописный вариант «е». Все эти буквы складываются в имя «Василий» и, следовательно, монограмма принадлежит Василию Ухтомскому.

Рис. 22

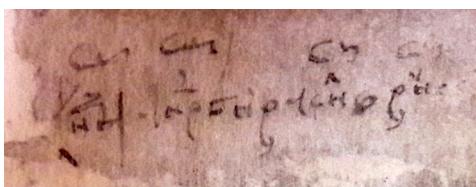

Предложенный вариант расшифровки вероятен, но есть возможность для ее уточнения. Пока осталась не использована одна из перекладин в левой части монограммы, а в расшифровке для буквы в середине слова используется отдельно стоящий знак, что в других монограммах не встречается. Помогает скорректировать расшифровку обращение к княжеской подписи, сделанное этим же дьяком.

В отчестве князя Андрея Меньшого содержатся все те же буквы, что и в имени дьяка. Причем манера написания княжеской подписи совпадает с манерой написания букв в дьяческой монограмме. Полностью идентичны буквы «В» и «а». На букву «с» больше похож элемент в правой части монограммы, а не штамба в левой. Дважды

⁵⁶ АСЭИ. Т. 2. № 192 [НИА СПБИИ. Кол. 41. Оп. 1. Д. № 28], 193 [ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 1. Ед. хр. 61], 195 [ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 1. Ед. хр. 62], 196 [ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 1. Ед. хр. 63], 197 [ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 1. Ед. хр. 64], 198 [ОР РНБ. Ф. 532. Оп. 1. Ед. хр. 65].

Рис. 23

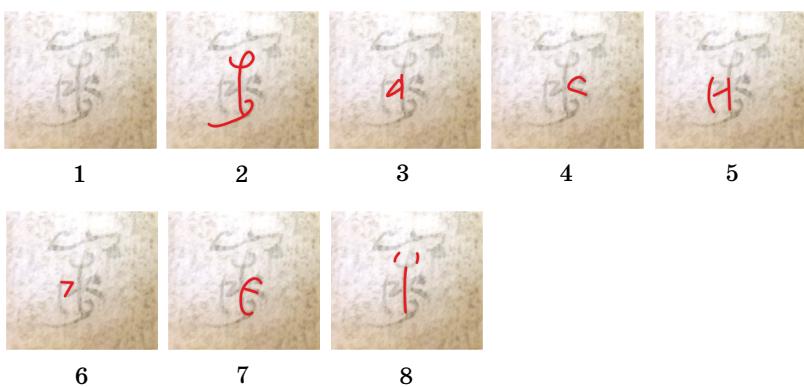

1

в княжеской подписи используется элемент, который расположен над монограммой. Очевидно, что так дьяк изображал титло. Поэтому, вероятнее всего, и в монограмме этот знак обозначает сокращение, а не отдельную букву. Значит, «л» должна быть скрыта в другом месте. В княжеской подписи «л» немного меньше остальных букв и вынесена над строкой. Такого же размера обнаруживается знак и в монограмме. Правда, в этом случае «л» повернута на 90° по часовой стрелке. Трижды в княжеской подписи используется буква «и». Для нее характерно горизонтальное расположение соединительного штриха. Исходя из этого, корректируем прорисовку в монограмме «и». Единственной неуверенно читаемой буквой в монограмме остается «е». Она может быть скрыта за титлом или находится в нижней части монограммы.

К сожалению, копия монограммы, находящаяся в нашем распоряжении, не очень высокого качества, поэтому при получении более качественных снимков возможны некоторые уточнения.⁵⁷

Рис. 24

Как видим, монограммы могли строиться по нескольким моделям. Наиболее распространенная подразумевала выделение более крупно первой буквы имени, к которой присоединялись остальные буквы (Стефан Бородатый, Семен Васильевич, Алексей, Иван Щербина,

⁵⁷ На примере последней монограммы хорошо видно, что необходимые буквы можно увидеть в разных частях знака, то есть при общем «результате» пути его достижения у авторов не всегда одинаковы.

Алексей Полуектов, Микула Воронин). По схожей технике строились монограммы, в которых первая буква имени была не только крупнее остальных, но и стояла отдельно (Кулудар, Иван Ципля, Иван Котов). В еще одной модели использовался дополнительный контур (овал или прямоугольник), стенки которого служили элементами букв и таким образом соединяли их в единый знак (Оладья, Василий Халтура, Федор Сытин).

В монограммах были зашифрованы имена дьяков (за редким исключением христианские имена, а не русские имена-прозвища), следовательно, это были не абстрактные знаки, а именно монограммы. Отсюда явствует, что монограммы являлись важной составной частью делопроизводственной культуры и были призваны персонифицировать, на первый взгляд, анонимную княжескую подпись (выполнявшуюся уполномоченным на то дьяком). Сложность монограмм и их неясное для посторонних содержание могли служить дополнительной степенью защиты документа от подделок.

Монограммы, располагавшиеся непосредственно на княжеских документах, — это элемент скрытой системы коммуникации между дьяками. Их расшифровка позволяет уверенно соотнести почерки «княжеских» подписей с персоналиями дьяков и определить удостоверенные тем или иным дьяком грамоты. Благодаря этому можно более точно установить, существовало ли разграничение компетенции разных дьяков, определить хронологию их деятельности, места работы.⁵⁸

⁵⁸ Возможно, место расположения монограмм (на лицевой стороне документа, его обороте или около печати) несет дополнительную информацию и поэтому требует специального исследования.

О. Л. Новикова

«ГЕОРГИЕВСКИЙ» КОНВОЛЮТ И РУКОПИСИ КИРИЛЛО-БЕЛОЗЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ

Habent sua fata libelli

Атрибуция и локализация древнерусских рукописей, не сохранивших владельческих помет или других сведений, позволяющих выяснить историю их происхождения или, по крайней мере, бытования, относятся к проблемам, решение которых может зависеть от случая, объясняемого, в свою очередь, удачей археографа, умноженной на его опыт. Особый интерес представляют рукописи конволютного характера, где каждая из составных частей может иметь свою историю во времени и пространстве.

В качестве примера приведем попытку выяснения локализации рукописи, приобретенной Российской национальной библиотекой в 2013 г. в составе небольшого частного собрания книг XV–XIX веков священника церкви св. Екатерины на Невском проспекте Санкт-Петербурга Георгия (Д. И. Фридмана).

Сборник, хранящийся ныне в ОР РНБ под шифром Георгий 2, представляет собой конволют, состоящий из нескольких частей, близких по времени создания, и, судя по всему, достаточно рано объединенных между собой.¹

Первая часть (I) представляет собой неполную тетрадь (л. 1–6),² текст в которой принадлежит руке одного писца. Здесь читается окончание Службы и Житие князя Федора Смоленского и Ярославского, а также две небольшие назидательные статьи.³

¹ Об этом говорит сквозная нумерация статей сборника, осуществленная в XVI или в начале XVII века, а в XVIII столетии рукопись была сопровождена оглавлением, отразившим ее нынешний состав.

² Филигрань: *Голова быка под крестом* — типа Пиккар. XI, № 526 (1478–1481 гг.).

³ Слово Иоанна Златоуста об узком и широком пути и Слово «От Лимониса».

Вторая часть (II) содержит, в основном, фрагменты служб, полные службы, слова и сказания, посвященные ростовским святым: Исидору Твердислову, Исаиye епископу Ростовскому, Леонтию, Игнатию и Авраамию Ростовским (л. 7–91). В переписке этих текстов принимали участие три человека, один из которых лишь редактировал и осуществлял дополнения.⁴

Листы, выделяемой далее части III (л. 92–117 и 152–291), сохранили писцовую потетрадную нумерацию (или ее фрагменты, оставшиеся после обрезки блока).⁵ На основании этой нумерации, а также учитывая единство бумаги указанных листов, можно говорить о включенном в рукопись Георгий 2 отдельном сборнике, объем которого составлял не менее 26 тетрадей. По своему содержанию это сборник минейного типа. Здесь читаются: Поучение Феодора Студита на начало нового лета, Житие Симеона Столпника (1 сентября), Мучение Маманта (2 сентября), фрагмент Мучения Гликерии (окончание), Мучение Артемия (20 октября), Житие Макария Египетского, Наказание Илариона к отрекшимся мира и Поучение Илариона Великого. Эта часть написана пятью почерками, среди которых явно выделяется один, принадлежащий человеку, руководившему работой по переписке. Этот сборник сложился, судя по филиграням, в последнем десятилетии XV века.⁶ Важно, что внутри части III (этого отдельного сборника) обнаруживается вставной фрагмент иного происхождения — четыре тетради, сохранившие свою оригинальную нумерацию тетрадей с 1-й по 4-ю включительно (л. 118–151) и переписанные одним писцом на бумаге, более нигде в Георгий 2 не встречающейся.⁷ Вставными, таким образом, являются тексты: Житие Иустини, Мучение Киприана и Иустини (2 октября) и «Покаяние Киприаново», представляющие содержание части IV рукописи Георгий 2.

Следующая часть, ограниченная л. 292–405, также выделяется на основании отдельной нумерации тетрадей, фрагменты которой

⁴ Эта часть датируется рубежом XV–XVI вв., филиграны: 1) Голова быка под крестом, обвитым змеей — типа Пиккар. XVI, № 190 (1507–1511 гг.) — л. 7–86; 2) Весы в круге — типа Лихачев, № 2936 (1497 г.) — л. 87–91.

⁵ Хорошо видны писцовые цифровые обозначения у следующих тетрадей: 1–3, 12–15, 17, 19, 21–22.

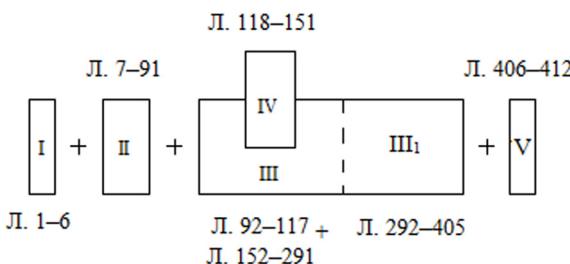
⁶ Здесь использована бумага со следующими филигранями: 1) Голова быка под розеткой и треугольником под мордой — близко Пиккар. XII, № 796 (1492–1493 гг.) — л. 92–117, 152–156, 173–196; 2) Голова быка под крестом, обвитым змеей — типа Пиккар. XVI, № 125, 126 (1478–1482 гг.) — л. 157–172, 197–210, 249/256; 3) Голова быка под розеткой — близко Пиккар. XII, № 215, 217, 218 (1493–1494) — л. 211–221, 224–248, 250–255, 260–291; 4) Литера Р — типа Пиккар. VIII, № 383 (1491 г.) — л. 257–259.

⁷ Литера «В» — типа Брике, № 8033–8034 (1487–1508 гг.).

обнаруживаются на л. 299 об. (1) и на л. 332 (7). Текст в этой части написан тремя писцами. Несмотря на то, что здесь использована бумага с филигранями, характерными и для части III,⁸ а также доминирует один из почерков, там же встреченных, она все же является самостоятельной, и для объединения ее с частью III достаточных оснований пока не имеется. Между тем, нельзя исключать, что эта часть стала дополнением предшествующей, что позволяет условно обозначить ее как III₁. В части III₁ читаются Житие Илариона Великого (21 октября) и Житие Феодосия Великого (11 января).

К отдельной части (V), с кодикологической точки зрения, может быть отнесена и последняя тетрадь сборника, состоящая из л. 406–412, отличающаяся от частей, ей предшествующих, бумагой,⁹ почерком и оформлением заголовков. Здесь помещены Память перенесению Нерукотворного образа из Эдеса в Царьград (16 августа), Память перенесению мощей Николая Мирликийского (9 мая) и лишь самое начало Памяти апостолу Иакову (23 октября) — последней статьи, на которой обрывается и часть V, и, соответственно, сборник Георгий 2.

Схематично состав частей сборника может быть представлен следующим образом:

Части сборника РНБ, Георгий 2

Особый интерес в кодикологическом отношении представляет часть III. На первый взгляд, кажется, что внедрение в нее инородного фрагмента можно объяснить попыткой составителя расширить круг чтений, установленных на 2 октября, добавлением к Мучению Маманта цикла из трех произведений, связанных с мучеником Киприаном. Четыре тетради с этим циклом либо были специально изго-

⁸ Филиграни: 1) *Кувшин одноручный* — близко Лихачев, № 3383 (1491 г.) — л. 292–299; 2) *Голова быка под крестом, обвитым змеей* — типа Пиккар. XVI, № 125, 126 (1478–1482 гг.) — л. 300–344, 377–405; 3) *Голова быка под розеткой и треугольником под мордой* — близко Пиккар. XII, № 796 (1492–1493 гг.) — л. 345–376.

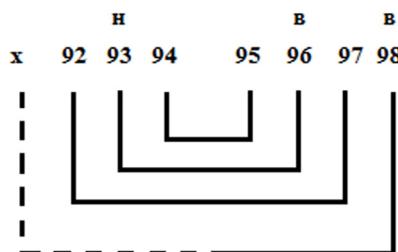
⁹ *Tiara* — типа Пиккар. XII, № 37 (1500–1506 гг.).

тovлены для расширения состава минейных чтений октября в этом сборнике, либо заимствованы из какой-то другой рукописи. По крайней мере, датировка бумаги этих тетрадей не противоречит ни одной, ни другой вероятности. Важно, однако, что вставка была сделана именно в то место, откуда ранее было удалено некоторое количество листов, из которых сохранился ныне лишь один, завершающий Мучение Гликерии, с текстом, читавшимся 17 октября (л. 152). При этом кодикологические особенности рукописи позволяют с точностью установить количество листов, изъятых из первоначального состава сборника, представляющего ныне III часть Георгий 2.

Рассмотрим схемы тетрадей сборника, лежащего в основе части III, на которых пунктиром обозначены отсутствующие теперь листы, а буквами «н» или «в» отмечено наличие филиграи и ее части (верхней или нижней).

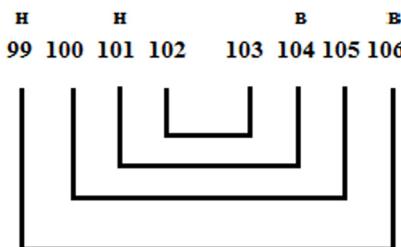
Первая тетрадь, заключающая ныне семь листов (л. 92–98), не сохранила первого листа, на котором, судя по всему, был обозначен ее номер, дубль же этого номера, выполненный киноварью, сохранился на последнем листе той же тетради (л. 98) — парном к ныне отсутствующему.

Тетрадь 1

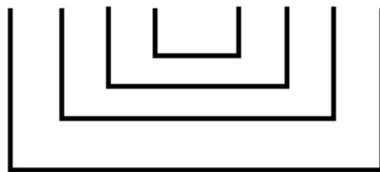
Вторая и третья тетради сохранились полностью, на первых листах обеих тетрадей обозначены их порядковые номера, выполненные писцом обычными чернилами, а на последних киноварные (см. л. 99/106 об. и 107/114 об.), их схемы могут быть легко представлены:

Тетрадь 2

Тетрадь 3

в	в	н	н
107	108	109	110
111	112	113	114

На первом листе тетради 4 (л. 115) от подобного номера виден лишь остаток титла, цифирь же была срезана при переплете. Поскольку текст Мучения Маманта с л. 114 об. переходит без утрат на л. 115, сомнений в том, что мы имеем дело именно с тетрадью 4, не остается. Построенная схема приводит к выводу, что от ее объема сохранились лишь три листа (л. 115–117).

Тетрадь 4

н	в					
115	116	117	х	х	х	х

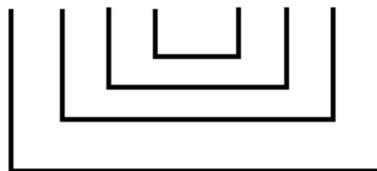
На л. 117 об. текст Мучения Маманта завершается колофonom, нижняя часть листа свободна. Это обстоятельство позволяет думать, что следующий далее текст начинался на новом листе и, возможно, относился уже к другому числу месяца.

Мысленно исключив из состава рукописи вставной блок из четырех тетрадей, о котором речь шла ранее (часть IV), обратимся к тетрадям сборника, следующим далее. Ситуация, однако, усложняется тем, что на л. 152–180 цифирь, обозначающая номера тетрадей, оказалась полностью срезанной при переплете. Лишь на л. 181 обнаруживаются знаки «12», указывающие на начало 12-й тетради. Таким образом, для восстановления вида тетрадей и выяснения количества утраченных листов нам необходимо именно от этой 12 тетради двигаться назад, к началу рукописи.

Тетради с 12 по 9 восьмистраничные, их схемы могут быть представлены только таким образом:

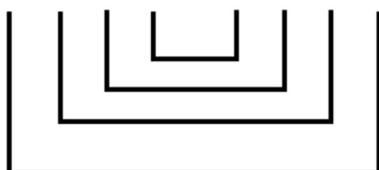
Тетрадь 12

в	в	н	н
181	182	183	184
185	186	187	188

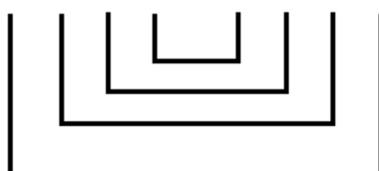
Тетрадь 11

н	н	в	в
173	174	175	176
177	178	179	180

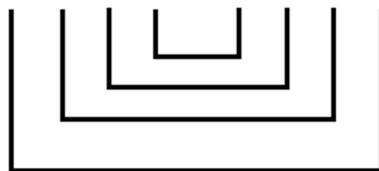
Тетрадь 10

н	н	в	в
165	166	167	168
169	170	171	172

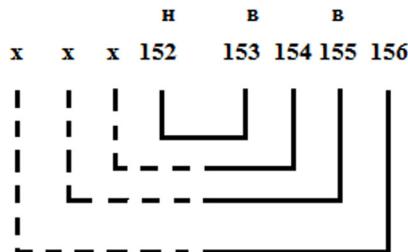
Тетрадь 9

в	н	в	н
157	158	159	160
161	162	163	164

От тетради 8 сохранились лишь последние пять листов (л. 152–156), с л. 152 об. читается Мучение Артемия, которому в рукописи предшествовало Мучение Гликерии, от которого, как уже говорилось выше, сохранилось лишь окончание, занимающее л. 152.

Тетрадь 8

Таким образом, становится понятным, что в составе сборника, вошедшего в III часть Георгий 2, ныне недостает пяти последних листов 4-й тетради, тетрадей 5–7 целиком и трех начальных листов тетради 8. О содержании изъятого фрагмента можно только догадываться, принимая во внимание, что там, безусловно, читался текст Мучения Гликерии. Объем текста Мучения в рукописях в 4-ку при мелком почерке занимал не менее семи–восьми листов,¹⁰ однако даже при очень разряженном почерке он не мог занимать объема нескольких тетрадей. Это позволяет предполагать, что из сборника изъяты еще какие-то статьи агиографического содержания. Причина изъятия может объясняться переносом чтения на другой день года, а следовательно, фрагмент мог быть не просто удален, но и помещен в состав иной рукописи. Практика формирования четвых миней в монастырях заметно активизировалась к началу XVI века, а в деятельности митрополита Макария по созданию ВМЧ мы видим уже окончательное оформление этого процесса. Так, включения и перестановки такого рода хорошо заметны в четвем минейном комплекте Исило-Волоколамского монастыря, работа по созданию которого велась в монастыре в начале XVI века.¹¹ Усилия по созданию комплекта четвых миней предпринимались и в Кирилло-Белозерском монастыре, однако несколько позднее, в 20-е годы того же столетия.¹² В результате деятельности старца Киприана, в монастыре появились сборные минеи, известные

¹⁰ См., например: РНБ, Соф. 1385. Л. 198–205.

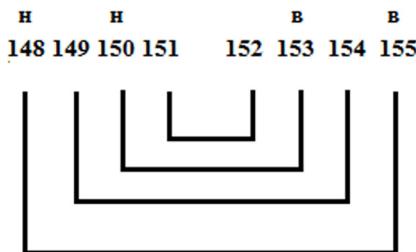
¹¹ Мучение Гликерии перенесено в майский том под 13 мая, будучи заимствовано из другой рукописи: текст первого и последнего листов Мучения, оставшихся в исходной книге, здесь переписаны заново, см.: РГБ, Вол. 597. Л. 235 об.–241 об.

¹² Такая датировка предложена М. А. Шибаевым на основании анализа наиболее поздних филиграней, встреченных в этих рукописях (Шибаев М. А. «Ветшаные» минеи и реконструкция сборников XV в. из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря // ТОДРЛ. Т. 62. СПб., 2014. С. 481. Примеч. 4) Н. К. Никольский относил создание минеи к первой половине XVI столетия (Никольский Н. К. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века. СПб., 1897. С. XX–XXI).

исследователям под неточным названием «ветшаных»,¹³ в которые с опорой на календарный принцип были включены тетради из разных сборников, сохранившихся в монастыре к этому времени.¹⁴

Размышления в этом направлении и привели автора статьи к необходимости внимательного просмотра содержимого известных сборных комплектов четвых миней. Результат превзошел все ожидания: в составе кирилло-белозерской рукописи (Кир.-Бел. 19/1258), известной как «Минея ветшаная соборная» (далее — КБ-19),¹⁵ были обнаружены десять листов (л. 148–157), исписанных тем же почерком и на той же бумаге, что и листы в сборнике Георгий 2, окружающие выявленную «лакуну». Здесь читается текст Мучения Логина сотника (16 октября), после завершения которого на обороте последнего листа (л. 157 об.), находится заголовок и первые четыре строки текста Мучения Гликерии,¹⁶ окончание которого и сохранилось в составе Георгий 2. Обнаруженный в КБ-19 фрагмент подчиняется следующей кодикологической схеме, представляя собой 6-ю и 7-ю тетради реконструируемого сборника:

Тетрадь 6 в составе КБ-19

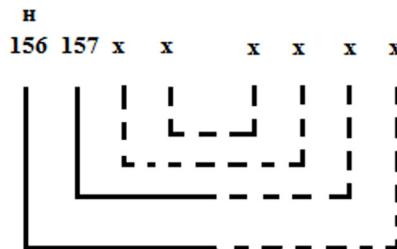
¹³ Судя по сведениям, которые можно почерпнуть из Кирилло-Белозерского обиходника XVI века (*Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397–1625)*. Т. 2. СПб., 2006), под «ветшаными» минеями подразумевался не минейный комплект целиком, а лишь его отдельные тома, по-видимому, особенно изветшавшие. По крайней мере, такое определение присвоено лишь двум книгам: КБ-16/1255 и КБ-19/1258, что отразилось в записях на их переплетных листах.

¹⁴ Шибаев М. А. «Ветшаные» минеи и реконструкция сборников XV в. С. 482–483. Датировка частей миней, происходивших из не заинтересовавших М. А. Шибаева сборников XV и начала XVI в., к сожалению, не входила в задачи исследователя, поэтому представить распределение в «ветшаных» минеях «старого», «менее старого» и «нового» материала без обращения к рукописям не представляется возможным, а выяснение этого вопроса по-прежнему требует специального исследования.

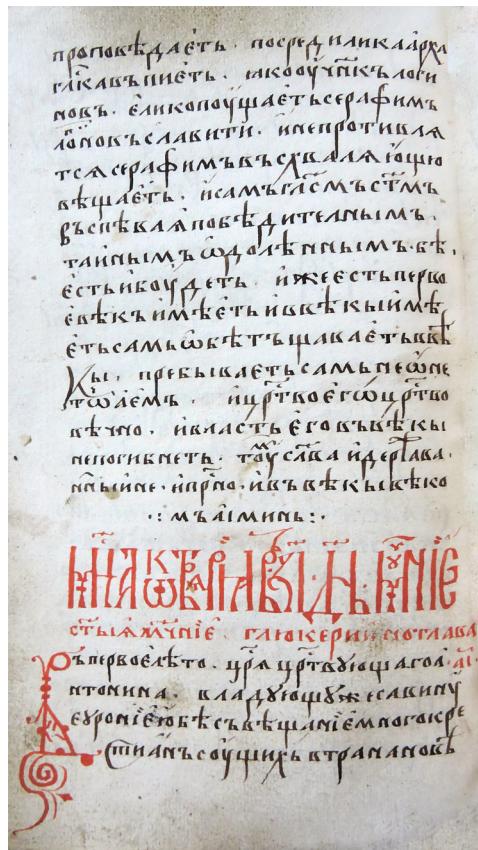
¹⁵ КБ-19. Л. I об.

¹⁶ Наличие в сборнике КБ-19 лишь начала текста Мучения Гликерии было отмечено О. В. Твороговым (*Творогов О. В. Переводные жития в русской книжности XI–XIV веков. Каталог. М.; СПб., 2008. С. 39*).

Фрагмент тетради 7 в составе КБ-19

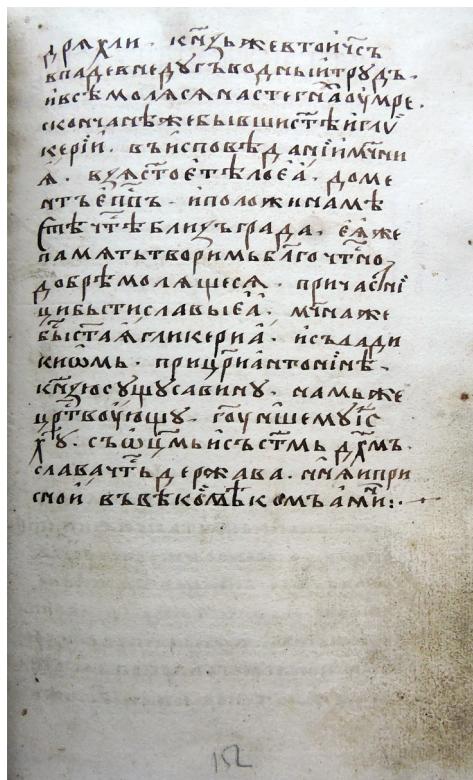

Таким образом, мы можем рассчитать, что изъятый из Мучения Глиkerии текст занимал в сборнике ровно девять листов (шесть из которых приходились на 7-ю тетрадь, а три — на восьмую).

РНБ, Кир.-Бел. 19/1258. Л. 157 об.
Начало текста Мучения Глиkerии

Обнаружение в составе кирилло-белозерской «ветшаной» минеи фрагмента, изъятого из сборника, заключенного в III части конволюта

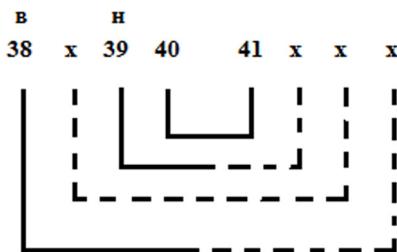

РНБ, Георгий 2. Л. 152
Окончание текста Мучения Глиkerии

Георгий 2, не только позволяет говорить о бытovanии этого сборника в 20-х годах XVI века в Кирилло-Белозерском монастыре, но и открывает возможности для поиска в составе конволютных рукописей Кирилло-Белозерского собрания других заимствованных из него фрагментов. Логично при этом полагать, что искомые фрагменты следует, прежде всего, связывать именно с тем минейным комплектом, к которому относится «ветшаная» минея КБ-19.

И действительно, еще один фрагмент обнаруживается в рукописи Кир.-Бел. 16/1255 (далее — КБ-16). Л. 33–41 этого манускрипта являются в ее составе «чужими», добавленными между более поздними блоками, и сближаются почерком писца и филигранями с выявленным фрагментом в составе КБ-19 и «массивом» III части Георгий 2. Здесь читается текст Мучения Анфима Никомидийского. Примечательно, что на нижнем поле л. 38 сохранился писцовый номер тетради (5) первоначального сборника, что позволяет не только точно определить место обнаруженного фрагмента в составе последнего, но и подтвердить наши построения. Кодикологическая схема тетради 5, обнаруженной в составе КБ-16, может быть представлена следующим образом:

Тетрадь 5 в составе КБ-16

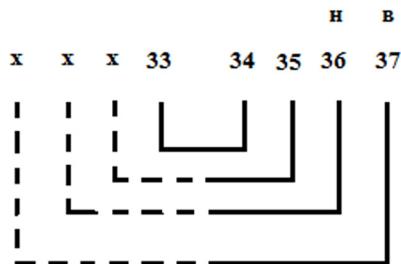

Выяснив, что л. 40 и 41 в КБ-16 являются парными, приходим к выводу, что из первоначального ее объема отсутствуют три последних листа, а между нынешними л. 38 и 39 утрачен один. Последнее заключение находит подтверждение и непосредственно в тексте Мучения Анфима, где после слов «Святыи же мученик рад быв», которыми заканчивается текст на л. 38 об., на л. 39 читается не должное «рече: мниши ли устрашити мя...»,¹⁷ а «и мертвым тяж тако осудит», то есть имеется пропуск в повествовании.

Между л. 37 и 38 текст Мучения Анфима не прерывается, что позволяет считать тетрадь, предшествующую тетради 5, тетрадью 4 и представить ее фрагмент в составе КБ-16 следующим образом:

¹⁷ Так в ТСЛ. 666. л. 18 об.; КБ-37/1114. л. 108.

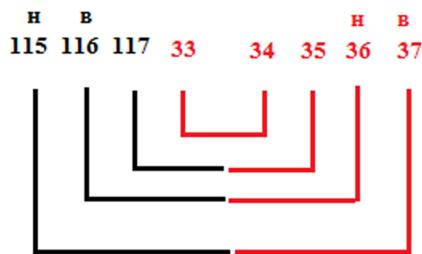
Фрагмент тетради 4 в КБ-16

Совместив схемы фрагментов тетради 4, составленные на базе сведений из рукописей Георгий 2 и КБ-16, получаем следующую реконструкцию:

Тетрадь 4

Георгий 2 Кир.-Бел. 16/1255

Обращение к еще одной Минее — Кир.-Бел. 15/1254 — позволило обнаружить лист из Жития Анфима, находившийся ранее в КБ-19 между листами 38 и 39, а до этого в составе тетради 5 первоначального сборника. Будучи пронумерован как л. 3 еще в XIX веке, ныне этот лист разрывает содержание текста Жития Трифона Апамейского.¹⁸ Не исключено, что лист выпал из «ветшаной» минеи задолго до появления этой нумерации: следы сгиба в его середине говорят о том, что какое-то время он хранился в сложенном виде.

Таким образом, состав сборника, созданного в 1490-х годах,¹⁹ был следующим:

1. *Слово Феодора Студита (1 сентября)*, нач.: «Братиа и отци, начало лета приде ныне...» — Георгий 2. Л. 92–93 об.

2. *Житие Симеона Столпника (1 сентября)*, нач.: «Странна и дивна тайна бысть...» — Георгий 2. Л. 94–105.

¹⁸ Кир.-Бел. 15/1254. Л. 2–13.

¹⁹ Без дополнительной части, обозначенной нами III₁.

3. *Мучение Маманта (2 сентября)*, нач.: «Святых мученик труди церкви божии на подобную реть христолюбиваго их жития...» — Георгий 2. Л. 105 об.–117 об.

4. *Мучение Анфима Никомидийского (3 сентября)*, нач.: «Царьствующу тогда Максимиану, не Максимиану же единому, но и Диоклитияну...» — Кир.-Бел. 16/1255. Л. 33–38 об. + Кир.-Бел. 15/1254. Л. 3–3 об. + Кир.-Бел. 16/1255. Л. 39–41 об.

5. *Статья неустановленного содержания, объемом не более трех листов.*

6. *Мучение Логина сотника (16 октября)*, нач.: «Многа убо и различна суть писания святых мученик...» — Кир.-Бел. 19/1258. Л. 148–157 об.

7. *Мучение Гликерии (17 октября)*, нач.: «В первое лето царя царствующаго Антонина...» — Кир.-Бел. 19/1258. Л. 157 об. + неустановленная рукопись, возможно, минея на май (текст на девяти листах без начала и конца) + Георгий 2. Л. 152 (от слов «...дряхли. Князь же в тои час впаде в недуг...»).

8. *Мучение Артемия (20 октября)*, нач.: «Иже великаго и славнаго мученика Артемия повествовати хотя мужа доблести и страдания...» — Георгий 2. Л. 152 об.–210 об.

9. *Житие Макария Египетского*, нач.: «Аще много прилежания многа и различна и врачевьских детеи показует закон и не без хитрости прилежать...» — Георгий 2. Л. 211–259.

10. *Наказание Илариона к отрекшимся мира*, нач.: «К стареищему ми брату и Христову рабу убогыи аз, инок и последний в братстве Иларион...» — Георгий 2. Л. 260–287 об.

11. *Поучение Илариона Великого*, нач.: «Потщимся, брате, паче всего без молвы богови работати...» — Георгий 2. Л. 287 об.–291 об.

В 20-х годах XVI века в Кирилло-Белозерском монастыре из этого сборника был изъят блок тетрадей, включающий три текста, следовавшие в сборнике друг за другом, но предназначенные для чтения в разные месяцы. Каждый из текстов вошел в состав одной минеи: Мучение Анфима было вставлено в сентябрьскую минею, Мучение Логина сотника было включено в минею на октябрь, а Мучение Гликерии, находившееся ранее среди октябрьских чтений, было, скорее всего, перенесено в минею на май.²⁰ Образовавшаяся лакуна была заполнена в сборнике циклом из трех произведений, посвященных Киприану и Устине.

Несмотря на установленное бытование III части сборника Георгий 2 в Кирилло-Белозерском монастыре в 20-х годах XVI столетия,

²⁰ Судя по всему, эта Минея не сохранилась или пока не обнаружена.

данных о ее создании непосредственно в этом монастыре пока не обнаружено, хотя здесь, безусловно, были источники для формирования подобной рукописи.

За пределами предлагаемой читателю заметки остались вопросы, связанные с бытованием других частей сборника до объединения их в составе Георгий 2. Приведенные сведения, между тем, наглядно иллюстрируют ранее высказанные нами теоретические соображения о сборниках-конволютах и проблемах, а также перспективах их дальнейшего описания и изучения.²¹

²¹ Новикова О. Л. Архивы кирилловских старцев // ОФР. Вып. 17. М.; СПб., 2013. С. 93–101.

С. Н. Кистерев

ВОЗМОЖНОЕ ОБЪЯСНЕНИЕ ОРИГИНАЛЬНЫХ ИЗВЕСТИЙ РАФФАЭЛЕ ВОЛАТЕРРАНА О МОСКОВСКОЙ РУСИ

В последние десятилетия круг доступных в новых или даже первых переводах на русский язык известий итальянских авторов XV–XVI столетий о Руси значительно расширился, прежде всего, благодаря трудам О. Ф. Кудрявцева.¹ Естественно, что сообщения иноземцев всякий раз нуждаются в комментарии, помимо прочего, поясняющем степень соответствия их представлений о стране на окраине Европы географическим и историческим реалиям. Сказанное, безусловно, относится и к краткому фрагменту в сочинении Раффаэле Маффеи из Вольтерра, впервые изданном в 1506 г., но создававшемся на протяжении длительного времени с юношеских лет находившимся при папском дворе тосканцем, в конце жизни вернувшимся в родной город и организовавшим там кружок единомышленников, в котором, вероятно, справедливо видят «своего рода академию».² Опубликованный в русском переводе два десятилетия назад О. Ф. Кудрявцевым текст теперь стал предметом рассмотрения в специальной статье того же автора, предложившего свои замечания ко всему написанному Маффеи о рутенах, как тот называл русских. Отдельные положения работы О. Ф. Кудрявцева, на наш взгляд, могут быть дополнены некоторыми гипотетическими, но не лишенными основания соображениями.

Первым замечанием Раффаэле о современных ему жителях Руси, в коих он видел потомков древних роксоланов, является констатация

¹ Перечень этих работ см.: Мальков В. Л. О. Ф. Кудрявцев: гармония личности и таланта // *Ars historica*. Сборник в честь Олега Федоровича Кудрявцева. М.; СПб., 2015. С. 8–9. Примеч. 2, 3.

² Кудрявцев О. Ф. Русские заметки Раффаэле Волатеррана // СВ. Вып. 77 (3–4). М., 2016. С. 310.

ция их конфессионального отличия от итальянцев: «...Сейчас они христиане, однако греческой веры, язык [у них] полудалматский, почти как в Литве и Польше».³ О. Ф. Кузнецов справедливо считает, что этим рутены причисляются к славянским народам, а наличие противительного союза «однако» в тексте Волатеррана, по мнению исследователя, отражает западное мнение о неполноценности исповедуемого русскими христианства.⁴

Далее итальянец пишет, что называемые «белыми» рутены соседствуют с Литвой, имеют столицей Москву и подвластны князю Иоанну, «у которого от [жены] Елены, сестры деспота Андрея Палеолога, родилось много детей».⁵ Комментируя данное место, О. Ф. Кудрявцев отмечает допущенную тосканцем ошибку в имени московской великой княгини, но не предпринимает попытки найти ей объяснение,⁶ хотя таковое и может быть предложено.

Иван III был женат дважды, и его вторую жену, действительно, сестру аморейского деспота Андрея Палеолога, звали Зоя в греческом варианте и Софья — по-русски. Ее отец Фома Палеолог, судя по сведениям Сфрандзи и Перо Тафура, был участником греческой делегации на соборе в Ферраре и Флоренции,⁷ более того, имел репутацию активного сторонника унии.⁸ Тем самым, имеются все основания считать, что в политических и церковных кругах он был известен в Италии конца 1430-х годов. Следствием этой известности стало внимание, проявленное к иноземцу видевшими его современниками из числа художников, запечатлевшими образ Фомы в своих творениях. Полагают, хотя и не все, что исполненное Беноццо Гоццоли изображение деспота можно видеть на фреске западной стены дворцовой капеллы Козимо Медичи Старшего, где он предстает в образе всадника с гепардом из свиты царя-волхва Мельхиора.⁹ Во Флорен-

³ Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы. М., 1997. С. 208. Примеч. 15. Поправка к переводу: Кудрявцев О. Ф. Русские заметки Раффаэле Волатеррана. С. 311.

⁴ Кудрявцев О. Ф. Русские заметки Раффаэле Волатеррана. С. 311.

⁵ Россия в первой половине XVI в. С. 208. Примеч. 15.

⁶ Кудрявцев О. Ф. Русские заметки Раффаэле Волатеррана. С. 312.

⁷ Матасова Т. Софья Палеолог. М., 2016. С. 22.

⁸ Ломизе Е. М. Морейский деспотат и Флорентийская уния // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. К XVIII Международному конгрессу византинистов. М., 1991. С. 111.

⁹ Хартман Г. М. Значение греческой культуры для развития итальянского гуманизма // ВВ. Т. 15. М., 1959. С. 118. Примеч. 61; Матасова Т. Софья Палеолог. С. 39; Ачидини Лукинам К. Беноццо Гоццоли. М., 1996. С. 37. Иного мнения придерживался В. Н. Гращенков (Гращенков В. Н. Портрет в итальянской живописи раннего Возрождения. М., 1996. С. 136–138).

ции в 1439 г. находился Пьеро делла Франческа, вместе со своим учителем Доменико Венециано расписывавший фресками хоры церкви Сант Эджидио.¹⁰ Именно там, вопреки мнению Т. Матасовой,¹¹ он мог видеть Фому Палеолога, чтобы потом изобразить его на картине «Бичевание Христа» в образе белокурого молодого человека, одетого в пурпурные одеяжды.¹²

Однако известность сменилась забвением, что явствует из допущенной Раффаэле ошибки весьма своеобразного свойства. Нельзя не заметить удивительного совпадения имен в московской велико-княжеской семье: у Ивана III старшего сына звали Иваном, а женат он был на дочери молдавского воеводы Стефана, именовавшейся Еленой. Поэтому можно допустить, что тосканец был осведомлен о женитьбе Ивана Васильевича на дочери дома Палеологов, но не помнил точно ее имени, и знал о браке московского Ивана с некоей Еленой, не имея сведений о ее происхождении и не подозревая в ее муже сына государя всея Руси. В его представлении имени сына и отца смешались, почему женой Ивана III оказалась вдруг Елена Волошанка, которой было приписано родство с византийскими императорами. У Ивана Васильевича и Софьи, действительно, было много

¹⁰ Гращенков В. Н. Портрет в итальянской живописи раннего Возрождения. С. 129; Анджелини А. Пьеро делла Франческа. М., 1997. С. 3–4.

¹¹ Матасова Т. Софья Палеолог. С. 40.

¹² Анджелини А. Пьеро делла Франческа. С. 18, 19. В пользу этой версии говорит изображение головных уборов византийских сановников на фреске «Воздвижение Креста господня» в церкви Сан Франческо в Ареццо, работа над которой относится ко времени после 1452 г. (Там же. С. 26, 28). Хотя, по мнению М. В. Алпатова, отъезд из Флоренции спас Пьеро «от патрицианских вкусов» и позволил всегда оставаться художником без добавления «придворный» (Алпатов М. В. Художественные проблемы итальянского Возрождения. М., 1976. С. 110), В. Н. Лазарев подчеркивал особое положительное значение пребывания Пьеро во Флоренции в 1439 и последующие годы для всего его творчества (Лазарев В. Н. Старые итальянские мастера. М., 1972. С. 85).

Интересно, что на выполненной во второй половине 1450-х — середине 1460-х годов Пьеро делла Франческа и входящей в тот же цикл «История животворящего креста» фреске «Встреча царицы Савской с царем Соломоном» в той же церкви Сан Франческо в Ареццо присутствует «скрытое» изображение и другого видного участника Ферраро-Флорентийского собора — Виссариона Никейского, черты которого приданы Соломуну, что может свидетельствовать об особом интересе художника к самому событию и причастным к нему персонам, хотя программа росписи, возможно, создавалась при непосредственном участии Виссариона (Махо О. Г. Кардинал Виссарион и итальянская живопись XV в. // Культурные связи в Европе эпохи Возрождения. М., 2010. С. 65–68). В. Н. Гращенков отрицает возможность видеть в центральной фигуре переднего плана «Бичевания Христа» чье-либо портретное изображение (Гращенков В. Н. Портрет в итальянской живописи раннего Возрождения. С. 212, 393–394. Примеч. 68).

детей, старшинство среди которых после смерти двух ее сестер-младенцев принадлежало дочери Елене (19 мая 1476 г.).¹³ Следующим был родившийся 26 марта 1479 г. будущий Василий III,¹⁴ за которым последовали еще сыновья Юрий (23 марта 1480 г.)¹⁵ и Дмитрий (6 октября 1481 г.),¹⁶ дочери Евдокия (февраль 1483 г.),¹⁷ Елена (8 апреля 1484 г.)¹⁸ и Феодосия (29 мая 1485 г.),¹⁹ сын Семен (21 марта 1487 г.),²⁰ а самым младшим 5 августа 1490 г. появился на свет князь Андрей.²¹

Иван Иванович женился на Елене Стефановне 12 января 1483 г. и в этом браке имел единственного наследника — Дмитрия, рожденного 10 октября 1483 г.²²

Следовательно, можно считать, что возможность говорить о нескольких или даже многих детях Софьи появилась не ранее середины 1480-х годов, когда в кремлевском дворце уже росли три сына и столько же или больше дочерей Ивана III.

Великий князь, насколько был осведомлен Раффаэле, владычество-вал над всеми проживавшими «вплоть до Венедского моря», вследствие чего, писал итальянец, еще Страбон утверждал, «что за роксоланами никто не обитает».²³ Непосредственно за этим Волатерран продолжает: «Там [находятся] огромные леса, и люди, живущие в лесах, облачены лишь в шкуры медведей, на которых они охотятся; вообще, по природе они — люди простые, питающиеся медом и обменивающие купцам, которые туда приезжают, ценные меха на [различного рода] плоды».²⁴ О. Ф. Кудрявцев полагает, что, судя по контексту, в лесных людях следует видеть все тех же рутенов, хотя последователи тосканца в описании Руси таким образом представляли народы дальнего Севера, а подчеркивание их простоты означало указание на грубость и нецивилизованность именно рутенов.²⁵

На наш взгляд, в данном случае вряд ли стоит ориентироваться на контекст, поскольку у итальянца прямо сказано, что речь идет

¹³ Иоасафовская летопись. М., 2014. С. 95.

¹⁴ Там же. С. 118.

¹⁵ Там же. С. 119.

¹⁶ Там же. С. 123.

¹⁷ ПСРЛ. Т. 25. М., 2004. С. 330.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 24. Пг., 1921. С. 204.

¹⁹ Иоасафовская летопись. С. 125.

²⁰ Там же. С. 126.

²¹ Там же. С. 128.

²² ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. М., 2001. С. 318; Иоасафовская летопись. С. 123–124.

²³ Россия в первой половине XVI в. С. 208. Примеч. 15.

²⁴ Там же. С. 208–209. Примеч. 15.

²⁵ Кудрявцев О. Ф. Русские заметки Раффаэле Волатеррана. С. 312.

о проживавших в лесу, на пространствах же Руси, по его же словам, произрастают огромные леса, но они, насколько можно судить буквально по выражению *«ibi ingens silua»*,²⁶ не покрывают всей русской земли. Следовательно, в лесных людях можно усматривать не собственно рутенов, а именно подвластных им или соседствующих с ними северных жителей, к которым и ездили упоминавшиеся купцы за мехами. В противном случае в этих купцах необходимо видеть чужих для Руси иноземных торговцев, а в определении местности как «туда» усматривать указание на всю Русь белых рутенов. Более того, если видеть во всей территории, занимаемой рутенами, местность, покрытую лесами, то придется допустить, что в данном случае уже отрицается существование Рифейских гор, в которых брали истоки величайшие, известные еще древним авторам реки Восточной Европы — Танаис и Борисфен, хотя эта гипотеза об их существовании была отвергнута впервые только в трактате Матвея Меховского.²⁷

Кажется, в пользу ограниченного толкования лесных людей как северных народностей говорит и последующий текст Волатеррана: «Кроме того, они удерживают огромный город, который на их языке называется Новгород, что означает новая крепость; и в нем церковным владыкой обыкновенно бывает грек. В наше время им был Исидор, произведенный [папой] Евгением в кардиналы рутенов».²⁸ Начальное «кроме того», вероятно, должно сочетаться с чем-то, что помимо Новгорода удерживали за собой или сохраняли белые рутены, а в этом нельзя увидеть кого-нибудь, кроме подвластных им лесных жителей.

Последнее процитированное место интересно и точным переводом названия русского города,²⁹ и неверным указанием на обычай иметь грека новгородским архиепископом, и совсем невероятным причислением к таким иерархам Исидора, хотя и бывшего природным греком,³⁰ но на Русь явившимся в сане митрополита Киевского и всея Руси.

²⁶ Россия в первой половине XVI в. С. 209. Примеч. 15.

²⁷ Кудрявцев О. Ф. Отвержение древних: полемика по поводу физической географии Восточной Европы в конце XV — начале XVI в. // ДРВМ. 2015. № 3. С. 66–67.

²⁸ Россия в первой половине XVI в. С. 209. Примеч. 15.

²⁹ Не для всех итальянцев смысл названия «Новгород» был понятен. Иоасаф Барборо в своем описании Руси придал ему значение «девять замков» (Скржинская Е. Ч. Барборо и Контарини о России. К истории итalo-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 159).

³⁰ В латинских и греческих источниках, с одной стороны, и в русских, с другой, имеются разногласия в определении национальности Исидора (Акишин С. Ю. Митрополит Исидор Киевский и проблема церковной унии в поздней Византии // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 1. 2011. С. 71–72), но для итальянцев он был греком.

Эти несообразности отмечает О. Ф. Кудрявцев и добавляет: «Больше об Исидоре ничего, но говорить о нем как о современнике, или даже почти современнике, никак невозможно, ибо с Руси Исидор сбежал почти за семьдесят лет до публикации сочинения Волатеррана».³¹ Разумеется, все указанные неточности наличествуют, но нельзя ограничиться их простой констатацией, не обращая внимания на некоторые опять-таки странные совпадения.

Исидор, конечно же, не был новгородским церковным владыкой, но в свое путешествие на Ферраро-Флорентийский собор проследовал из Москвы через Новгород, будучи торжественно встречен там 9 октября 1437 г.³² Следовательно, в Италии могли найтись люди, в свое время полюбопытствовавшие о маршруте передвижения Исидора на его пути из русской столицы, а Волатеррану оставалось лишь счесть один из пунктов на этом маршруте за место его пастырства. Что же касается суждения об обычае замещения новгородской кафедры греками, то это могло быть домыслом самого Раффаэле, ориентировавшегося на национальность Исидора.

Выражение «в наше время», разумеется, должно относиться не к самому Волатеррану, а к его информатору, тому, кто назвал Новгород местом расположения владычной кафедры Исидора и знал о производстве иерарха папой Евгением IV в кардинальское звание. Тем самым, «нашим» это время было для автора текста, устного или письменного, использованного Раффаэле в качестве источника сведений об Исиоре и греках во главе Новгородской епархии. Не исключено, что этим осведомителем был некто из жителей Тосканы, даже собственно Флоренции, принявший у себя созданный папой собор. Однако возможно, что им был и один из непосредственных участников этого значимого церковного мероприятия, воочию лицезревший русского митрополита и его свиту.

На первый взгляд, этот же информатор вряд ли мог сообщать Волатеррану сведения о составе семьи Ивана III, и в таком случае следует учитывать использование тосканцем, как минимум, двух источников, один из которых предоставил сведения о некоторых русских реалиях конца 30-х годов XV в., а другой — о положении Московской Руси спустя половину столетия. Однако нельзя отрицать вероятности, что кто-то из современников Флорентийского собора дожил до середины 80-х годов, чтобы, будучи сам осведомлен о составе семейства московского великого князя, поведать о том же и проявлявшему интерес к далекой стране Раффаэле.

³¹ Кудрявцев О. Ф. Русские заметки Раффаэле Волатеррана. С. 313.

³² ПСРЛ. Т. 43. М., 2004. С. 178; Абеленцева О. А. Митрополит Иона и установление автокефалии Русской Церкви. М.; СПб., 2009. С. 96–100.

Волатерран родился в 1455 г. и лично знать умершего в 1463 г. Исидора не мог. Зато он, состоя при дворе папы Павла II в должности апостолического писца, проходил обучение греческому языку у выходца с Крита, видного греческого ученого Георгия Трапезундского, несколько десятилетий прожившего в Италии, участвовавшего в Ферраро-Флорентийском соборе,³³ занимавшегося филологическими трудами,³⁴ подвергшимися супротивной, но справедливой критике со стороны Виссариона Никейского³⁵ и Лоренцо Валлы,³⁶ уехавшего из Рима в 1452 г. и вернувшегося туда с папского позволения в 1460 г.³⁷ Следовательно, обучался Раффаэле у Георгия именно тогда, когда тот вновь оказался в Риме, и обучение длилось не очень долго. В 1472 или 1473 г. Георгий умер.³⁸

Стоит заметить, что первоначально Георгий учился латинскому языку у Джованни Гуарино да Верона,³⁹ который был одним из первых итальянцев, побывавших в Византии ради изучения греческого языка, и в 1403–1408 годах жил в доме своего учителя Мануила Хрисолоры, а позднее, когда Мануил приехал во Флоренцию, приютил его у себя.⁴⁰ Мануил, благодаря стараниям Никколо Никколи, Палла Строци и, возможно, Колюччо Салютати, стал преподавать греческий язык и литературу в местном университете,⁴¹ написал учебник

³³ Георгий был секретарем папы Евгения IV (*Хартман Г. М. Значение греческой культуры... С. 118*).

³⁴ В частности, он составил пособие к урокам риторики (*Куц Т. В. На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии. Екатеринбург, 2013. С. 397*).

³⁵ *Хартман Г. М. Значение греческой культуры... С. 120, 122; Рязанов П. А. Византийский ученый Феодор Газа и его речь о пользе изучения греческой словесности // СВ. Т. 73 (3–4). М., 2012. С. 209.*

³⁶ О полемике вокруг работ Георгия Трапезундского см.: *Иванова Ю. В. Греки в Италии // История литературы Италии. Т. 2. Кн. 1. М., 2007. С. 93–96.* Версии о совершенном Георгием и замеченном современниками plagiatе при комментировании «Альмагест» придерживается В. А. Бронштейн (*Бронштейн В. А. Георгий Трапезундский // ВИ. 1995. № 9. С. 173–174*).

³⁷ *Бронштейн В. А. Георгий Трапезундский. С. 174.*

³⁸ В изданной в 1578 г. в Базеле в типографии Пьетро Перна книге «Описание мужей, прославленных ученостью» находится, наряду с другими, гравюра с портретным изображением Георгия Трапезундского, правда, носящим характерные черты «осовременивания» персонажа «в русле протестантских вкусов» (*Соловьев С. В. Знаки ума. Как выглядели гуманисты раннего Возрождения // Cursor mundi. Человек Античности, Средневековья и Возрождения. 2011. № 4. С. 27–28*).

³⁹ Его профиль запечатлен на медали, изготовленной Маттео де Пасти в 1446 г. (*Гращенков В. Н. 1) Портрет в итальянской живописи раннего Возрождения. С. 210; 2) Портрет в итальянской живописи раннего Возрождения. Таблицы. М., 1996. № 183*).

⁴⁰ *Куц Т. В. На закате империи. С. 368, 386.*

⁴¹ *Хартман Г. М. Значение греческой культуры... С. 104–105; Пшизов С. Н. Флорентийский университет и развитие гуманизма в XIV–XV вв. // СВ. Т. 56. М., 1993.*

греческой грамматики в форме ответов и вопросов «Вопросы греческого языка», впервые изданный лишь в 1475–1476 годах в Виченце.⁴² Нельзя исключить, что от этого своего преподавателя латыни Георгий мог знать о существовании учебника, созданного Мануилом, почему можно задаваться вопросом о возможности использования его самим Георгием при обучении греческому собственных учеников, в том числе и Раффаэле. Это тем более вероятно, что Георгий Трапезундский в 1441 г. начал чтение лекций о поэзии в том же университете Флоренции.⁴³ Последнее обстоятельство тем более важно, что там же на основанной еще в 1373 г. Джованни Боккаччо кафедре вел занятия Франческо Фильтро, в 1420–1427 годах обучавшийся греческому языку в Константинополе, живший в доме Иоанна Хрисолоры, племянника Мануила, и женившийся на его дочери.⁴⁴ Это — второй из возможных путей получения Георгием составленного Мануилом учебника.⁴⁵ Стоит учитывать, что сам Гуарино переработал учебник Хрисолора для использования при самостоятельном изучении языка,⁴⁶ и его творение также могло быть доступно Георгию Трапезундскому, как позднее Димитрию Халкокондилу, приспособившему его для своих нужд.⁴⁷

Другим наставником Георгия в постижении латыни был Витторино да Фельтре, сам обучавшийся у Гуарино да Верона и с 1423 г. дер-

С. 159–160. П. А. Рязанов пишет об адресованном Мануилу личном приглашении канцлера синьории (*Рязанов П. А. Изучение греческой словесности во Флоренции от Боккаччо до Мануила Хрисолора // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. История. 2007. № 2. С. 209*).

⁴² Хартман Г. М. Значение греческой культуры... С. 109; Кущ Т. В. На закате империи. С. 386. Ю. В. Иванова без пояснений называет грамматику Мануила «скучной книжкой» (*Иванова Ю. В. Греки в Италии. С. 79*). Об особенностях учебника Хрисолоры см.: *Рязанов П. А. Изучение греческой словесности во Флоренции... С. 209–210*.

⁴³ Пшизова С. Н. Флорентийский университет и развитие гуманизма в XIV–XV вв. С. 163.

⁴⁴ Хартман Г. М. Значение греческой культуры... С. 108; Пшизова С. Н. Флорентийский университет и развитие гуманизма в XIV–XV вв. С. 159; Кущ Т. В. На закате империи. С. 368.

⁴⁵ Франческо Фильтро 23 февраля 1473 г. завещал личную библиотеку своему сыну, после которого она должна была принадлежать собору и библиотеке Миланского капитула (*Хоментовская А. И. К истории книги и библиотек по завещаниям гуманистов и ученых итальянского Возрождения (1320–1574 гг.) // СВ. Т. 24. М., 1963. С. 220*).

⁴⁶ Хартман Г. М. Значение греческой культуры... С. 110; Рязанов П. А. Изучение греческой словесности во Флоренции... С. 209.

⁴⁷ Рязанов П. А. Речи Димитрия Халкокондила о значении греческой словесности (Из истории греческих штудий в ренессансной Италии XV века) // СВ. Т. 75 (1–2). М., 2014. С. 221–222.

жавший функционировавшую по программе семи свободных искусств школу в Мантуе.⁴⁸ О. Ф. Кудрявцев считает, что «конкретным результатом деятельности Витторино в Мантуе стала подготовка значительного числа людей разного звания и состояния, воспитанных в духе требований, выдвигавшихся ренессансной культурой», среди которых был и Георгий Трапезундский.⁴⁹ Н. В. Ревякиной был предпринят опыт реконструкции его использовавшейся в учебном процессе библиотеки, от которой не сохранилось даже каталога.⁵⁰ Среди книг Витторино, отправленных в июне 1445 г. из Мантуи для его ученика Джан Пьетро да Лукка, находилась «*Erotimata quedam*», греческая грамматика, возможно, та, что в свое время составил Мануил Хрисолор.⁵¹ Может быть, и Георгий ранее ею же пользовался, обучаясь в школе Да Фельтре. Со своей стороны, Георгий Трапезундский помогал Витторино, который, по словам Феодора Газы, «соединил латинскую словесность с греческой, благодаря чему многим принес пользу», ознакомившись с греческими текстами диалога Платона «Горгий» и трактата Гермогена Тарсийского.⁵²

Можно предполагать весьма сложные пути, которыми сведения о географии Руси, Новгороде и Исидоре попали к Волатеррану. Однако оптимальным кажется допущение, что все это он мог усвоить из рассказов, скорее всего, устных, но записанных уже самим Раффаэле с сохранением особенностей прямой речи («в наше время»), своего учителя греческого — Георгия Трапезундского, лично знавшего русского митрополита и кардинала Исидора и вращавшегося в одной с ним среде многие годы. Как и Георгий, Исидор был непо-

⁴⁸ Ревякина Н. В. Дело жизни Витторино да Фельтре, гуманиста и педагога // Итальянский гуманист и педагог Витторино да Фельтре в свидетельствах учеников и современников. М., 2007. С. 15, 18–27; Кущ Т. В. Византийские ученые в Италии: К вопросу об интеллектуальных связях Византии и Запада // АДСВ. Вып. 28. Екатеринбург, 1997. С. 121, 124.

⁴⁹ Кудрявцев О. Ф. Рец. на кн.: Итальянский гуманист и педагог Витторино да Фельтре в свидетельствах учеников и современников. М., 2007 // СВ. Т. 69 (1). М., 2008. С. 180. См. также: Ревякина Н. В. Дело жизни Витторино да Фельтре, гуманиста и педагога. С. 23–28.

«Вымышленный» портрет Витторино в 1474 г. был написан Иосом ван Гентом для Палаццо Дукале в Урбино, зато профиль гуманиста нанесен на медаль, изготовленную около 1446 г. Пизанелло (*Гращенков В. Н.* 1) Портрет в итальянской живописи раннего Возрождения. С. 169, 208; 2) Портрет в итальянской живописи раннего Возрождения. Таблицы. № 45, 221).

⁵⁰ Ревякина Н. В. Библиотека Витторино да Фельтре // Книга в культуре Возрождения. М., 2002. С. 129–137; Воскобойников О. С., Уварова О. А. К истории книги в эпоху Возрождения // СВ. Т. 63. М., 2002. С. 474.

⁵¹ Ревякина Н. В. Библиотека Витторино да Фельтре. С. 136.

⁵² Рязанов П. А. Византийский ученый Феодор Газа... С. 201. Примеч. 13; С. 226.

средственно знаком с Гуарино да Верона и состоял с ним в переписке.⁵³ Оба они — Георгий и Исидор — участвовали в работе Ферраро-Флорентийского собора, где отстаивали позиции Рима. Как латинизировавшийся, но все же грек, получивший в молодые годы достойное образование,⁵⁴ и товарищ Исидора Георгий должен был располагать хотя бы поверхностными знаниями о географических особенностях Русской равнины. Тем самым, его кандидатура, на наш взгляд, отвечает всем требованиям, которые можно было предъявить к одному из предполагаемых информаторов Волатеррана. Необходимо учитывать, что византийская традиция взаимоотношений учителя и ученика не подразумевала формального ограничения рамками изучаемого.

⁵³ Акишин С. Ю. Митрополит Исидор Киевский... С. 73–74; Соловьев С. В. Три града Исидора Киевского: византийский гуманист между Москвой и Римом // Европейское Возрождение и русская культура XV — середины XVII в.: контакты и взаимное восприятие. М., 2013. С. 21.

Примечательно, что учеником приглашенного в Феррару маркизом Николо III д' Эсте Гуарино был его сын и наследник, будущий синьор Феррары Леонелло, с которым учитель в 1430-х годах, включая время собора, где был переводчиком, состоял в переписке (Хартман Г. М. Значение греческой культуры... С. 110; Бернадская Е. В. Синьория и гуманистическая культура (по материалам Феррары XV–XVI вв.) // Проблемы культуры итальянского Возрождения. Л., 1979. С. 20; Ревякина Н. В. Идеи согласия и мира в итальянском гуманизме (Гуарино да Верона) // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 5. СПб., 2005. С. 315–319). Впоследствии Леонелло восстановит университет в Ферраре, кафедру греческой словесности в котором в 1446 г. займет Феодор Газа, через три года возглавивший весь университет (Бернадская Е. В. Синьория и гуманистическая культура. С. 21; Рязанов П. А. Византийский ученый Феодор Газа... С. 202). О неприязненных отношениях Газы и Георгия Трапезундского см.: Рязанов П. А. Византийский ученый Феодор Газа... С. 204–205, 214. Правда, это не мешало Феодору пользоваться трудами оппонента, в том числе и раскритикованным переводом сочинения Аристотеля (Воробьев Г. М. Рукописи из библиотеки Феодора Газы и источники его перевода «De animalibus» Аристотеля // ВИД. Т. 33. СПб., 2015. С. 287–288). Не выглядят неожиданными следующие замечания о Феодоре Газе: «Несмотря на явные расхождения во взглядах, кардинал Виссарион покровительствовал ему. Причиной тому, вероятно, был добрый нрав и честность Газы: даже с большим ученым Франческо Филельфо, продажность, заносчивость и злоба которого были известны всей Европе, ему на протяжении многих лет удавалось сохранять самые теплые отношения» (Иванова Ю. В. Греки в Италии. С. 92). Со своей стороны, и Георгий Трапезундский враждовал даже с Гуарино да Верона (Ревякина Н. В. Дело жизни Витторино да Фельтре, гуманиста и педагога. С. 50). Общей характеристикой Георгия является неуживчивый и злобный нрав (Иванова Ю. В. Греки в Италии. С. 93).

⁵⁴ См.: Медведев И. П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб., 1997. С. 87–88. О причинах перехода византийских интеллектуалов в католичество и их приверженности церковной унии, совмещавшейся иногда с пренебрежением к латинянам как варварам, см.: Кущ Т. В. На закате империи. С. 336–338, 345–347, 350.

мого специального предмета,⁵⁵ и вряд ли изначально воспитанный в этой традиции Георгий Трапезундский строил свои отношения с Раффаэле иначе и не старался не только передать ему знание греческого языка, но и поведать о некоторых событиях, свидетелем которых был сам. Ко времени обучения у него Раффаэле Георгий достиг весьма солидного возраста, почему, вспоминая о минувшем, мог говорить «в наше время».

Было бы интересно понять, кому подражал Раффаэле, называя жителей Руси рутенами. Пристрастие именовать современные им этносы античными эквивалентами было свойственно византийским авторам XIV–XV вв.⁵⁶ Возможно, в этом стоит видеть влияние его информатора, выходца из византийской интеллектуальной среды.

Не противоречит высказанному предположению о роли Георгия Трапезундского в передаче Раффаэле сведений о Руси и то обстоятельство, что в рассмотренном выше отзыве о христианстве рутенов наличествует союз «однако», расцениваемый О. Ф. Кудрявцевым как отражение мнения об ущербности веры сторонников восточной схизмы, тогда как в историографии было принято считать Георгия Трапезундского сторонником широкой межконфессиональной терпимости и чуть ли не выразителем суждения о тождестве христианства и ислама.⁵⁷ Во-первых, оговорка «однако» может принадлежать не самому Георгию, а его ученику, то есть Волатеррану, и отражать мнение именно тосканца. Во-вторых, хотя ученый грек и признавал право на идентичность за иноверцами, в частности, за теми же турками, и даже осуждал военные конфликты между ними и христианами,⁵⁸

⁵⁵ Поляковская М. А. К характеристике византийской образованности: учителя и ученики // АДСВ. Вып. 23. Свердловск, 1987. С. 114–116; Кущ Т. В. 1) Наставничество как форма интеллектуального общения // АДСВ. Вып. 40. Екатеринбург, 2011. С. 352–354; 2) На закате империи. С. 123–124.

⁵⁶ Кущ Т. В. На закате империи. С. 188.

⁵⁷ Одно из сочинений Георгия — трактат «О вечной славе самодержца и его мировом владычестве» (апрель 1466 г.) — и адресованные султану Мехмеду II письма стали причиной предпринятого особого расследования организованной папой Павлом II комиссии под главенством кардинала Виссариона, по результатам которого он был заключен в тюрьму (Медведев И. П. Падение Константинополя в греко-итальянской гуманистической публицистике XV в. // Византия между Западом и Востоком. Опыт исторической характеристики. СПб., 1999. С. 308–309; Лобовикова К. И. Христианство, иудаизм и ислам в трактате Георгия Трапезундского «О вечной славе самодержца и его мировом владычестве» // АДСВ. Вып. 34. Екатеринбург, 2003. С. 400–401). Следовательно, не только позднейшие историки склонны видеть в нем не совсем ортодоксального и политически благонадежного христианина.

⁵⁸ Лобовикова К. И. Проблемы турецкого завоевания и ислама глазами Георгия Трапезундского (XV в.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2005. С. 18. В своих рассуждениях об обращении турка в христианство Георгий следовал за Николаем Кузанским и, возможно, Пилем II (Медведев И. П. Падение Константинополя...

новейшие изыскания показывают, что Георгий был приверженцем организации крестового похода против захвативших Константинополь турок.⁵⁹ а в своих трактатах, адресованных турецкому султану Мехмеду II, написанных в 1453–1467 годах, он проводил идею не просто унии католичества и ислама с последующим созданием вселенской империи,⁶⁰ а обращения турка в христианство как непременного условия обретения тем мирового господства.⁶¹ Предпринятые Георгием в сочинениях, адресованных Мехмеду II, попытки свести к минимуму различия между христианством и исламом являлись не более, чем средством склонить султана к переходу в первое с отказом от второго.⁶² В трактате же «Об истинности христианской веры» ост-

С. 306–307). К. И. Лобовикова считает, что, напротив, многие идеи Георгия, хотя и в несколько усеченном виде, были восприняты папой Пием II и воспроизведены в его неотправленном письме Мехмеду II (Лобовикова К. И. Письмо Римского папы Пия II Мехмеду II Завоевателю и его прототип // Море и берега. К 60-летию Сергея Павловича Карпова от коллег и учеников. М., 2009. С. 161–165). В суждениях о заимствованиях, как кажется, следует учитывать лексическую новацию Пия II, писавшего о христианах как «европейцах» (Соловьев С. В. Мусульмане глазами интеллектуалов эпохи Возрождения // *Cursor mundi. Человек Античности, Средневековья и Возрождения*. 2010. № 3. С. 72), чего нет у Георгия Трапезундского.

⁵⁹ Медведев И. П. Падение Константинополя... С. 298–299.

⁶⁰ Там же. С. 309–310, 312.

⁶¹ Лобовикова К. И. Проблемы турецкого завоевания и ислама... С. 18. Подробнее см.: Лобовикова К. И. Эсхатология Георгия Трапезундского и проблема отношения к «чужому» // Культурные связи в Европе эпохи Возрождения. М., 2010. С. 29–37.

Участник последней обороны Константинополя Исидор Русский видел в Мехмеде II, как отмечает С. В. Соловьев, бесчеловечного и нетерпимого мусульманина, альтер-этого идеального правителя (Соловьев С. В. Три града Иисидора Киевского. С. 28), совмещая это мнение с представлением о нем как обладавшем глубокими познаниями и неподдельным интересом к античности (Медведев И. П. Падение Константинополя... С. 304). На распространенность в последующие десятилетия взгляда на султана как высококультурного человека, мудреца на троне, образец правителя особое внимание обращает С. В. Соловьев (Соловьев С. В. Мусульмане глазами интеллектуалов эпохи Возрождения. С. 70–71). Дж. Вазари рассказывает об отправке властями Венеции нескольких портретов султану, после чего тот потребовал пригласить ему художника, коим стал Джентиле Беллини, который написал в 1480 г. портрет Мехмеда II, восхитивший правителя и его окружение (Вазари Джорджо. Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Т. 2. М., 2001. С. 355–356). Вероятно, это может свидетельствовать об интеллектуальном уровне турецкого правителя, сумевшего по достоинству оценить произведение мастера, решившегося именно теперь внести в свое творчество элементы, выработанные новой эпохой. В. Н. Гращенков отмечает, что сохранение некоторых приемов, присущих старой традиции и нашедших отражение в портрете султана, может быть обусловлено вкусами восточных заказчиков (Гращенков В. Н. Портрет в итальянской живописи раннего Возрождения. С. 273).

⁶² См.: Лобовикова К. И. Георгий Трапезундский и Мехмед II Завоеватель // ВВ. Т. 64 (89). М., 2005. С. 152–155. Мнение К. И. Лобовиковой воспринято Т. В. Кущ: Кущ Т. В. На закате империи. С. 330.

рие похожей на проявление антисемитизма критики было направлено в сторону иудеев, и хотя позднее Георгий избегал крайностей в выражениях, он продолжал отстаивать превосходство христианства.⁶³ Следовательно, говорить о проявлении излишней толерантности со стороны Георгия по отношению к чуждым верованиям нельзя, а одним из таких верований было православие, пусть и не столь далекое от католичества, как ислам, но и не такое же истинное, как проповедуемое Римом. Если в отношении к исламу автор обращенных султану трактатов, хотя и выступал за мирный диалог с мусульманами, все же следовал византийской и западноевропейской негативной традиции,⁶⁴ то у него вряд ли находились достаточные основания не поступать таким же образом, отстаивая римскую позицию в отношении православия. Об этом говорят и проявленные им в трактате «О вечной славе самодержца и его мировом владычестве» возмущения по поводу позиции константинопольского патриарха в отстаивании права именоваться «вселенским», и осуждение там же восточных схизматиков. Критика же в адрес папы Павла II, в молодости еще под именем Пьетро Барбо проходившего обучение греческому и латыни в существовавшей в Венеции с 1427 г. частной школе Георгия Трапезундского,⁶⁵ кардинала Виссариона или католических священников вообще не затрагивала вероучения западной церкви.⁶⁶

Естественно, что Георгий, скончавшийся почти одновременно с заключением брака Ивана III и Софьи Палеолог, не мог поведать своему ученику о семейной жизни московской велиокняжеской четы. Таковые сведения тот мог обрести, как сказано, не ранее середины 1480-х годов. Теперь необходимо, как представляется, учитывать не только известие об изрядном числе детей Ивана III, но и путаницу его супруги с женой старшего сына, каковая не могла иметь места до весны-лета 1483 г., когда известие о женитьбе Ивана Молодого могли достигнуть Италии. Скорее всего, свои знания о Московской Руси Волатерран пополнял из случайных источников, каковыми могли быть рассказы приезжавших в Италию московских посланников или возвращавшихся из Москвы итальянцев, бывавших там по торговым и служебным делам, либо письма итальянских мастеров, служивших московскому государю.

Одним из рассказчиков об Иване III и его семействе в 1480-х годах мог стать Юрий Траханиот, как раз в 1486 г. посетивший ми-

⁶³ Лобовикова К. И. Христианство, иудаизм и ислам в трактате Георгия Трапезундского... С. 409–413.

⁶⁴ Лобовикова К. И. Проблемы турецкого завоевания и ислама... С. 25, 26.

⁶⁵ Куц Т. В. Византийские ученые в Италии. С. 120.

⁶⁶ Лобовикова К. И. Христианство, иудаизм и ислам... С. 402–406.

ланского герцога Джан Голеаццо Мария, с письмом которого к Асканио Сфорца он отправился в Рим к папскому престолу.⁶⁷ Не менее вероятно, что соответствующие сведения в Риме сообщили другие послы Ивана III, о которых русская летопись под 6996 г. упоминает как отправленных в Италию: «Того же лета послал князь велики Ралевых детей, Дмитрия да Мануила, в Рим и в Венецею и в Медиоланъ».⁶⁸ Известие является последним в летописной статье, описывающей события года, а ему предшествует сообщение о большом августовском пожаре в Москве, то есть летописец отнес отъезд Дмитрия и Мануила к августу 1488 г., тогда как посольство было отправлено годом ранее. Сохранилась верительная грамота Ивана III, адресованная миланскому герцогу и датированная 19 августа 1487 г.,⁶⁹ заставляющая относить отъезд Ралевых к осени этого года. Венеции достигли оба брата, но в Милане был только Мануил, добравшийся и до Рима.⁷⁰

Именно с возвращавшимся на Русь посольством Дмитрия и Мануила Ралевых в Москву прибыл Пьетро Антонио Солари,⁷¹ занявшийся

⁶⁷ Рутенбург В. И. Итальянские источники о связях России и Италии в XV в. // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964. С. 460–462. Миланские рассказы Ю. Траханиота о Руси были записаны как «Заметки, содержащие [рассказ] о делах и правителе России»: Гукоевский М. А. Сообщение о России московского посла в Милане (1486) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.; Л., 1963. С. 652–655. О возможности отождествления посла с Юрием Траханиотом см.: Кудрявцев О. Ф. Ремесло дипломата, или Умение послужить своему государю: Русь в описании московского посла в Милан 1486 г. // Русский сборник. Исследования по истории России. Вып. 18. М., 2015. С. 8–9. О Ю. Траханиоте см.: Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 273.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 27. М.; Л., 1962. С. 288. Об этом посольстве см.: Скргинская Е. Ч. Кто были Ралевы, послы Ивана III в Италию (К истории итало-русских связей в XV веке) // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972. С. 267–270.

⁶⁹ Barbieri G. Milano e Mosca nella politica del Rinascimento. Storia della relazioni diplomatiche tra la Russia e il Ducato di Milano nell' epoca sforzesca. Bari, 1957. Р. 48–49. Tav. 5. Об особенностях текста грамоты см.: Матасова Т. А. Итальянские политические реалии в русских источниках конца XV — начала XVI в. // Европейское Возрождение и русская культура XV — середины XVII в.: контакты и взаимное восприятие. М., 2013. С. 79–80. Т. А. Матасова, переводя «юлианскую» дату русского документа на григорианское исчисление, полагает, что грамота дана спустя восемь дней после присвоения 23 августа Джан-Галеаццо Сфорца титула графа Генуи. Однако до введения григорианского календаря оставалось еще почти столетие, почему следовало бы и дату провозглашения миланского герцога генуэзским гравом перевести аналогичным образом или не пересчитывать ничего. Так или иначе, получается, что верительная грамота Ивана III дана за четыре дня до пополнения титулатуры Джан-Галеаццо Сфорца.

⁷⁰ Хорошевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 190.

⁷¹ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 273.

возведением укреплений московского Кремля и составивший компанию ранее приехавшим Марку и Антону Фрязинам,⁷² а также с давних пор служившему Василию II и Ивану III мастеру монетного дела Джан Батиста Вольпе, известному русским нарративам под именем Ивана Фрязина.⁷³ Помимо архитектора, в Москву приехала целая ватага мастеровых, и не только итальянцев.

Один из Ралевых — Дмитрий — вместе с Митрофаном Федоровичем Карабаровым вторично был послан в Рим в 1499 г.⁷⁴ Возвращаясь, они привезли с собой очередного мастера-строителя — Алевиза Нового русских летописей,⁷⁵ на родине звавшегося Альвизе Ламберти, родом из г. Монтаньяно близ Виченцы, принимавшего участие в создании резных украшений фасада Скуолы ди Сан-Марко в Венеции и известного как мастер надгробий.⁷⁶

Полагать, что кто-нибудь из названных или множества других итальянских мастеров окончательно утратил связь с родиной, никаких оснований нет, а переслать письмо с оказией, вероятно, особой сложности не составляло. Например, возвращавшимися из Италии и находившимися в Дерпте в мае 1483 г. послами Ивана III были

⁷² Матасова Т. Софья Палеолог. С. 219. А. Л. Хорошкевич относила приезд Марка и Антона Фрязинов к результатам посольства Дмитрия и Мануила Ралевых, а Пьетро, по ее мнению, прибыл позднее, хотя в 1491 г. заканчивал сооружение Грановитой палаты, начатой в 1487 г. Марком, как тут же пишет исследовательница (Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений... С. 243; ПСРЛ. Т. 27. С. 288, 291). См.: Лазарев В. Н. Византийское и древнерусское искусство. Статьи и материалы. М., 1978. С. 284–286. Воспроизведение строительной плиты с надписью о возведении Пьетро кремлевской башни в 1491 г. см.: Италия и московский двор. М., 2004. С. 38. № 44.

Б. Н. Флоря установил, что Антон прибыл в Москву в 1485 г. вместе с возвращавшимся посольством Федора Курицына (Флоря Б. Н. Русские посольства в Италию и начало строительства московского Кремля // Государственные музеи московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 3. М., 1980. С. 14), а Марк — с посольством Траханиота (Там же. С. 15).

⁷³ Скряжинская Е. Ч. Русь, Италия и Византия в Средневековье. М., 2000. С. 186–188.

⁷⁴ ПСРЛ. Т. 28. М.; Л., 1963. С. 332. Сохранилась верительная грамота этого посольства от имени Ивана III папе Александру VI: Казакова Н. А. Грамота Ивана III папе Александру VI // АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 26–28. См. также: Матасова Т. А. Известия о России Мариино Санудо: новые наблюдения над текстом старого источника // ДРВМ. 2015. № 3. С. 83–84.

⁷⁵ Лазарев В. Н. Византийское и древнерусское искусство. С. 287.

⁷⁶ Швидковский Д. О. Развитие русской архитектуры в эпоху Ренессанса и венецианская политика конца XV века // Вестник истории, литературы, искусства. Т. 5. М., 2008. С. 171. Отождествление двух Алевизов — Нового и Ламберти — вызывало сомнение у В. Н. Лазарева (Лазарев В. Н. Византийское и древнерусское искусство. С. 290).

Мануил Доксас (Ангелов) и Иван Лисицын Фрязин, отправленные в Италию к папе в августе предыдущего года.⁷⁷ Б. Н. Флоря обратил внимание, что сочетание в именовании второго из послов слов «Лисицын Фрязинов» указывает на его национальность — итальянец — и на принадлежность к семье великокняжеского «денежника» Вольпе.⁷⁸ Однако кажется верным в после Иване Лисицыне видеть самого Джованни Вольпе, имя и фамилия которого, действительно, были скалькированы. Если так, то Вольпе ездил на родину с официальной миссией в первой половине 1480-х годов, общался с соотечественниками, вполне вероятно, рассказывая им о жизни в русской столице.

Если допустить, что пополнение сведений производилось Раффаэле в виде кратких заметок на полях рукописи, содержащей записанный рассказ его учителя, то станет понятным механизм смешения двух русских великих князей и возникновения путаницы с именами их жен, допущенной при окончательной доработке текста сочинения. Тем более, что сама эта доработка, видимо, не отличалась аккуратностью, поскольку не исключала неуместных выражений, вроде относящегося к Исидору указания на «наше время». Естественно, что такие известия, восполняющие знания Раффаэле о Руси, были случайными, а специального интереса к далекой окраине христианского мира, да еще и стране схизматиков, у тосканца, видимо, не было.

Рассмотренными текстами раздел сочинения Волатеррана, содержащий оригинальные сведения о Руси, и ограничивается. Приведя легендарное сказание о способе замещения высшей власти в Новгороде, читающееся, как заметил О. Ф. Кудрявцев,⁷⁹ в сочинении Пия II и Нюрнбергской хронике 1493 г., тосканец повторил за ними и невнятное известие об использовании на новгородском рынке неклейменых монет («Сюда за мехами приезжает множество [купцов]; монету используют без клейма»).⁸⁰ Из этого следует, видимо, заключить, что в основе «русского фрагмента» его труда лежали устные рассказы современника, в ком можно видеть Георгия Трапезундского, и известия, почерпнутые из случайных источников и из двух книг, авто-

⁷⁷ Чумиков А. Неизданные русские акты XV–XVI вв. Ревельского городского архива // ЧОИДР. 1897. Кн. 2. Смесь. С. 3–4. № 5; Гильдебранд Г. Отчеты о разысканиях, произведенных в рижском и ревельском архивах по части русской истории. СПб., 1877. С. 58. № 336.

⁷⁸ Флоря Б. Н. Русские посольства в Италию... С. 17. Примеч. 11.

⁷⁹ Кудрявцев О. Ф. Русские заметки Раффаэле Волатеррана. С. 313–314.

⁸⁰ Россия в первой половине XVI в. С. 209. Примеч. 15. О посвященном рутенам фрагменте в сочинении Пия II, написанном между 1450 и 1458 годами, см. также: Кудрявцев О. Ф. Калиф на час: политический быт Новгорода в изображении Пия II (Энея Сильвия Пикколомини) // ДРВМ. 2015. № 4. С. 55–57.

рами коих были папа Пий II и автор «Всемирной хроники» Х. Шедель, к которым нужно добавить «Географию» Страбона как источник сведений о роксоланах.⁸¹ Это обстоятельство обусловило тиражирование в его книге давно устаревших к моменту ее выхода в свет в 1506 г. сообщений, что и показано О. Ф. Кудрявцевым.⁸²

⁸¹ Хартман Шедель был учеником находившегося в Риме под покровительством Феодора Газы Димитрия Халкокондила, написавшего трактат «О происхождении турок» с использованием сочинения Страбона (*Рязанов П. А. Византийский ученый Феодор Газа... С. 214–215, 220–221*).

⁸² Кудрявцев О. Ф. Русские заметки Раффаэле Волатеррана. С. 314.

Л. В. Мошкова

ГРАМОТЫ XV — ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI в.
ИЗ Ф. 281 РГАДА: ПАЛЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ
(Статья вторая)

Предлагаемая статья является продолжением ранее опубликованной работы.¹ К сформулированным в ее предисловии правилам изложения материала необходимо сделать одно добавление. В пункте 4 вместо знака =, которым вводится дата, отличающаяся от содержащейся в документе или следующей из его содержания, может употребляться +. Это означает, что в признанный подлинным документ позднее были внесены «исправления» и добавления, датировка которых и присоединяется к основной с помощью указанного знака (см., например, № 858).

СОКРАЩЕНИЯ

Филигранологические справочники

- Брике — *Briquet Ch. M. Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier dès leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600.* Ed. 2. Leipzig, 1923. Т. 1–4.
- Лихачев — *Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков.* Ч. 1, 3. СПб., 1899.
- Тромонин — *Тромонин К. Изъяснение знаков, видимых в писчей бумаге.* М., 1844.
- Хивуд — *Monumenta chartae papiraceae historiam illustrantia. Vol. I. Heawood E. Watermarks, mainly of the 16-th and 17-th centuries.* Hilversum, 1950.

¹ См.: Мошкова Л. В. Грамоты XV — первой трети XVI в. из ф. 281 РГАДА: палеографические заметки (Статья первая) // Вестник «Альянс-Архео». СПб., 2016. Вып. 17. С. 40–89 (далее — Мошкова. Статья первая).

Слова

архим.	— архимандрит	кн.	— князь	посл.	— последняя
вел.	— великий	кнг.	— княгиня	сх.	— сходен
ВЗ	— водяной знак	м-рь	— монастырь	т.б.	— тип близкий
верх.	— верхний, -яя	нач.	— начало	трет.	— третья
втор.	— вторая	ниж.	— нижний, -яя	у.	— уезд
иг.	— игумен	ок.	— около	четв.	— четверть
кон.	— конец	перв.	— первый, -ая		

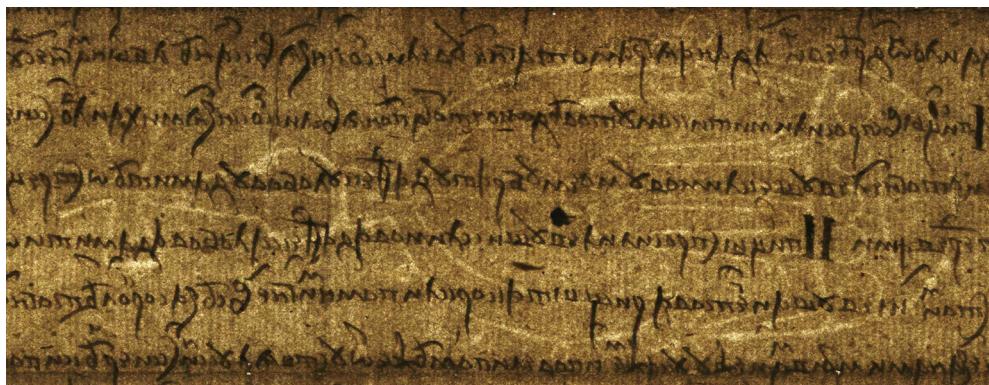
Литература

- АМСМ — Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты московского Симонова монастыря (1506–1613 гг.). Л., 1983.
- АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. 1–3. М., 1952–1964.
- Описание ГКЭ — Описание грамот Коллегии экономии. Т. 1. М., 2016.

* * *

№ 751–771, 775, 812, 858, 862, 864

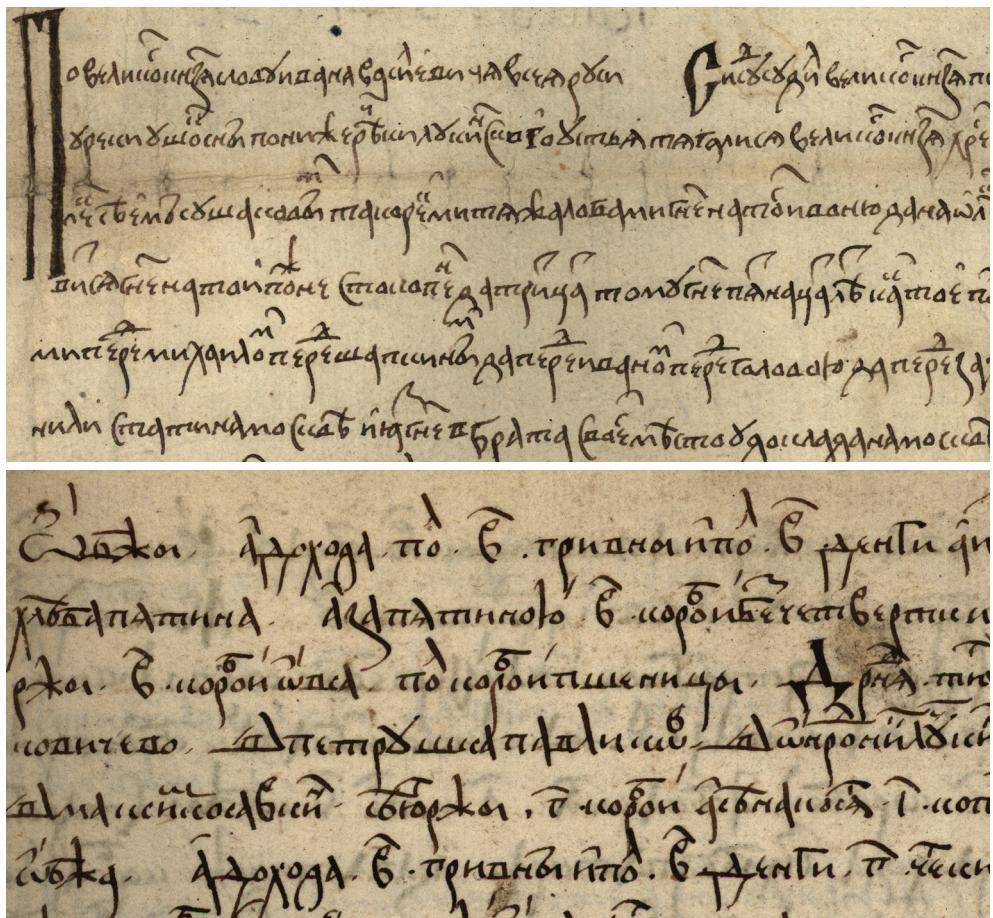
№ 751 (Белозерский у. 50). Правая грамота суда белозерского писца Василия Григорьевича Наумова, данная старцам Кирилло-Белозерского м-ря.

1505 г. апрель.

ВЗ: широкая тиара — т. б. Лихачев 1351 — 1507–1508 г.; верх тиары сх. ф. 281, № 752 — 1507 г. В публикации отождествлена с филигранью Лихачев 1387, которая «на 1 см короче».²

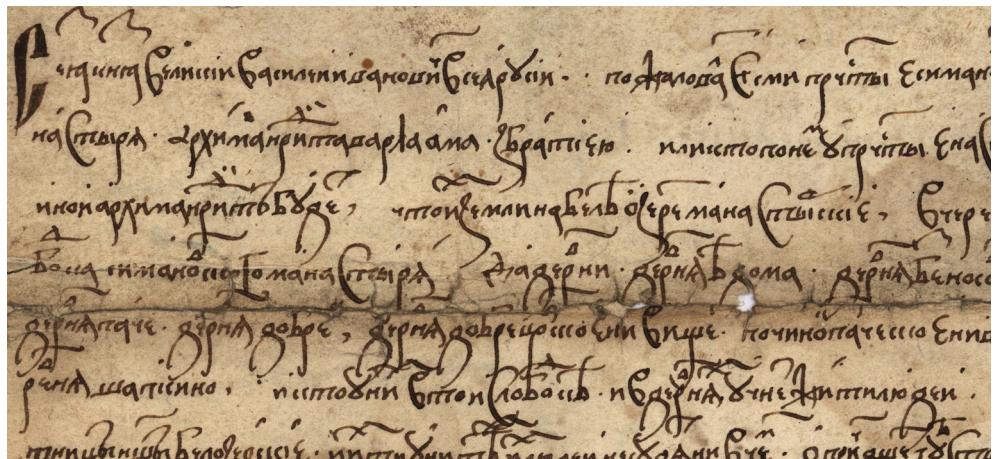
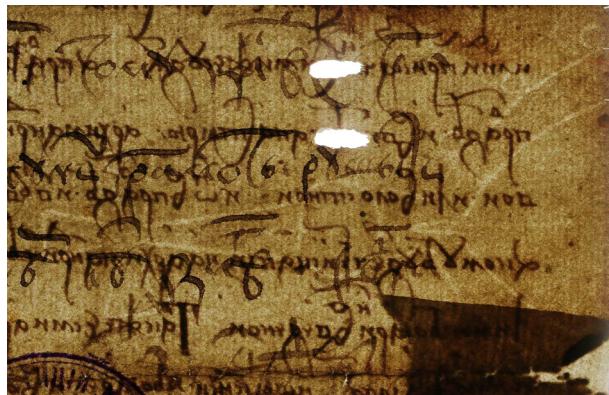
² АСЭИ. Т. 2. М., 1958. № 309.

Почерк канцелярский полуустав с элементами беглости. Из почерков Писцовой книги Деревской пятины³ наиболее близок 4-й основной почерк, которым написаны: 1 часть — л. 91–117 об., 136 (10 последних строк), 608, 608 об., 613–613 об., 615–615 об., 619–620 об., 624–686; 2 часть — л. 311–347 об., 373 (строки 15–19), 504 об.–553 об., 558–573 об., 575–638 об., 640–641 об., 643–667 об., 669 об.–709 об., 778–779 об., 786–786 об., 790–790 об., 792–792 об. Необходимо отметить, что почерк грамоты более торопливый, а разница в написании составляет 5 лет.

№ 752 (Белозерский у. 51). Жалованная несудимая и заповедная грамота вел. кн. Василия Ивановича архим. Симонова м-ря Варлааму.

³ РГАДА. Ф. 137. Боярские и городовые книги. Новгород, № 1. Ч. 1–2 (далее — ПКДП).

1507 г. апрель.

В3: широкая тиара (верх. часть) — наиболее близкий тип Лихачев 1387 — 1511 г.; верх тиары сх. ф. 281, № 751 — 1505 г. В издании отождествлен со знаком Лихачев 1351 — 1507 г.⁴

Почерк беглый полуустав.⁵ Возможно, грамота написана тем же почерком, что и № 600, но на девять лет раньше.⁶

№ 753 (Белозерский у. 52). Правая грамота суда Михаила Губы
Микулина сына Стогинина, выданная слуге Симонова м-ря Михаю
Никитину.

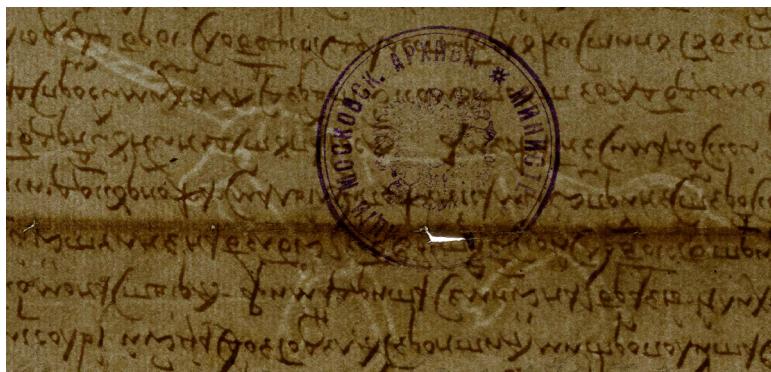
[1507 г. марта]⁷

⁴ C.M.: AMCM. № 7.

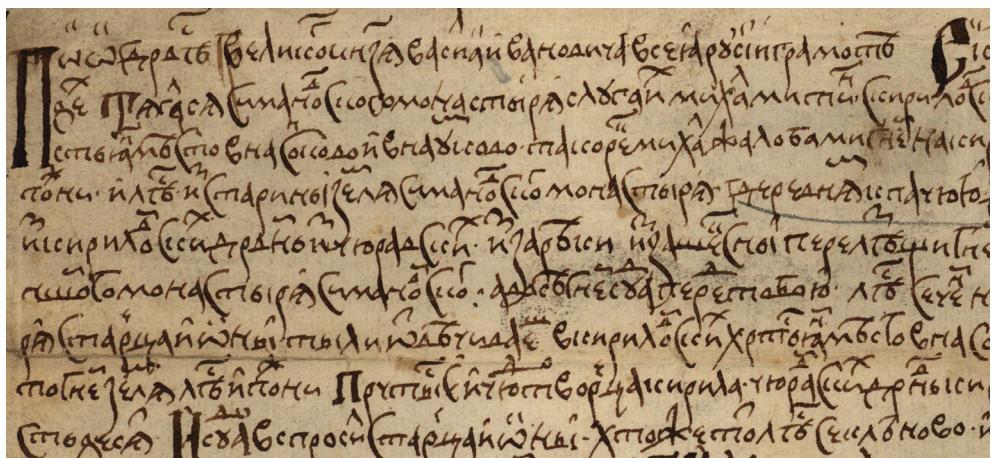
⁵ В публикации определен как скоропись (см.: Там же).

⁶ См.: Мошкова. Статья первая. С. 48.

⁷ В издании указана точная дата — 1507 г. марта (см.: АМСМ. № 3), что повторено и А. В. Антоновым (см.: Описание ГКЭ. № 753). Но дата извлечена не из эсхатокола документа («дана грамота...»), а из следующего текста: «Василий Иванович

В3: единорог — сх. Лихачев 1442 — 1514 г. В издании сюжет определен, но знак не отождествлен.⁸

Почерк беглый полуустав.⁹ Из почерков ПКДП наиболее близок 13-й основной почерк, который встречается на следующих листах: 1 часть — л. 687–730 об., 735–771 об.; 2 часть — л. 1–3 об., 4 об.–24 об., 574–574 об. Есть много сходных начерков, но грамота написана более бегло, с довольно большой разницей во времени (7 лет).

На «списке подпись великого князя дьяка Семена Племянникова».¹⁰

Голенин к списку и печать свою приложил лета 7000 пятагонадесять марта». Поскольку документ сохранился у проигравшей стороны (т. е. в архиве Кирилло-Белозерского монастыря), и к ней приложена печать великокняжеского судьи М. Стогинина, указанная дата приводится в квадратных скобках.

⁸ См.: АМСМ. № 3.

⁹ В публикации определен как скоропись (см.: Там же).

¹⁰ Там же.

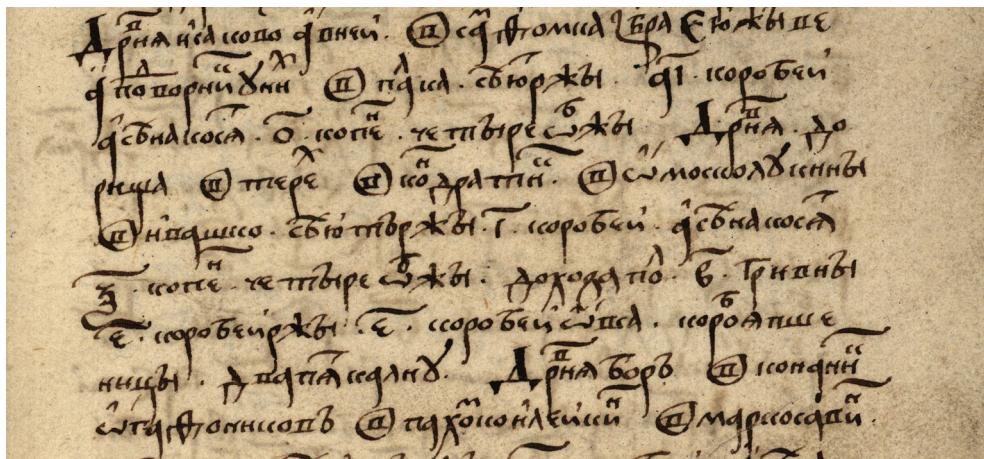
Лѣна, Евхорѣ @ ермѡнѣа ст҃ло @ ѿвасеніо пади, сюде
Федориа пѣдъ. сюде таиха @ ѿ ѿснѣа лѣа @ ѿвасеніо ѿвасеніо
иа @ ѿ пѣдъ. ѿ ѿснѣа лѣа @ ѿвасеніо ѿвасеніо, рѣтие, пѣдъ
рѣтие рѣтие @ ѿвасеніо ѿвасеніо. ѿ ѿснѣа лѣа @ ѿвасеніо ѿвасеніо
иа сюде сюде. ѿ ѿснѣа лѣа @ ѿвасеніо ѿвасеніо. ѿ ѿснѣа лѣа @ ѿвасеніо
иа сюде сюде. ѿ ѿснѣа лѣа @ ѿвасеніо ѿвасеніо. ѿ ѿснѣа лѣа @ ѿвасеніо
иа сюде сюде. ѿ ѿснѣа лѣа @ ѿвасеніо ѿвасеніо. ѿ ѿснѣа лѣа @ ѿвасеніо

№ 754 (Белозерский у. 53). Правая грамота суда белозерских писцов Ивана Микулича Заболоцкого и дьяка Андрея Харламова, выданная старцу Кирилло-Белозерского м-ря Ионе.

et p[ro]p[ter]a uocis p[re]cepta mandata fuisse. Et dicitur
Ioh. 14.12. Tunc p[ro]p[ter]a uocis p[re]cepta mandata
sunt uoces vestrae p[ro]p[ter]a uoces vestras. Unde dicitur
Ioh. 14.12. Tunc p[ro]p[ter]a uocis p[re]cepta mandata

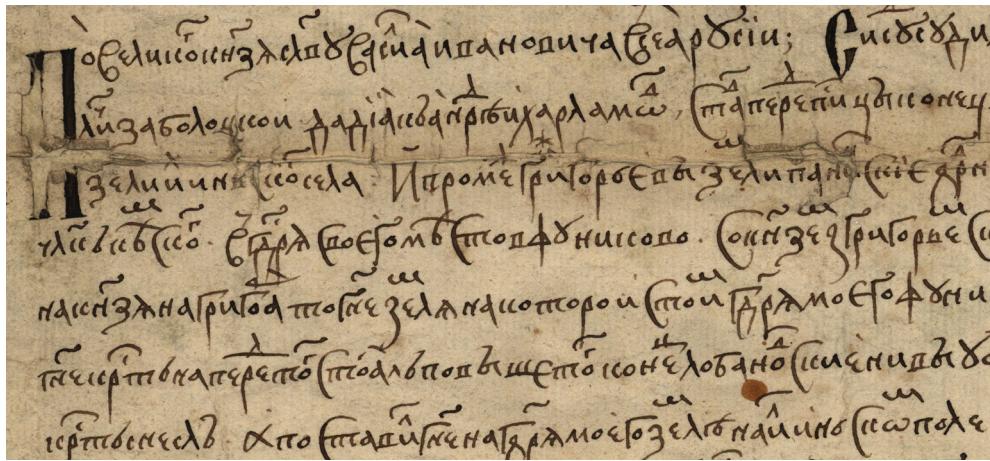
1511 г. апреля 10.

В3: чаша — сх. Лих 1417, 1418 — 1512 г.

Почерк беглый полуустав. Из почерков ПКДП отдельные характерные начерки есть во 2-м основном, которым переписаны: 1 часть — л. 33–46 об., 57–90, 612–612 об., 614–614 об., 616–618 об., 621–623 об.; 2 часть — л. 75–78, 432–474 об., 475 об. Однако разница в скорости письма и большой временной интервал между двумя документами не позволяет настаивать на отождествлении.

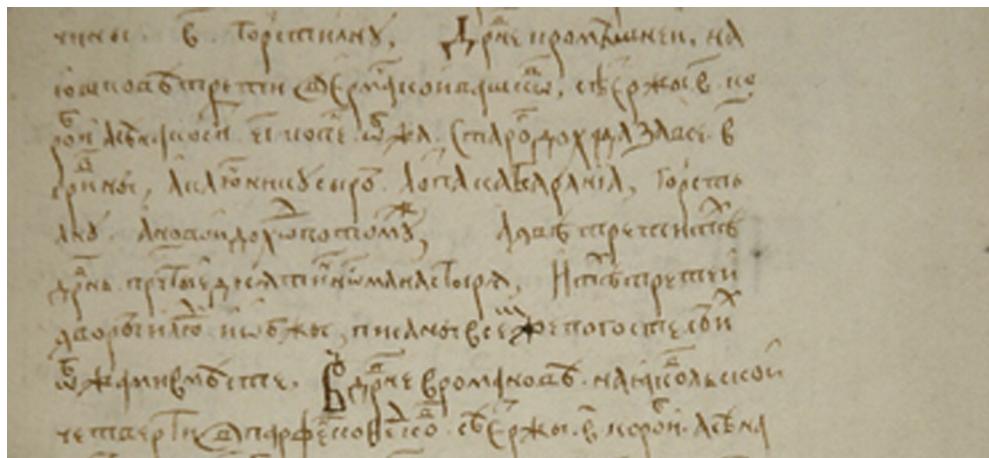
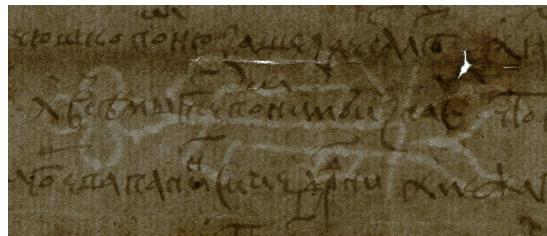
№ 755 (Белозерский у. 54). Правая грамота суда белозерских писцов Ивана Микулича Заболоцкого и дьяка Андрея Харламова, выданная кн. Григорию Александрову сыну Кемского.

1511 г. апреля 14.

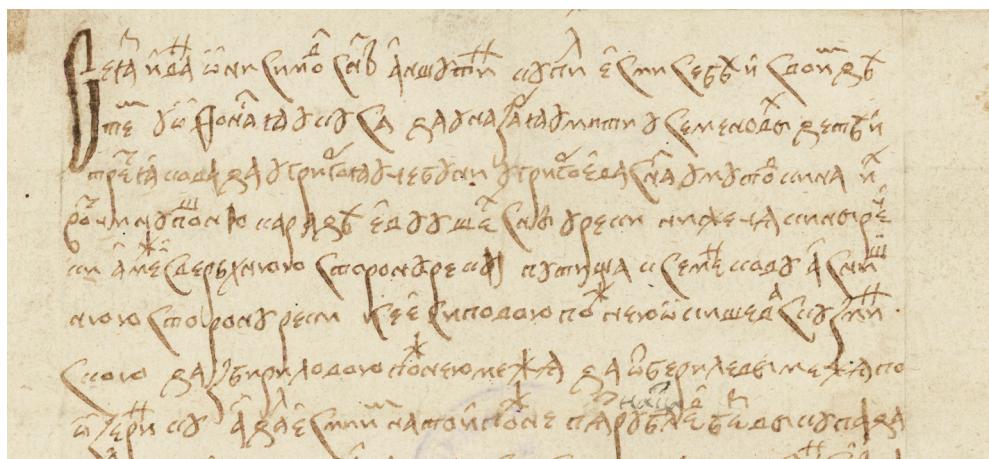
В3: буква «Р» с розеткой перечеркнутая — сх. Лихачев 1452 — 1514 г., т. б. 1450 — 1514 г.

Почерк беглый полуустав. Из почерков ПКДП начерки, характерные для этого почерка, есть в 18-м основном, которым во 2 части пе-

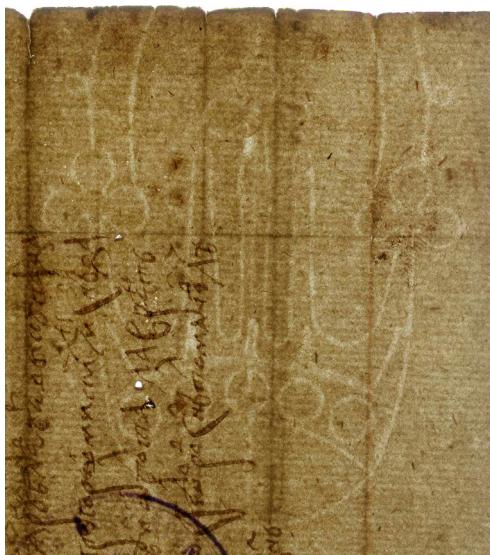

реписаны л. 639–639 об., 642–642 об. Однако данное отождествление не представляется надежным.¹¹

№ 756 (Белозерский у. 55). Купчая Ивана Анисимова сына Аншутина.

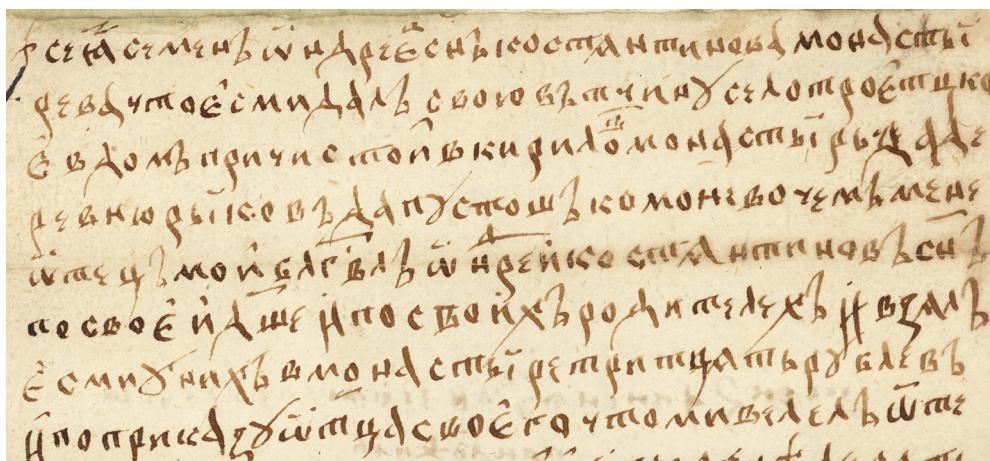
¹¹ Автор отдает себе отчет в том, что сильное желание отождествить почерки грамот и ПКДП может привести к отрицательному результату.

1512 г. мая 30.

В3: тиара широкая (ниж. часть) — т. б. Лихачев 1387 — 1511 г.
Почерк беглый канцелярский полуустав. Писал Степанко Федоров сын Толмачев.

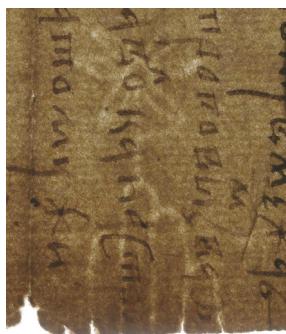
№ 757 (Белозерский у. 56). Запись Семена Андреева сына Константинова Монастырева о даче Кирилло-Белозерскому м-рю земель и выплате полученных за вклад денег своим сестрам.

1514/15 Г.

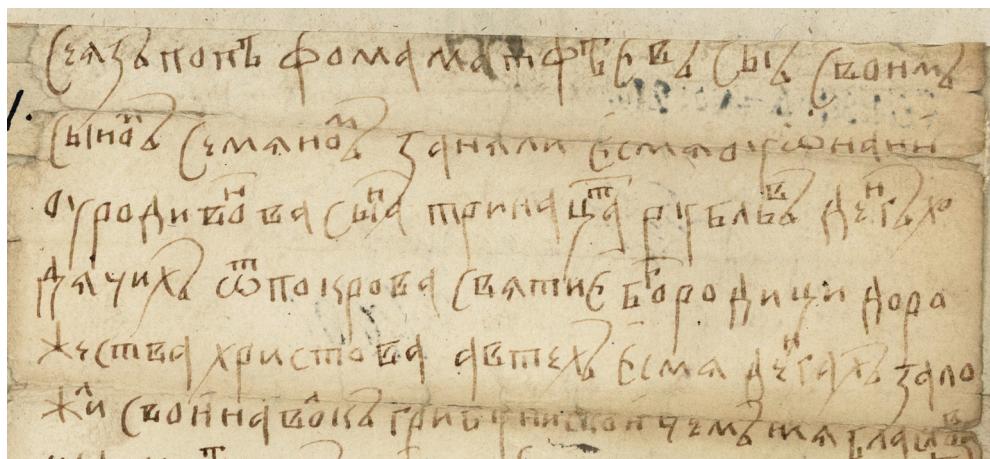
В3 нет. Ширина понтюзо (видны плохо) примерно 28 мм.
Почерк небрежный полуустав. Писал Гридя Алексеев сын Васильева

№ 758 (Белозерский у. 57). Закладная кабала попа Фомы Матвеева сына с сыном Семеном.

1518 г. [ок. 1 октября].

В3: рука с цветком (верх. часть) — т. б. Тромонин 319, 320 — 1521 г.; Брике 11154 — 1482 г., 1164 — 1493—1495 гг.

Почерк небрежный полуустав. Писал поп Фома своею рукою.

№ 759 (Белозерский у. 58). Данная Федора Андреева сына Константинова Монастырева «в дом Пречистой и чудотворцу Кириллу».

1518/19 г.

В3 нет. Ширина pontyoso 25-26 мм.

Почерк канцелярский полуустав с элементами беглости. Писал Петрушка Иванов сын Попов.

Среди актов по Белозерскому уезду в ф. 281 это, вероятно, самая ранняя подлинная грамота, где Кирилл назван чудотворцем.¹² Текст

¹² См.: Мошкова. Статья первая. С. 78.

Съятъ яко въ вѣтѣ постѣ пѣтии постѣ икона
предѣлъ. Унѣя и сиа дѣлъ и сиа братъ и сиа и сиа и сиа
и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа
и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа
и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа

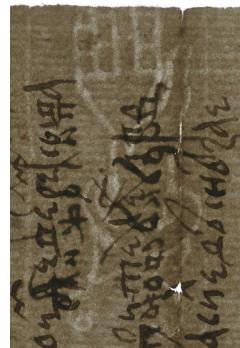
других актов свидетельствует, что примерно с этого времени такая формулировка становится стандартной (см. № 760–762).

№ 760 (Белозерский у. 59). Данная Зиновьи, жены Александрова Никифорова сына Горбова, иг. Кирилло-Белозерского м-ря Алексию.

1520/21 г.

В3: рука (ниж. часть) — наиболее близкие типы (с розеткой над пальцами) Лихачев 1327 (из иностранных документов) — 1485–1486 гг., 1358–1359 — 1508 г., 1444 — 1514 г.; Брике 11421 — 1483 г.

Почерк небрежный беглый канцелярский полуустав. Писал Пахом Есипов сын.

Съятъ яко въ вѣтѣ постѣ пѣтии постѣ икона
предѣлъ и сиа дѣлъ и сиа братъ и сиа и сиа и сиа
и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа
и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа
и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа
и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа и сиа

Земля была дана «Пречистой, в дом чудотворца Кирилла» (см. № 759, 761, 762).

№ 761 (Белозерский у. 60). Данная Ивана Григорьева сына Болдырева Матафтина иг. Кирилло-Белозерского м-ря Алексию.

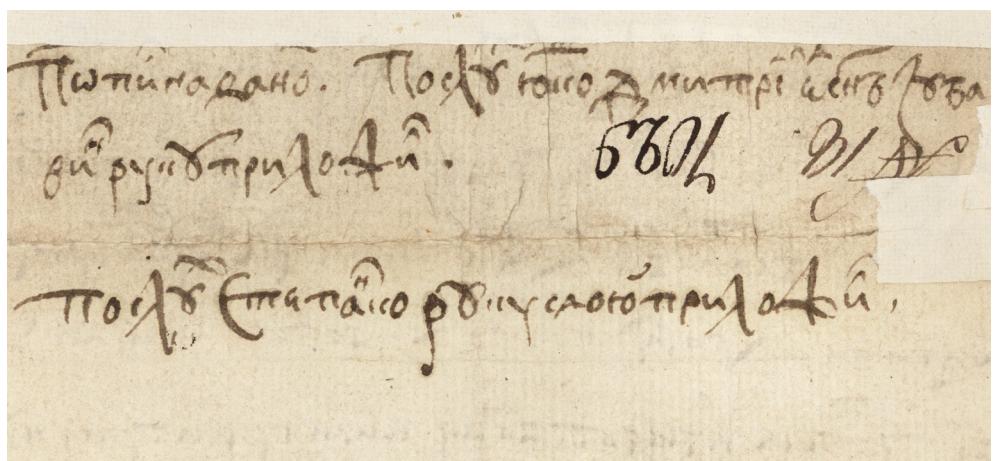

Память дана Святой Троице (в Белозере) мати
Матафтии да вами въ оного титла оставлены
помощи и помини и памяти да въ сего города (кто
быши христиане въсе и да послыши разните и пост
и въсю ми съюзъ твои Троице помади въ ма
тии помочи и помини въ сего города

1520/21 г. = Не ранее 1520/21 г.

В3 нет. Ширина понтюзо 28-30 мм.

Почерк небрежный полуустав с элементами беглости. Писал Федка Семенов сын Щекин (см. № 762). При сравнении обеих грамот становится ясно, что их писали разные люди. Более того, на обороте сказано: «Подпись на данои...», а далее одним почерком скопированы рукоприкладства двух послухов.

Память дано. Постъ твои въ чисти и чисти
въ руки приложи. 680/ 81/

Постъ Епапанко руки слоготриложи.

А. В. Антонов относит акт к подлинным и определяет его как «Память ... Матафтина о даче им ... вотчины своего отца»,¹³ вероятно,

¹³ Описание ГКЭ. № 761. В процессе работы с актами мной была высказана следующая мысль: если А. Л. Грязнову удастся доказать, что неподлинные грамоты Кирилло-Белозерского м-ря XV (в крайнем случае, нач. XVI) в. являются аутентичными копиями, это будет «нестяжательство в действии».

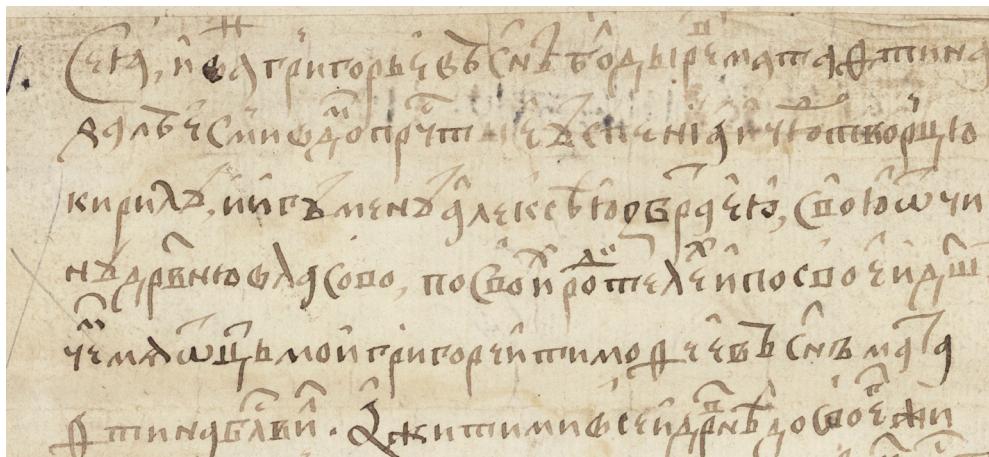
потому, что текст начинается словами: «Памя[ть] з даные. Се аз...». Логичнее считать № 761 монастырской копией (об этом говорит и почерк), а слово «память» — эквивалентом более позднего «список».

Земля была дана «в дом Пречистой Успения и чудотворцу Кириллу» (см. № 759–760, 762).

№ 762 (Белозерский у. 61). Данная Ивана Григорьева сына Болдырева Матафтина иг. Кирилло-Белозерского м-ря Алексию.

1520/21 г.

В3: рука с розеткой над пальцами (верх. часть) — наиболее близкие типы Брике 11423 — 1496–1501 гг.; Хивуд 2540 — 1510 г.; Лихачев 1341 — 1504 г., 1439 — 1513 г., 1534 — 1527 г.

Почерк небрежный полуустав. Писал Федка Семенов сын Щекин (см. № 761).

Земля была дана «в дом Пречистой Успения и чудотворцу Кириллу» (см. № 759–761).

№ 763 (Белозерский у. 62). Данная Никифора, Захария, Василия, Семена Ивановых детей Никифорова и их матери Арины Борисовой дочери иг. Кирилло-Белозерского м-ря Алексию.

1521/22 г.

В3: рука (ниж. часть) — наиболее близкие типы (с розеткой над пальцами) Тромонин 316, 318 — 1521 г.; Брике 11423 — 1496–1501 гг.

Почерк небрежный полуустав. Писал Тимофей Григорьев сын Алексеева (см. № 768).

Гагануи. борти да харидаде се
таде мисти и саде оваде спаси ми и бороди
а бороди оваде и оваде спаси ми и бороди
согоди оваде и оваде спаси ми и бороди
а оваде и оваде спаси ми и бороди
а оваде и оваде спаси ми и бороди
а оваде и оваде спаси ми и бороди

№ 764 (Белозерский у. 63). Выкупная запись Юрия, Ивана и Терентия Матвеевых детей Константина Монастырева на вотчину брата Федора, вложенную им в Кириллов м-рь при иг. Алексии, с обязательством не продавать, не обменивать и не залогировать ее «мимо Кирилова монастыря».¹⁴

1521/22 г.

В3: гербовый щит с лилией (ниж. часть) — сх. Лихачев 1530 (гербовый щит с лилией, над ним крест с гвоздями) — 1527 г.

Почерк беглый полуустав. Писал Анисим подьячий Иванов сын Афанасьева.

¹⁴ А. В. Антонов называет документ «Запись-обязательство ... о неотчуждении» (Описание ГКЭ, № 764), но не упоминает, что в тексте содержится только частичный запрет на подобные действия.

№ 765 (Белозерский у. 64). Купчая старцев Кирилло-Белозерского м-ря Ионы и Филофея на пустошь.¹⁵

1522/23 г.

ВЗ нет. Ширина понтюзо (видны плохо) 25 мм.

Почерк небрежный беглый полуустав. Писал Осташа попов сын Неклюдов.

№ 766 (Белозерский у. 65). Закладная кабала Максима Семенова сына Борзовского Григорию Семенову сыну Майкову в 4 рублях монастырских казенных денег.

Се́рвий Се́нека са́в то́го се́го го́да
Сми́ти Григо́рия в Се́неку са́в ви́димо
Сре́дь ты́сячи ро́дственнико́в си́мъ иль
Ходи́чиши са́в ви́димъ Альбиги́и ви́димъ
Се́рвий Григо́рий са́в ви́димъ

¹⁵ А. В. Антонов прочитал имя второго покупателя как «Ефилвеит» (Описание ГКЭ. № 765). Вероятно, эта ошибка возникла из-за того, что в конце слов Останияставил некий знак, похожий как на «е», так и на недописанный «ъ», а употребляемый им над «и» некий диакритический знак был принят за выносное «т». Полагаю, правильное чтение следующее: «да стареце Фи(л)феи».

1525 г. [ок. 2 февраля].¹⁶

ВЗ нет. Ширина понтюзо (видны плохо) 30 мм.¹⁷

Почерк небрежный полуустав. Писал Лева Салтыков сын Трушнев.

№ 767 (Белозерский у. 66). Купчая (продажная) Михаила Иванова сына Андреева Цыплятева.

1529/30 Г.

В3 нет. Ширина понтюзо 24-25 мм.

Почерк небрежный полуустав. Писал Михайло сам своею рукою.

№ 768 (Белозерский у. 67). Запись Никифора, Захарья, Василия и Семена Ивановых детей Горбова с обязательством не вступаться в пожни, данные Кирилло-Белозерскому м-рю их родственниками.

1530/31 г.

В3: у ниж. края фрагмент филиграи, возможно, отставленный в сторону большой палец руки — не отождествлен. Ширина понтюзо 23-26 мм.

Почерк небрежный полуустав. Писал Тимофей Григорьев сын Алексеева (см. № 763). Почерк двух грамот немного отличается, и во второй письмо более беглое.

¹⁶ Деньги были взяты на год (от Сретения до Сретения) под заклад пожни.

¹⁷ Подобные плохо различимые понтизо часто свидетельствуют о невысоком качестве бумаги.

1. Слово и Аторга. 293. Жарита Афонсий Адам
и Афонсий Адам и Афонсий Адам и Афонсий Адам
и Афонсий Адам и Афонсий Адам и Афонсий Адам
и Афонсий Адам и Афонсий Адам и Афонсий Адам

№ 769 (Белозерский у. 68). Указная грамота вел. кн. Василия Ивановича на Шексну посельскому Облязу Иванову о расследовании тяжбы.

1532 г. июня 29.

В3 нет. Ширина понтюзо 25 мм.

Почерк беглый полуустав.

№ 770 (Белозерский у. 69). Межевая полюбовная грамота приказчика Кириллова м-ря Григория Семенова сына Майкова и монастырских крестьян с оброчными крестьянами.

1532 г. сентября 5.

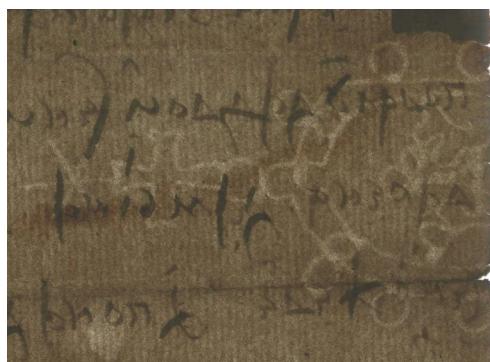

Сеятъ григоре семено въ съ манко съ прикачи къ кръсту мона
ра. да и птичонъ матъ фе ѿ съ шамато съ да и ста
рълопадано съ кътепинъ да и фе ѿ съ ферьбина ф
съ кирилопадема съ търтъ хрестъ съ на чтоднъ
сторънъ мѣсто свѣлико поинъ да хрестъ съ въ рочи
сокъ сеномъ сонъ тропи съ пътъ съмъ да споплемъ
съ шакомъ и вълодъ мъ съмъ да спотъ рънъ съ пан
съ пътъ съмъ мъ и мъ и мъ и мъ и мъ и мъ

В3: кувшин с буквами «GMS/N»¹⁸ (ниж. часть) — сх. Лихачев 1522 — 1527 г.

Почерк небрежный полуустав. Писал «Олексеец» Юрьев сын «Мякоступова».

№ 771 (Белозерский у. 70). Данная Федора Гневашева сына Стогинина иг. Кирилло-Белозерского м-ря Досифею.

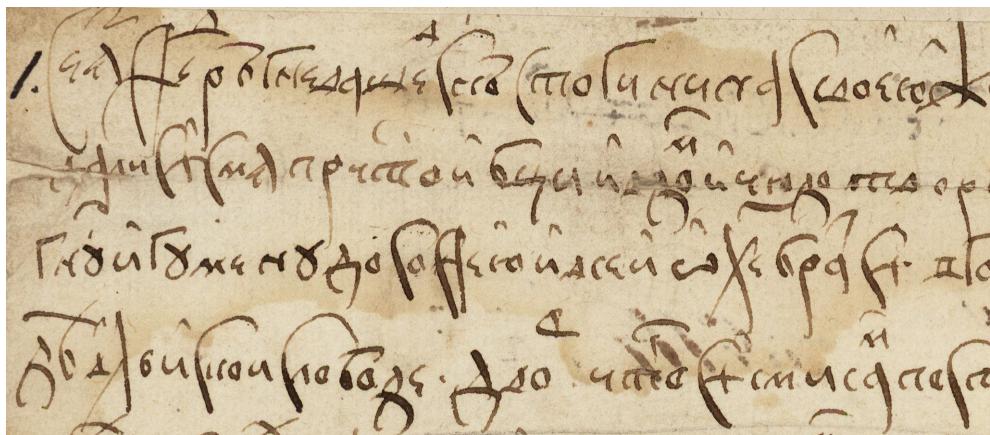

1533/34 г.

В3: узкая тиара (верх. часть) — сх. Лихачев 3014 — 1534 г.

Почерк небрежный беглый полуустав. Писал Федор своею рукою. Надо отметить, что он приложил к акту свою печать. Возможно, это сделано потому, что в тексте не упоминаются послухи.

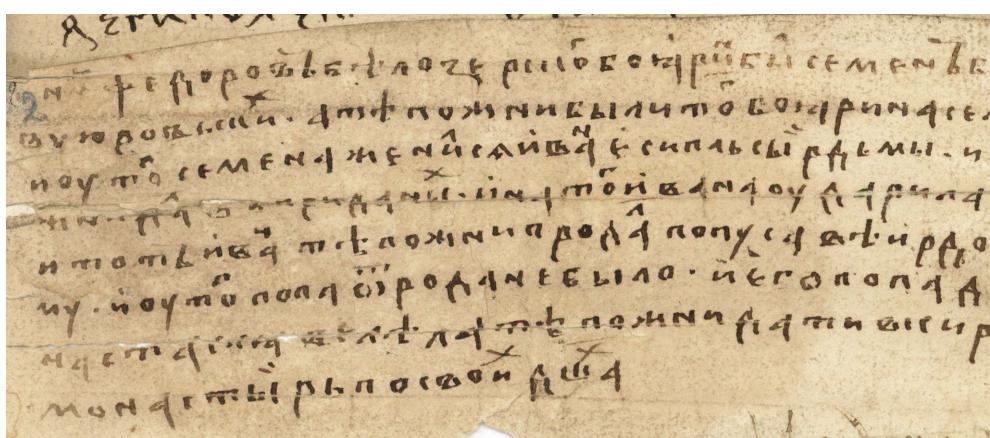
¹⁸ Н. П. Лихачев прочитали буквы на тулове как «MS/N», посчитав букву «G» частью (украшением) буквы «M». Знак извлечен им из Книги келейных правил, переписанной в Новгороде.

№ 775 (Белозерский у. 74). л. 2. Запись о былой владельческой принадлежности боярину белозерского кн. Федора Романовича Семену Бабе, его зятю Ивану Есиплю и попу Савве пожен Кирилло-Белозерского м-ря (приkleена к закладной 1539 г.).

[1428–1434 гг.]¹⁹

В3 нет. Ширина понтюзо не определяется из-за малого размера акта и под克莱ек.²⁰ Вержеры довольно частые.

Почерк мелкий небрежный полуустав.

¹⁹ В публикации запись издана по копийной книге и датирована по аналогии с данной Прокопия Иванова сына Лубнина, поскольку составители считали, что в записи говорится о прошлой истории пожен, вложенных Прокопием, и не упоминается его вклад (см.: АСЭИ. Т. 2. № 56). А. В. Антонов предлагает иную датировку — (1430–40-е гг.?), но не обосновывает ее (см.: Описание ГКЭ. № 775). Почерк, которым написана запись, вполне укладывается в обе предложенные датировки.

²⁰ Возможно, их ширина ок. 37 мм.

№ 812 (Белозерский у. 111).²¹

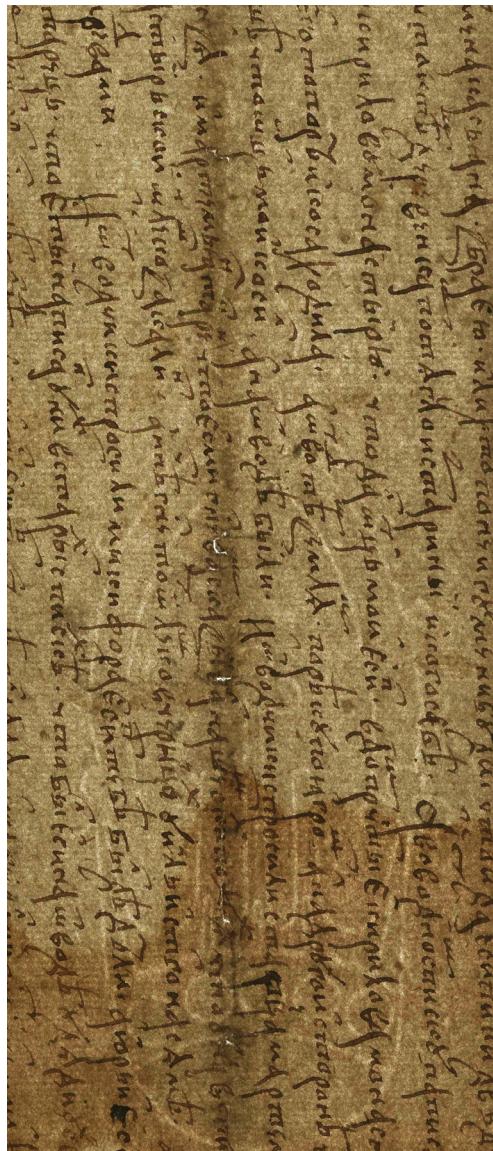
Разъезжая грамота, по слову вел. кн. Ивана Васильевича и с доклада кн. Д. А. [Пенкову], данная судьями Михаилом Дмитриевичем Шапкина и Иваном Головой Семеновым иг. Кирилло-Белозерского м-ря Макарию.

[Конец XV — начало XVI в.].²²

В3: тиара широкая — сх. Лихачев 1387 — 1511 г. Верх тиары сх. ф. 281, № 752 — 1507 г.; низ — сх. ф. 281, № 669 — 1505/06 г., т.б. ф. 281, № 756 — 1512 г.²³

Почерк канцелярский полуустав с элементами беглости. Полагаю, этим же почерком написана правая грамота, выданная старцу Мартемьяну (№ 719).²⁴ Подписал разъезжую дьяк «Микифор» Кобелев.

В публикации знак отождествлен с Лихачев 4078—4082 — посл. четв. XV в., но ссылка дана на «т. I. с. 479».²⁵ Сделано это потому, что в таблицах (Ч. 3) под этими номерами Н. П. Лихачев поместил снимки совершенно иных филиграней из рукописи, которую датировал посл. четв. XV в. Но в томе, содержащем исследование и описание (Ч. 1), привел сильно уменьшенные изображения и других знаков из этой книги

²¹ В описи под этим номером значится разъезжая 1560 г. («месяца и числа нет») Михаилу Шапкину (!) «о разбирательстве спора в деревне Павловской с прочими деревнями и пустошами». Как такая ошибка могла появиться — неясно.

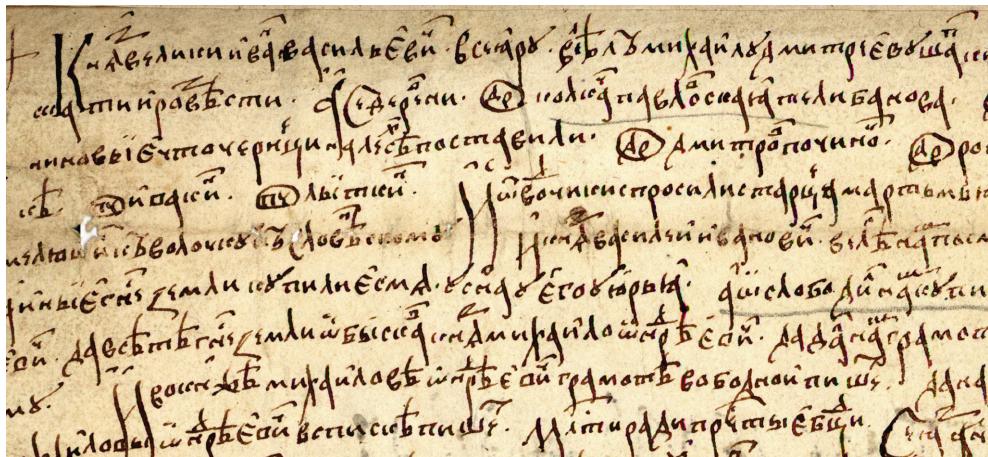
²² В публикации грамота датирована «[Ок. 1492 г.]» (АСЭИ. Т. 2. № 289); эта же датировка повторена А. В. Антоновым (см.: Описание ГКЭ. № 812).

²³ Работа с грамотами ГКЭ убедила меня в том, что широкая тиара знак преимущественно XVI в.

²⁴ См.: Мошкова. Статья первая. С. 63–64. № 719.

²⁵ АСЭИ. Т. 2. № 289.

(так, высота тиары — 2,5 см). Составителями также отмечено сходство со знаками Лихачев 2710, 2711 — 1480-е гг., 1387 — 1511 г. Первые указанные ими номера — широкая тиара, отличающаяся как по рисунку, так и по размеру.²⁶

В базе данных, включающей описания просмотренных актов из ф. 281, зафиксировано 26 документов с ВЗ «широкая тиара».²⁷ Пять грамот — неподлинные, время выдачи оригинала 1466–1495 гг.²⁸ Наиболее ранние подлинные акты на бумаге с этим знаком — две жалованые грамоты волоцкого кн. Федора Борисовича: иг. Успенского м-ря Иосифу (1498 г., апрель) и архим. Симонова м-ря Феогносту (1498/99 г.).²⁹

В справочнике Н. П. Лихачева интересующий нас знак определен как «Тиара большая, широкой формы».³⁰ Наиболее ранние филиграны, извлеченные из русских датированных рукописей, следующие: Лихачев 1287 — 1499 г. (Новгород); Лихачев 1353 — 1497–1499 гг. (место написания не указано). Помимо этого, автор упоминает (но не приводит) схожий знак из Октоиха Троице-Сергиевой лавры 1498 г. Все остальные «широкие тиары» из просмотренных Н. П. Лихачевым русских рукописей и одного акта относятся к нач. XVI в.³¹ Сходная картина использования этой итальянской бумаги складывается и на

²⁶ Ее можно считать близкой к «архаической».

²⁷ Филигрань «узкая тиара» встретилась только один раз, в № 771, поскольку этот знак более поздний.

²⁸ Ф. 281. № 3721, 8752, 8763, 14557, 14734.

²⁹ Ф. 281. № 10172, 14554.

³⁰ Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. 2. СПб., 1899. С. 374.

³¹ См.: Там же. С. 375–376.

основе анализа актового материала из ф. ГКЭ: 15 написанных на «широкой тиаре» грамот (71,4%) датируются 1504–1522 гг.³²

Легко заметить, что датировка выданных Михаилом Шапкиным и Иваном Семеновым грамот, отраженная в издании и принятая в научном сообществе (ок. 1492 г.), отличается от предложенной в настоящих Заметках (кон. XV — нач. XVI в.).³³ Подобное расхождение (достаточно стабильное для всех четырех документов³⁴) нуждается в объяснении (или его попытке). Желание подвергнуть сомнению дату, содержащуюся в «Отводной книге» (ф. 281, № 858), но основе которой определяется время выдачи актов, ни к чему не привело. На добавленном в «Отводную» в посл. трети XVI в. л. V указано: «лета 90-го», что явно восходит к дате на л. 1. Но поскольку составителю «титульного листа» и оглавления был совершенно непонятен формат даты: «лето 90 десятое»,³⁵ текст он «исправил». Однако для 1492 г. передача числа 7000 таким не совсем традиционным образом не являлась чем-то редким и исключительным: она встречается не только в актах,³⁶ но и в посольских книгах кон. XV — нач. XVI в. довольно часто после 6999 г. мы видим 6990 10 г.³⁷ Следовательно, подобное обозначение даты можно признать заимствованным из какого-то документа, действительно относящегося к указанному времени.³⁸

Почерк, которым написана дата на л. 1 «Отводной», крайне близок к почерку трех других заголовков, и хотя можно отметить иное написание буквы «е», материала для сравнения крайне мало.³⁹

Поэтому разницу в датировке рассматриваемого комплекса источников (несовпадение года, указанного в «Отводной книге», и времени написания грамот, определенного в ходе изучения филиграней) можно попытаться объяснить иначе. Единственное предположение, которое могу высказать, следующее. К 1492 г. (если мы принимаем эту дату и не сомневаемся в ней) относится только «слово» (т. е. решение)

³² Ф. 281. № 751, 752, 756, 812, 1138, 2405, 2473, 3337, 3340, 6699, 7943, 8768, 8769, 10238, 15168.

³³ См.: Мошкова. Статья первая. С. 63–65, 75. № 719, 720, 734.

³⁴ Грамоты анализировались последовательно, в порядке номеров, независимо друг от друга, что повышает надежность полученного результата.

³⁵ См.: АСЭИ. Т. 2. № 290.

³⁶ См., например: АСЭИ. Т. 1. М., 1952. № 563, 566–568.

³⁷ См., например: РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Кн. 1. Л. 70, 85; Ф. 123. Сношения России с Крымом. Кн. 1. Л. 125 об., 134 об., 152 об., 161 об.; Ф. 127. Сношения России с ногайскими татарами. Оп. 1. Кн. 1. Л. 23. Однако надо отметить, что вслед за 6990 10 г. в этих книгах идет 7001 г.

³⁸ Но тут возникает иной вопрос — что это за источник: ведь дошедшие до нас подлинные акты, выданные М. Шапкиным и И. Семеновым, дат лишены.

³⁹ То есть считать, что заголовок с датой сделан другим человеком позже, нельзя.

вел. кн. Ивана Васильевича провести работы по отводу земель в Белозерском уезде. Писцы Михаил Шапкин и Иван Семенов по непонятным причинам приступили к исполнению порученного им дела нескользкими годами позже и работали, возможно, не один сезон. В процессе отвода спорные вопросы они решали на месте. Составлялись ли ими какие-то документы по итогам разбирательства в это время, сказать трудно. Оформление и выдача официально удостоверенных грамот состоялись по завершении всей работы и возвращении белозерских писцов в Москву.⁴⁰

Кстати, только в № 812 грамота начинается словами: «Князь великий Иван Васильевич... велел». ⁴¹ В начальной части остальных трех грамот сказано следующее: «по государеве великого князя Ивана Васильевича... грамоте». ⁴² Не следует ли считать, что эти грамоты выдавались в последние годы жизни князя, когда он сильно болел и ездил по монастырям, подолгу не бывая в Москве?

№ 858 (Белозерский у. 157). «Отводная книга»⁴³ белозерских писцов Михаила Дмитриевича сына Глебова, Ивана Головы Семенова сына и Захара Микулина сына на владения Кирилло-Белозерского м-ря.

[Втор. четв. XVI в.]⁴⁴ + Втор. пол. XVI в.

Л. V–VI: ВЗ нет. Почерк полуустав. По графике и оформлению — не ранее посл. трети XVI в.

Л. 1–33: голова быка с крестом и змеей — т. б. Лихачев 4170 — 1526 г.⁴⁵ По рисунку головы знак крайне близок к филигранни данной «Антуфея» Нестерова сына Трошевского иг. Кирилло-Белозерского м-ря Феодосию 1528/29 г. (ф. 281, № 2576).⁴⁶

Беглый полуустав нескольких почерков. В заголовках декоративное письмо с элементами вязи.

⁴⁰ Если высказанное объяснение производит впечатление слишком сложного и маловероятного, можно предложить другой, более простой путь решения проблемы (см. № 858).

⁴¹ См.: АСЭИ. Т. 2. № 289.

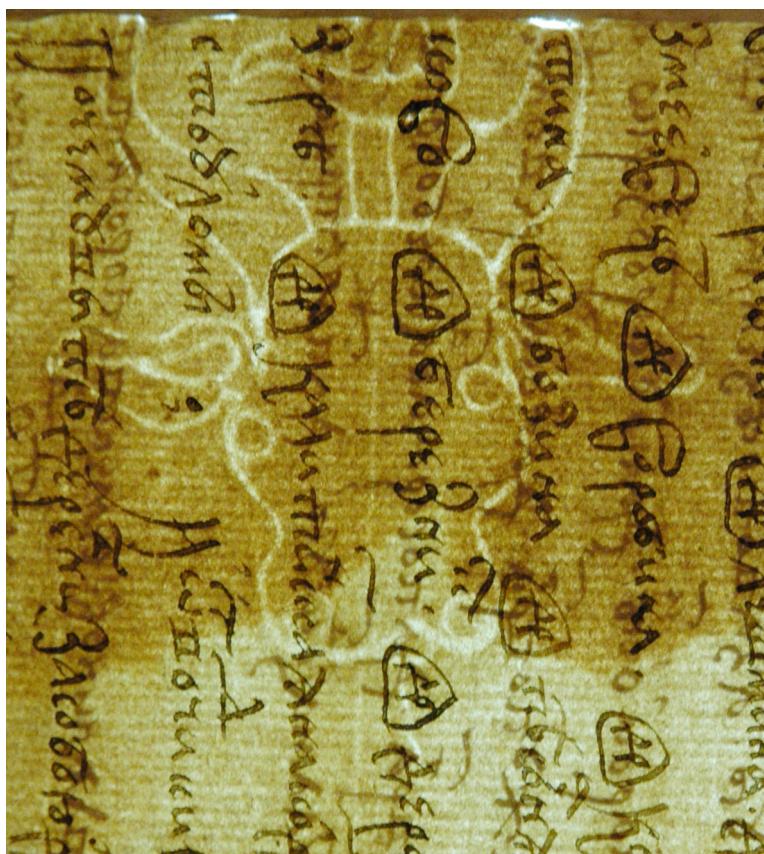
⁴² Там же. № 288, 286, 287.

⁴³ Беру это принятое в литературе название в кавычки, поскольку правильней (на мой взгляд) называть рукопись Книга записная отвода...

⁴⁴ В публикации датирована «[Ок. 1492 г.]» (АСЭИ. Т. 2. № 290). А. В. Антонов приводит две даты: в заголовке — 1491/92 г., а в конце описания относит рукопись к нач. XVI в. Более поздняя датировка скрепы не отмечена (см.: Описание ГКЭ. № 858).

⁴⁵ Это единственный документ, который пришлось снимать фотоаппаратом. Поэтому в процессе приведения размера снимков в соответствие с реальной шириной и высотой листа возможны небольшие искажения.

⁴⁶ Следовательно, бумага с этим знаком была в монастыре в конце 1520-х гг.

Составители АСЭИ считали книгу подлинником нач. XVI в., хотя филигрань отождествили со знаками Лихачев 3920 — 1524 г., 4170 — 1526 г. Также они отметили сомнительность скрепы Глебова, поскольку она «сильно процарапывает бумагу, как бы уже сильно охлопившуюся к моменту рукоприкладства».⁴⁷

А. Л. Грязнов придерживается следующего мнения: «Скорее всего, „Отводная книга“ была составлена на основе имевшихся в монастыре подлинных межевых и судных списков во второй половине 1500-х — начале 1510-х гг. В конце 1520-х гг., вероятно из-за повреждения оригинала ... была изготовлена копия... Скрепы М. Шапкина ... проставлены не ранее середины XVI в. с целью выдать книгу за подлинник».⁴⁸

⁴⁷ АСЭИ. Т. 2. № 290. С. 245.

⁴⁸ Грязнов А. Л. Отводная книга на владения Кирилло-Белозерского монастыря 1492 г. // XIX Всероссийская научная конференция «Писцовые книги и другие масовые источники XVI–XXI вв.», посвященная 100-летию со дня рождения Александра Ильича Копанева. Тезисы докладов. 1–4 июля 2015 г. СПб., б/г. Это «издание» (не имеющее ISBN), представляет сброшюрованные тезисы участников конференции (нумерация страниц также отсутствует).

AS. 5. A.C. 1066

Полностью соглашаясь со второй частью высказанного положения (о назначении скреп), позволю себе усомниться в правильности первой. Если принять тезис о существовании антиграфа «Отводной», то не совсем понятно, что могло с ним случиться за такой короткий промежуток времени? Вряд ли книга (даже при регулярном использовании) могла сильно обветшать за 20 лет. Не проще ли предположить, что дошедшая до нас рукопись и есть первая, составленная на основе документов?

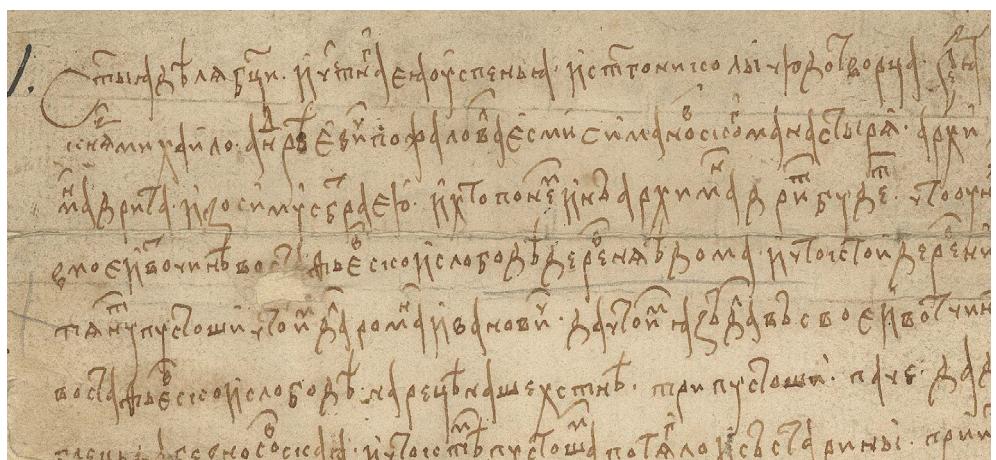
Помимо этого, учитывая сказанное выше (см. № 812), не следует ли пересмотреть дату проведения работ по отводу земель в Белозерском уезде, приблизив его ко времени выдачи документов?

№ 862 (Белозерский у. 161). Жалованная льготная и несудимая грамота верейского и белозерского кн. Михаила Андреевича архим. Симонова м-ря Зосиме.

1485 г. мая 26.⁴⁹

В3: буква «Р» (часть) — наиболее близкий тип Лихачев 1461 — 1449 г., 1196, 1198 — 1483 г. В издании знак отождествлен с Лихачев 1196 (буква «Р» перечеркнутая) — 1483 г.⁵⁰

Почерк канцелярский полуустав с элементами беглости. По почерку грамота наиболее близка к жалованной, выданной этим же князем в 1470-х гг. иг. Кирилло-Белозерского м-ря Кассиану (см. № 712).⁵¹ Эволюция, произошедшая с почерком на протяжении не менее 15 лет, представляется весьма вероятной:

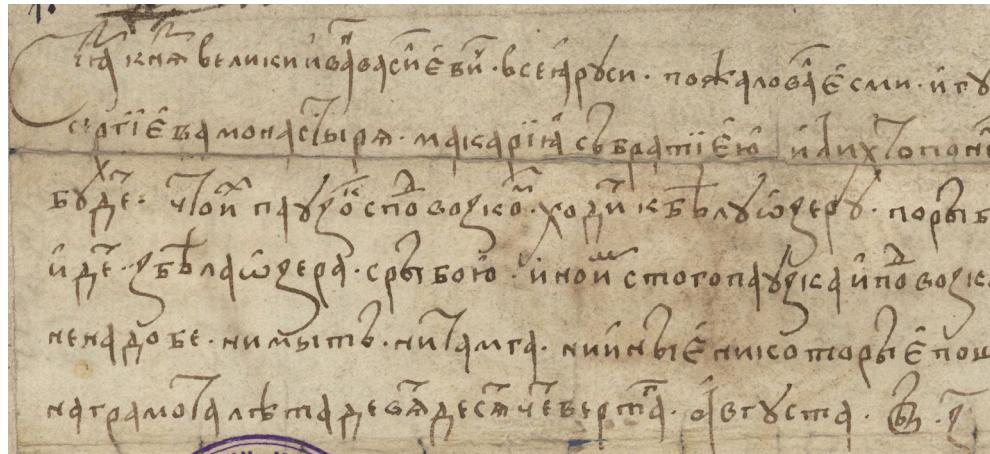
⁴⁹ В описи XIX в. ошибочно 1585 г.

⁵⁰ См.: АСЭИ. Т. 2. № 397.

⁵¹ См.: Мошкова. Статья первая. С. 58–59. № 712; С. 83–84

он приобрел беглость (т. е. писавший стал чувствовать себя уверенней). По типу письма этот почерк можно определить как более «старый», чем тот, которым написаны документы кон. 70 — нач. 80-х гг. XV в. (№ 728, 735).⁵²

№ 864 (Белозерский у. 163). Жалованная грамота вел. кн. Ивана Васильевича иг. Троице-Сергиева м-ря Макарию.

1486 г. августа 17.⁵³

ВЗ нет. Ширина понтизо не определяется.

Почерк полуустав с элементами беглости.

В публикации (в заголовке акта) день выдачи заимствован из копийной книги, а в тексте составители привели то, что прочитали в подлиннике: «августа въ 7».⁵⁴ В настоящее время недостающее «i» можно разглядеть только в ультрафиолете.

⁵² См.: Мошкова. Статья первая. С. 70–71. № 728; С. 76. № 735.

⁵³ См.: АСЭИ. Т. 1. № 530. В описи XIX в. ошибка: акт датирован 1586 г.

⁵⁴ Там же.

Я. Г. Солодкин

СИНОДИК «ЕРМАКОВЫМ КАЗАКАМ» В ЕСИПОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ: ЛИТЕРАТУРНАЯ СУДЬБА ТОБОЛЬСКОГО «ПОМЯННИКА»

Самый ранний, как обычно считается, из дошедших до нас памятников русской книжной культуры Сибири — синодик «ермаковым казакам» (далее — С)¹ — был включен Саввой Есиповым в заключительную главу летописи «Сибирское царство и княжение и о взятии, и о Тоболске граде» (1636 г.) и в ее составе часто подвергался более или менее значительной редакторской правке.

Е. К. Ромодановской выявлены многочисленные, преимущественно стилистические, различия между С, обнаруженным ею в рукописи Чина православия,² принадлежавшей тобольскому Успенскому Софий-

¹ Думается, есть основания признать таким памятником не С, а сохранившийся в одной из рукописей Г. Ф. Миллера перечень атаманов и казаков, павших в ходе экспедиции во владения Кучума, с двумя ремарками о местах гибели «православных воев». Этот перечень, где названо 35 имен, можно отождествить или сблизить с «написанием» (далее — Н) (по определению владычного дьяка Саввы Есипова) ветеранов «Сибирского взятия», переданным ими первому тобольскому архиепископу Киприану (ПСРЛ. Т. 36. М., 1987. С. 70, 78). Следом ссылки на данное издание произведений «группы Есиповской летописи» приводятся в тексте статьи с указанием страниц.

Кстати, мнение Е. К. Ромодановской и А. Т. Шашкова о тождестве Н и Погодинского летописца (далее — ПЛ) либо его протографа опровергается уже тем, что в первом, насколько можно судить, Ермак упоминается с прозвищем «Повольский», а если следовать ПЛ, среди казаков этот «старейшина» прослыл Токмаком (ПСРЛ. Т. 36. С. 78, 130, 380).

² Вопреки мнению Р. С. Васильевского и Д. Я. Резуна, насколько известно, до открытия этого С никто, даже предположительно, не считал его утерянным (*Васильевский Р., Резун Д. Воспитание историей. Новосибирск, 1987. С. 177*), текст «помянника» ранее был известен только по многочисленным разновидностям летописи Есипова.

скому собору (видная исследовательница ранней книжности Азиатской России сочла этот «помянник» оригиналом, относящимся ко времени «первопрестольства» Киприана Старорушанина на востоке Московского государства), и С из концовки Есиповской летописи Основной редакции (далее — ОЕЛ).³ В последнем из названных синодиков, в частности, опущено указание на бой казачьего «воинства» с «нечестивыми» под Абалаком 5 декабря⁴ — тогда же, когда царевич Маметкул истребил станицу есаула Богдана Брязги на расположенному поблизости озере.⁵ Редактор открытого Е. К. Ромодановской С, с кото-

³ Ромодановская Е. К. Избранные труды. Сибирь и литература. XVII век. Новосибирск, 2002. С. 58–61. См. также: Скрынников Р. Г. 1) Ранние сибирские летописи // ИСССР. 1979. № 4. С. 85; 2) Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986. С. 19, 20, 217, 219, 260, 262.

Кроме того, по наблюдению Л. С. Соболевой, в С «есиповской» редакции в отличие от «киприановского» исчезают упоминания о пролитии крови Ермаком «з другиною» (Соболева Л. С. «Государев атаман» Ермак Тимофеевич: векторы идеализации // Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв. Новосибирск, 2005. С. 303, 305; Литературный процесс на Урале в контексте историко-культурных взаимодействий: конец XIV–XVIII вв. Екатеринбург, 2006. С. 97). Учтем, однако, что ранее об этом писал сам софийский дьяк (ПСРЛ. Т. 36. С. 50, 58), прибегнув к стилистическому шаблону. См., например: Прохазка Е. А. О роли «общих мест» в определении жанра древнерусских исторических повестей // ТОДРЛ. Т. 42. Л., 1989. С. 234, 235. Ср.: С. 238–239.

Кстати, усматривать, подобно Л. С. Соболевой, «концептуальные расхождения в художественной идеализации Ермака» между двумя указанными редакциями С нет должных оснований.

⁴ Исключением служит С из ОЕЛ по Румянцевскому 2-му списку конца XVII в. (об этом списке см., например: [Покровский Н. Н., Ромодановская Е. К.] Предисловие // ПСРЛ. Т. 36. С. 10), где изредка встречаются оригинальные чтения (ПСРЛ. Т. 36. С. 67, примеч. 7; 67, примеч. 10–17; 70, примеч. 62; 71, примеч. 7, 8; 72, примеч. 9, 40, и др.). Вслед за указанием на «память малую», как в С, введенном в научный оборот без малого полвека тому назад Титовском виде (далее — ТВ) ОЕЛ, не скольких разновидностях Распространенной редакции Есиповской летописи (далее — РЕЛ), «Истории Сибирской» С. У. Ремезова (ПСРЛ. Т. 36. С. 90, 188, 257, 367; ПЛДР: XVII век. Кн. 2. М., 1989. С. 568), а не «среднюю», о которой упомянуто Есиповым, а также в Забелинской редакции (далее — ЗР) его «сложения», в этом С, подобно тому, который принимается за первоначальный, читаем: «Того же дни бой был с нечестивыми под Ябалаком. И на том деле убиенным православным вечная память средняя» (ПСРЛ. Т. 36. С. 71, примеч. 24; 117, 380). Стало быть, заключения, будто С из рукописи Чина православия тобольской Софии не получил никакого распространения, а повлиял на сибирские летописи «через» есиповское «Сказание» (Очерки русской литературы Сибири: В 2 т. Т. 1. Новосибирск, 1982. С. 50; Ромодановская Е. К. Избранные труды. Сибирь и литература... С. 25, 58; Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. (=История Сибири: Первосточники. Вып. 10) (далее — ЛП). Новосибирск, 2001. С. 356), нуждаются в ограничениях.

⁵ В ОЕЛ этот бой не датирован (ПСРЛ. Т. 36. С. 57, ср. 123, 132; ПЛДР: XVII век. Кн. 2. С. 559). Очевидно, ермаковцы отомстили «поганым» за павших у Абалака

рого, по ее словам, началась «вся история сибирского летописания»,⁶ существенно сократил рассказы о казачьей экспедиции по Иртышу и Оби, истреблении Карабей отряда Ивана Кольца, гибели Ермака и его сподвижников⁷ близ Вагайского устья, а также опустил формулировку «агаряне и безбожные татарове» в записи о «подчювашской брани» (63, 70–72, 380–381).

Чин православия совершался лишь в Софийском соборе «начального града» Сибири.⁸ Благодаря же Есипову, включившему (едва ли не без санкции нового тобольского «первосвятителя» Нектария) «помянник» «ермаковым казакам» (иной редакции) в заключительную главу летописи о Сибири и ее взятии «единомысленной и храброй дружиной», одно из ранних произведений русской литературы «далечайшей государевой вотчины» приобрело широкую популярность на востоке России и сделалось известным в Москве, Новгороде Великом, Поморье и Прикамье.

36-я глава ОЕЛ, где раскрывается предыстория составления С, называется весьма выразительно: «Имей же [помочь], исправляющу

соратников на следующий день — 6 декабря (*Соболева Л. С. «Государев атаман»... С. 304; Литературный процесс на Урале... С. 96*).

⁶ ЛП. С. 8. Ср.: *Ромодановская Е. К.* Литераторы Тобольского архиерейского дома в XVII веке // Сибирский текст в русской культуре. Томск, 2003. С. 13. Тот же С признается основой сибирской летописной традиции, «ядром сибирского летописания» (*Покровский Н. Н.* Археографическое изучение памятников древней письменности и печати в Сибири в 1965–1983 гг. // АЕ за 1984 год. М., 1986. С. 20; [*Покровский Н. Н., Ромодановская Е. К.*] Предисловие. С. 3, 30; ЛП. С. 355). Но в этом С выявлены вставки (*Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 3. Ч. 1. М., 1955. С. 24; *Скрынников Р. Г.* 1) Ранние сибирские летописи. С. 84; 2) Сибирская экспедиция Ермака. С. 18) из какого-то нарративного, скорее всего, летописного, источника. Примечательно, что в соответствующем фрагменте Сказания о явлении и чудесах Абалацкой иконы Богородицы этих вставок нет (ЛП. С. 87). К тому же источнику могут восходить и дополнения, внесенные в подлинную (на взгляд Е. К. Ромодановской и других исследователей) рукопись Чина православия (ПСРЛ. Т. 36. С. 380, примеч. с — с, х–х; 381, примеч. ь)

⁷ Ее редактор приурочил, как и автор ОЕЛ, к 5 августа, в «помяннике» же, который многие исследователи атрибутируют Киприану, говорится о выступлении «ратоборного» атамана в поход с «невеликою своею дружиною» после прибытия вестников от бухарских торговых людей 6 августа.

⁸ ЛП. С. 356. Ср.: С. 369. Утверждение, будто «православная церковь по предложению Киприана включила Ермака с товарищами в чин поминовения в церковных богослужениях» (*Преображенский А. А.* «Веков связующая нить...». Преемственность военно-патриотических традиций русского народа (XIII — начало XIX в.). М., 2002. С. 83), по меньшей мере, неточно. Следует отклонить и мнение о том, что при тобольском «первопрестольнике» было создано «житие» Ермака (*Селин А. А.* Что говорил архимандрит Киприан в Выборге в 1613 г. // Мининские чтения. Сборник научных трудов по истории Восточной Европы в XI–XVII вв. Нижний Новгород, 2011. С. 91).

летопис[и] сия» и «О исправе летопис[и] сия], имея такие приклады». Предпосланное этой главе замечание «ко исправлению приидох» и свидетельство Есипова «а се (С. — Я. С.) написах к своему изправлению» (43, 69, 72, ср. 80, 89, 90, 116)⁹ склоняет к мысли о том, что, вопреки заключению Е. К. Ромодановской,¹⁰ он не являлся редактором «помянника», в который «имяна ... написаны, где которые (атаманы и казаки. — Я. С.) убиены». Возможно, С, явившийся своеобразным приложением к ОЕЛ, содержался уже в «писании», «распространенном» самым известным дьяком тобольского Софийского дома (72).¹¹ Недаром в этом С мы, в отличие от более раннего и самого «Сказания» Есипова, не прочтем о бое при Абалаке, а обстоятельства гибели Ермака в каждом из только что названных сочинений излагаются во многом по-разному.

Бросается в глаза, что согласно С, «написанному» Есиповым «к своему изправлению», на перекопи близ устья Вагая «вси избиени быша»,¹² тогда как ранее дьяк трех кряду тобольских «первосяятителей» вслед за Кратким описанием о Сибирстей земле (74)¹³ утверждал, будто

⁹ Это свидетельство Е. И. Дергачева-Скоп принимает за указание на исправление ошибки, допущенной в раннем С, где приведены два явно противоречавшие друг другу сообщения о гибели нескольких ермаковцев «под Чювашию» и Абалаком (Дергачева-Скоп Е. И. Генеалогия сибирского летописания: Концепция, материалы. Новосибирск, 2000. С. 88). Но ведь такой ошибки нет в «помяннике», содержащемся как «оправдательный документ» (Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. С. 29) в концовке ОЕЛ, да и речь у Есипова идет об «исправлении» летописи.

¹⁰ ЛП. С. 369; Ромодановская Е. К. Избранные труды. Сибирь и литература... С. 361, и др. Мнение о написании С «при участии казаков дружины Ермака» ([Покровский Н. Н., Ромодановская Е. К.] Предисловие. С. 30; ЛП. С. 355, и др.) не вполне соответствует известию ОЕЛ о возникновении этого «помянника». Ведь Есипов указывает на передачу владыке Н, что позволило внести «убитых имена» в синодик «церкви Премудрости Божия».

¹¹ Поэтому, между прочим, оценка ОЕЛ как первого памятника официального сибирского летописания (Очерки русской литературы Сибири. Т. 1. С. 63; Книги старого Урала. Свердловск, 1989. С. 25. Ср.: Пузанов В. Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири: Конец XVI–XVII вв. СПб., 2010. С. 64, и др.), вряд ли оправданна.

¹² Эта версия повторена в С из Лихачевской редакции (далее — ЛР) сочинения Есипова и трех редакциях Сибирского летописного свода (далее — СЛС) — старшей (Книге записной), Головинской (далее — ГР) и Миллеровской, куда из Нового летописца попало упоминание об острове, на котором «Кучюм побил всех», а также в Бузуновском летописце (далее — БЛ) (ПСРЛ. Т. 36. С. 73, 78, 138, 189; Т. 14. М., 1965. С. 34; Сибирские летописи: Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Рязань, 2008. (далее — СЛ). С. 302).

¹³ См. также: СЛ. С. 310. На зависимость ОЕЛ от Краткого описания мы уже обращали внимание (Солодкин Я. Г. Становление сибирской летописной традиции (спорные источниковедческие проблемы). Нижневартовск, 2009. С. 72–74, 173).

Не стоит подобно Д. Я. Резуну (см.: Очерки истории белорусов в Сибири в 19–20 вв. Новосибирск, 2001. С. 6) утверждать, будто ОЕЛ составлена по рассказам ермаковцев, и только.

«един казак утече (с места гибели Ермака. — Я. С.) во град (Сибирь или Кашлык. — Я. С.)» (63, 72). Последнее из этих свидетельств воспроизведено многими тобольскими книжниками (95–96, 114, 125, 135, 138), а также анонимным строгановским «историографом»,¹⁴ оба же — в ГР СЛС (87, 90, 185, 188).

Создатель ТВ ОЕЛ дополнил название 37-й главы — не «Синодик казаком», а «Синодик атаману и казаком, которые побиты на боях от нечестивых агарян за православие». (Зато в оглавлении она представлена как «Синодик атаману Ермаку и казаком с его дружиною...», а не «Синодик казаком, Ермаку з братиею, сиречь з [д]ружиною») (43, 70, 80, 90). В преамбуле С в ТВ, как и в ЛР есиповской Повести о Сибири и о сибирском взятии, РЕЛ из ГР, Нарышкинской и Академической редакций (далее — НР и АР соответственно) СЛС, нет фразы «И всю надежду свою на господа твердо положили (Ермак «с товарыщи». — Я. С.)» (71, 90, 128, 188, 257, 314, 367).¹⁵ В «есиповском» С (а также в ЗР) говорится о «средней» памяти по ермаковцам, убитым в своих «станах» на Абалаке, и «большой» — во время «хождения» в Обь-Иртышье; в ТВ при этом идет речь о «меньшей» и «средней» памятях. Кроме того, правщик определил «нечестивое и безверное шертование» Караби Ермаку с «товарством» как «нечестивое, безбожное и неверное», а выражение «в их нечестивые улусы безстрастни (пришли. — Я. С.) под пером этого «списателя» приобрело следующий вид: «безстрашно нечестивые улусы» (71, 90, сп. 61, 117).

В С из ЛР летописи Есипова, в отличие от всех других его разновидностей, упоминается об идущих «на ватагу к рыбной ловле под Ябалак» и ночном нападении «кучумлян» у Вагая на «сонных» казаков с их «прехрабрым» атаманом. В тексте же ЛР при изложении этих эпизодов «зауральской эпопеи» сказано, что возле Абалака русские «вои» «поставиша стан ватагу на рыбную ловлю», и о перебитой «нечестивыми» сонной «дружине» (123, 125, 128).¹⁶ Как видно, оригинальные сообщения данного С можно приписать редактору есиповского «сложения» «о взятии Сибири и победе сицеве». Кроме того, в ЛР читаем не «разорити богомерская их нечестивая калища, но и еще быша вознаждение зверем», а «разорить их нечестивая калища и костелы, но и еще быша оселение зверем всяким». О костелах тоже ранее говорится (разумеется, явно ошибочно) в этой редакции

¹⁴ СЛ. С. 38, 102, 344, 434.

¹⁵ В ЗР это выражение повторено (ПСРЛ. Т. 36. С. 117).

¹⁶ О сонных казаках при изложении обстоятельств боя, в котором «славному» Ермаку суждено было погибнуть, упоминается и в Строгановской летописи (далее — СтЛ) (СЛ. С. 83. Ср.: С. 37).

известной более чем в трех десятках списков летописи «архиепископля» дьяка (120). В рассматриваемом С сказано не «победа», а «победа и одоление» (бывает). Это словосочетание, имеющееся и у Есипова (66),¹⁷ редактор употребил еще дважды (121, 126).¹⁸ Название последней главы ОЕЛ («Синодик казаком») он счел нужным дополнить: «Ермаку с товарищи», и заметил, что «православные вои» «показавше храбрость и силу и бодрость свою перед нечестивыми»¹⁹ (у Есипова о силе и бодрости не говорится). Налицо и стилистическая правка текста С:

ОЕЛ	ЛР
избра бог и послал не от славных муж поставиша гради со единомысленною и предобрею дружиною храбровавщею царю послужити в их нечестивыя улусы беспрестастни И насеявшиа множество их бияше (в ряде списков «жняше», «жну- ще», «жняху») ... яко ж классы нечестивому и безверному шертвованию прииде на воинов смерть убиенным Ермаку и еже изволи им бог живот скончати	избра бог не от славных мужей и послал их построиша грады с предоброю дружиною, храбрыми людми царю послужити правдою бестрастни в их, нечестивых, улусы И снидоша множество их пожиная ..., яко класы пожиная нечестивому шертвованию на них [в]незапная смерть ²⁰ И Ермаку тут изволил бог живот свой скончати

Кроме того, редактор опустил указания на «хождение» (в сообщении об экспедиции ермаковцев по Иртышу и Оби) и «среднюю» память относительно казаков, отправившихся рыбачить под Абалак (70–72, 128).

В ГР СЛС тоже нет известия о таком «хождении» и даты (5 августа), когда Ермак получил от бухарцев весть о том, что их Кучум не пропускает к «граду» Сибири, а вместо «средней» и «большой» памятей по атаманам и казакам, павшим на рыбалке у Абалака и в обь-иртышской экспедиции, сказано про «меньшую» и «среднюю». Эта экспе-

¹⁷ Оно употреблялось многими книжниками конца XVI — XVII вв. См., например: ААЭ. Т. 2. СПб., 1836. С. 6, 10; Книги разрядные, по официальных оных спискам. Т. 1. СПб., 1853. Стлб. 780; ПСРЛ. Т. 14. С. 8; ПЛДР: Середина XVI века. М., 1985. С. 300. Ср.: С. 364; ПЛДР: Конец XVI — начало XVII веков. М., 1987. С. 66; Виршевая поэзия (первая половина XVII века). М., 1989. С. 91. Ср.: АИ. Т. 2. СПб., 1841. С. 338; Т. 3. СПб., 1841. С. 454; СЛ. С. 29, 74.

¹⁸ Данную «устойчивую формулу» мы находим также в НР и АР СЛС (ПСРЛ. Т. 36. С. 243, 245, 307, 361, 362).

¹⁹ Аналогичное выражение есть и СтЛ: «показаша храбрость свою и жесточь предъ нечестивыми и безбожными агаряны» (СЛ. С. 24, 69).

²⁰ Ср.: СЛ. С. 38, 83.

диция, оказывается, состоялась «во второе ж лето по Ермакове убиении, по сибирском взятии» (хотя следом идет речь о «велеумном» атамане как предводителе этого похода). Процитированное выражение, как нетрудно заметить, относится (и в ОЕЛ, и в ЗР, ЛР, ГР) к «посылке» воеводы И. Мансурова в Сибирь (34, 40, 64, 87, 96, 114, 126, 186),²¹ так что в данном «помяннике» допущена ошибка, которая в последующих редакциях СЛС не встречается. Кроме того, в С из ГР этого свода пропущено указание на «поганых» (в известии об убийстве казаков у Абалака), а шертование посланцев Караби Ермаку с «товарством» названо не «безверным», а «бесерменским» (71, 188).

Куда более значительны изменения, внесенные в текст С создателем Основного вида (далее — ОВ) НР СЛС. Вместо свидетельства о том, что, продвигаясь по Иртышу и Оби, ермаковцы «Назимской городок остыцкой взяша и со князем их и со многими остыаки и поплениша», мы находим лишь сообщение о победе казачьей «дружины» «над остыаками»;²² «списатель» счел излишними и подробности гибели Ивана Кольца с Ермаком, оставив только известия о степенях поминовения этих атаманов и их соратников: «От нечестиваго татарина Караби убиенным атаману Ивану Колцу с товарыщи сороки человеком вечная паметь [большая]», «Атаману Ермаку с товарыщи ево, которые побиени с ним казаки по Вагаю реке на перекопи от нечестивых агариан, от Кучума царя вечная паметь, возглас большой». (Те же строки налицо и в Томском виде (далее — ТмВ) НР свода — «Истории о Сибирьстей земле и о царстве (царствии), и к нему принадлежащих странах...») (257, 314). Очевидно, редактор рассудил, что так как об указанных событиях весьма обстоятельно сказано прежде (247–250), то повторяться не стоит.

По наблюдению В. И. Сергеева, в С из ОВ НР сообщается о гибели Ермака на перекопи «по Вагаю реке», тогда как в «помяннике», уцелевшем в тобольской рукописи Чина православия, — на Иртыше близ Вагайского устья.²³

²¹ См. также: СЛ. С. 39, 85, 303, 348, 439.

²² Кстати, в старшем (относящемся к середине XVII в.) Сычевском списке ОЕЛ Назимский городок, как и в пяти вторичных разновидностях этой летописи, не назван остыцким в отличие от десятка других рукописей есиповской «сибирской истории» и С, в том числе по упомянутому списку (ПСРЛ. Т. 36. С. 34, 39, 60, примеч. 90; 71, 94, 112, 124, 134, 380; см. также: 86, 90, 117, 128, 184, 247, 309, 362–363, спр. 233, 257, 302, 314, 367). Видимо, переписчик пропустил данное определение.

²³ Сергеев В. И. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков // Актуальные проблемы истории СССР. М., 1976. С. 44, 45. Заметим, что в раннем из этих «помянников» об Иртыше не говорится (ПСРЛ. Т. 36. С. 381, спр.: С. 189, 249, 250, 310, 311, 364).

Кроме того, в ОВ НР говорится не «единомысленною» (дружиной), а «единомыслен[ники]»,²⁴ а «нечестивые» вдобавок значатся «агаря-нами» (256–257, ср. 188). В том же виде «Истории...» по Б фраза «честь света сего и всякую славу житейскую и сладость телесную, но преложиша смерть на живот» заменило близкое к «есиповскому» чтение «честь и всю славу и плодцкую сладость, и смерть в живот предложиша». В Б сравнительно с другими списками ОВ НР сказано «безерменство и неверие царя Кучюма победити»,²⁵ а не «победиша

А. В. Матвеев почему-то находил, что в том синодике, который известный археолог вслед за Е. К. Ромодановской, В. И. Сергеевым, Н. Н. Покровским, Р. Г. Скрынниковым, Д. Я. Резуном признавал оригиналом, о перекопи сказано «без сколько-нибудь точных географических привязок» (Матвеев А. В. В поисках места гибели атамана Ермака // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск, 2011. С. 132).

²⁴ В ОВ НР эта дружина оценивается как «предобласть». В том же виде свода по Библиотечному З-му списку (далее — Б) из сборника начала XVIII столетия, который тогда принадлежал томскому казачьему голове Б. И. Серединину ([Покровский Н. Н., Ромодановская Е. К.] Предисловие. С. 25), «Ермакова дружина» названа «прелюбовной», и данное чтение (аналогичное ему — «превозлюбленная» — есть в двух списках ОЕЛ) повторено в ТмВ (ПСРЛ. Т. 36. С. 70, примеч. 41; 257, примеч. 86; 314).

В Б, кстати, умалчивается про перекопь как место гибели Ермака и многих его соратников.

²⁵ Сходное выражение — «победити царя Кучюма и безерменство его» — налицо в ПЛ (ПСРЛ. Т. 36. С. 130), создатель которого, редактируя повествование Есипова «О Сибирьстей стране», С и рассказ о смерти Кучума признал ненужными читателям.

На взгляд Е. И. Дергачевой-Скоп, «отпечаток» С силен во всех летописных сочинениях XVII в., отразивших перипетии завоевания казачьей «дружиной» «Кучумова юрта», кроме разве что повести «О стране Сибирской и о сибирском от Ермака взятии» («Сказании о Сибирском царстве и о взятии»), то есть Румянцевского летописца (далее — РЛ) (Дергачева-Скоп Е. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965. С. 131). Но кроме создателя этой вторичной разновидности ОЕЛ (в оценке Е. К. Ромодановской, И. Ю. Серовой, А. Т. Шашкова, В. Г. Вовиной-Лебедевой) и ПЛ, сочли возможным обойтись без «помянника» и те тобольские книжники, из-под пера которых вышли Абрамовский вид «Повести» Есипова и БЛ, а С. У. Ремезов заменил С из РЕЛ той его редакцией, которую нашел в ризнице Успенского Софийского собора; С нет и в двух списках «сложения» Есипова (ПСРЛ. Т. 36. С. 70, примеч. 100; Ромодановская Е. К. Сибирь и литература... С. 267). Отметим также, что создатель Книги записной, подсчитав, что Киприан приехал «в Тобольской город на первопрестольство свое ... по сибирском же Ермакове взятии в четыредесятное лето», умолчал о составлении С, о чем вслед за ОЕЛ сказано в «Описании о поставлении городов и острогов в Сибири ...» из остальных редакций СЛС, кроме Миллеровской и Академической (ПСРЛ. Т. 36. С. 98, 146, 195, 262, 318, 347, 370). Е. И. Дергачева-Скоп пришла и к выводу о зависимости С от какого-то варианта РЛ или его протографа (Дергачева-Скоп Е. И. Генеалогия сибирского летописания... С. 31, 33). Этот вывод, однако, не подкреплен какими-либо текстологическими наблюдениями.

[бесерменского] царя Кучюма», «место поганое ко святыни», а не «место святыни», начало С дополнено указаниями на «тмочисленныя всюду» церкви и искоренение тогда всех капищ (256, примеч. 70–83; 257, примеч. 90–95; см. также: примеч. 97–98, 100; 3, 4–7, 9–11, 13, 18–21, 24, 43–44). Не менее значительную правку интересующего нас текста отражает Уваровский 2-й список (далее — Ув) ОВ НР:²⁶

ОВ НР по большинству списков	ОВ НР по Ув
храбровавшим Ермаку с товарыщи	мужественно храбровствовавшим атаману Ермаку и дружине его, прочим атаманом и казаком
по великой реки Оби над остыками	по великой реки Оби и по прочим рекам и улусам и городкам их татарским и над прочими языки
атаману Ермаку с товарыщи ево	Пострадавшему за православие и распространившему благочестие истинныя святыя христианския веры и благочестивому царю, послужившему во благочестии и крови своя излиявшим в Сибирстем царствии атаману Ермаку Тимофееву сыну с его предоблею дружиною

(257, примеч. 28–29, 31–32, 39–40; см. также: 256, примеч. 65, 69, 72, 74–75, 79, 80, 85; 257, примеч. 88, 92, 96, 98, 99; 14, 17, 21, 37, 42).²⁷

Первое и третье из приведенных чтений Ув, отсутствующих в остальных списках, восходят к главе «О пришествии христиано-росийских людей атамана Ермака Тимофеева сына Повольского с товарыщи ... в царстве Сибирское» (238, ср. 50–51, 180–181). О «повоевании» «русским полком» татарских городков и улусов наряду с остыцкими (в других «помянниках», да и сибирских летописях, говорится лишь об остыцких)²⁸ упоминается в С, открытом Е. К. Ромодановской. Но маловероятно, чтобы создатель одной из многочисленных разновидностей НР обращался к «помяннику» из рукописи Чина православия. Думается, указание на татарские городки и улусы по Иртышу и Оби принадлежит самому этому книжнику, который часто вместо «нече-

²⁶ Об этом списке последней четверти XVII в. см., напр.: [Покровский Н. Н., Ромодановская Е. К.] Предисловие. С. 26.

²⁷ В оглавлении ОВ НР по Ув читаем не «Синодик казаком», как в других рукописях, да и затем в самом этом списке, а синодик «атаману Ермаку с товарыщи, побиенным в Сибири от нечестивых агарянских татар» (ПСРЛ. Т. 36. С. 233, примеч. 59–60; 256, примеч. 62–63).

²⁸ В СтЛ Основной и Распространенной редакций сказано о том, что Ермак «з дружиною своею ... в крепости меча своего многия городки и улусы татарския по реке Иртышу и по великой Обе и Казым град остыцкой взяша со князем их» (СЛ. С. 28–29, 74).

стивых», «поганых», «бесермен», «агарян», названных в ОВ НР, писал о татарах или сибирских татарах (241, примеч. 49–50, 82–84; 242, примеч. 83–84; 251, примеч. 15; 254, примеч. 90–91; 255, примеч. 32; 257, примеч. 59–60, 96; ср.: 232, примеч. 75–75; 233, примеч. 51; 243, примеч. 48; 244, примеч. 14; 245, примеч. 34; 249, примеч. 83).

При сопоставлении ТмВ той же редакции СЛС с ее ОВ обнаруживаются лишь стилистические изменения:

ОВ НР	ТмВ (по большинству списков)
богомерская и нечестивая их кипища ²⁹ со единомышленниками и с добрею дружиною храбровавшею	их нечестивыя бисерманские кипища со единомыслию и с прелюбовною своею дружиною
[Бог] может бо и беспомощным помощи на противляющихся агарян ³⁰	Бог может помохи на сопротивляющихся ³²
И насенася множество их («агарян». — Я. С.). ³¹	И снidoшася множество их

Наконец, в ОВ НР упоминается о «большой» памяти по Ивану Кольцу с его казаками и такой же степени церковного поминовения, сопровождаемого «возгласом большим», по Ермаку, тогда как в ТмВ подобно Б и В речь идет лишь о вечной памяти (256, 257, 314).

РЕЛ стала одним из нарративных источников «Истории» С. У. Ремезова, но он заменил С, отчасти резюмирующий содержание летописи Есипова, хранившимся в тобольском Софийском соборе «помянником» (вскоре привлекшим внимание Г. Ф. Миллера), который явно расходится с обнаруженным в конце 1960-х гг.³³

²⁹ В АР СЛС подобно остальным разновидностям ОЕЛ и РЕЛ, а также С, который, как обычно считается, сохранился в подлиннике, сказано про кипища (ПСРЛ. Т. 36. С. 50, 70, 82, 90, 117, 120, 128, 178, 180, 188, и др.; ср.: ЛП. С. 87).

³⁰ Эта и предыдущая фразы повторены в АР СЛС (ПСРЛ. Т. 36. С. 367).

³¹ В ОЕЛ, ГР и АР СЛС говорится «насенася», «насенася», «насенася», в ОВ по Б и В — соответственно «снidoшася и собрашася», «снidoшася» (ПСРЛ. Т. 36. С. 71, 188, 257, примеч. 13; 367).

³² Такое чтение имеется в ОВ НР по Викторовскому списку (далее — В) конца XVII в. (ПСРЛ. Т. 36. С. 257, примеч. 5–8).

³³ См.: Солодкин Я. Г. 1) Становление сибирской летописной традиции... С. 29, 95. Примеч. 31; 2) «Ермаково взятие» Сибири: Дискуссионные проблемы истории и источниковедения. Нижневартовск, 2015. С. 212. В ризнице Тобольского архиерейского дома имелся еще один С, к которому в середине XVIII в. при составлении собственной сибирской летописи обращался И. Черепанов (Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. Сургут, 1993. С. 36. Примеч. 17; Кузнецов Е. В. Сибирский летописец. Тюмень, 1999. С. 13, 46). Заметим, что в числе атаманов наряду с Ермолаем (как порой именовали Ермака) в этом С значились Иаков и Матфей, о которых сообщается в СтЛ и зависимой от нее ЛР ОЕЛ. Утверждать, будто Ермака стали называть Ермолаем в «помяннике» времен

Итак, текст С (вторичный относительно уцелевшего в рукописи Чина православия Софийского собора «первоимянитого» Тобольска), по объему занимающий почти всю заключительную главу ОЕЛ, в ее составе неоднократно подвергался стилистической правке, а иногда — в ЛР, ОВ, особенно по Б и Ув, НР СЛС, его ГР, ТВ — и более значительным изменениям, обнаруживающим эволюцию художественных представлений сибирских книжников, главным образом в последние десятилетия «бунтшного века».

тобольских архиепископов Нектария и Герасима (*Блажес В. В. Фольклор Урала: Народная история о Ермаке*. Екатеринбург, 2002. С. 37), не приходится.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук
- АДСВ — Античная древность и Средние века
- АЕ — Археографический ежегодник
- АИ — Акты исторические
- АРГ — Акты русского государства 1505–1526 гг.
- АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI вв.
- АТСЛ — Акты Троице-Сергиевой лавры
- АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI вв.
- ВВ — Византийский временник
- ВИ — Вопросы истории
- ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины
- ГКЭ — Грамоты Коллегии экономии
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.
- ДРВМ — Древняя Русь. Вопросы медиевистики
- ИСССР — История СССР
- НИА — Нучно-исследовательский архив
- ОР — Отдел рукописей
- ОФР — Очерки феодальной России
- ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов
- РГБ — Российская государственная библиотека
- РНБ — Российская национальная библиотека
- СВ — Средние века
- СПбИИ — Санкт-Петербургский Институт истории
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
- ЧОИДР — Чтения в обществе истории и древностей российских при Московском университете

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Грязнов А. Л., Мошкова Л. В. Принципы чтения дьяческих монограмм на актах XV — начала XVI в.</i>	3
<i>Новикова О. Л. «Георгиевский» конволют и рукописи Кирилло-Белозерского монастыря.</i>	25
<i>Кистерев С. Н. Возможное объяснение оригинальных известий Раффаэле Волатеррана о Московской Руси</i>	38
<i>Мошкова Л. В. Грамоты XV — первой трети XVI в. из Ф. 281 РГАДА: Палеографические заметки (Статья вторая)</i>	55
<i>Солодкин Я. Г. Синодик «Ермаковым казакам» в Есиповской летописи: литературная судьба Тобольского «Помянника»</i>	82
<i>Список сокращений</i>	93

Научное издание

ВЕСТНИК
«Альянс-Архео»

Вып. 19

Редактор
С. Н. Кистерев

Научное издательство «Альянс-Архео»
Главный редактор издательства *О. Л. Новикова*
Художник *Ю. П. Амбросов*
Компьютерная верстка и дизайн *Р. К. Жумабаев*

Подписано в печать 21.04.2017

ООО «Альянс-Архео»
105043, Москва, ул. Первомайская, д. 40/19, оф. 38
тел./факс:
— в Москве (499) 165-31-87
— в Санкт-Петербурге (911) 254-74-40
E-mail: aarheo@mail.ru

